

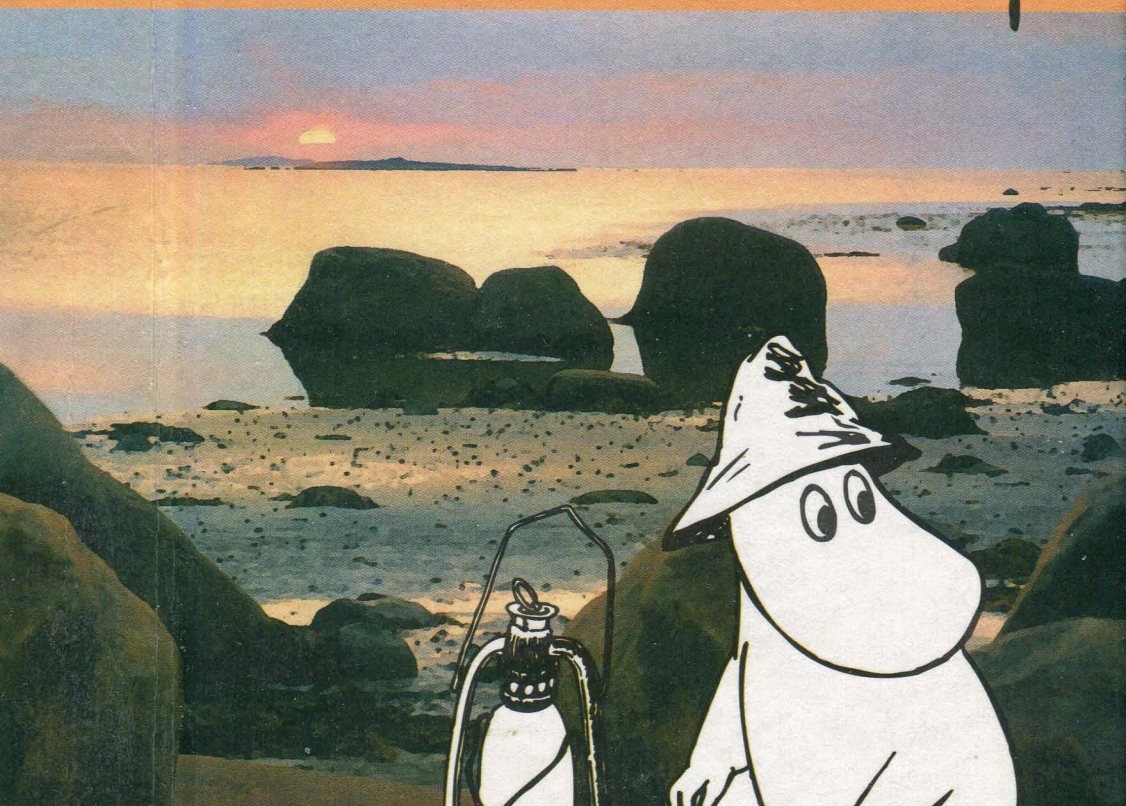

ТУВЕ
ЯНССОН

ТАТА
И МОРЕ

ТУВЕ ЯНССОН

Тата и море

Туве Янссон

Папа и море

Иллюстрации
автора

Санкт-Петербург
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»
1999

УДК 82-93
ББК 84.4 Фн
Я 65

Оформление Вадима Пожидаева

PAPPAN OCH HAVET © TOVE JANSSON
First published (1965) by Schildts Förlag, Finland
All rights reserved

Издатель выражает благодарность
Schildts Förlags AB, Finland

Янссон Т.

Я 65 Папа и море: Повесть-сказка / Пер. со швед. Л. Брауде, Н. Беляковой. — СПб.: Азбука, 1999. — 240 с.
ISBN 5-7684-0679-4
ISBN 951-50-0389-X (фин.)

Чем отличаются взаимоотношения в семейке муми-троллей от взаимоотношений в обычной семье? Да в сущности — ничем. И это хорошо видно из истории, в которой семейство муми-троллей оказывается на острове. Отправляйтесь всей семьей на необитаемый остров, и вы убедитесь в этом.

ISBN 5-7684-0679-4
ISBN 951-50-0389-X (фин.)

© Л. Брауде, перевод гл. 1—4, 1999
© Н. Белякова, перевод гл. 5—8, 1999
© «Азбука» — «Терра», русское издание, 1999

60°7'12" С. Ш.
25°45'50" В. Д.

ФИНСКИЙ ЗАЛИВ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Семейство в стеклянном шаре

Как-то раз после полудня в конце августа некий папа бродил по саду, чувствуя себя совершенно ненужным. Он не знал, куда приложить руки. Ведь все, что нужно делать, было уже сделано или этим занимался кто-то другой.

Папа слонялся туда-сюда по своему саду, а за ним следом по твердой, высохшей земле, меланхолично шелестя, тянулся его хвост. Долина плавилась от жара, все было тихо, неподвижно и чуточку пыльно. То был месяц больших лесных пожаров и большой предосторожности.

Папа уже предупредил все свое семейство. Раз за разом он объяснял, какую осторожность надо соблюдать в августе. Он описывал горящую долину, грохот, пылающие стволы деревьев, огонь, заползающий под мхи. Светящиеся столбы огня, языки пламени, что бросаются

прямо в ночное небо! Волны огня, что плещутся, пробиваясь со всех сторон долины через ее края и дальше вниз, к морю.

— И кидаются, шипя, в море, — с такой мрачной удовлетворенностью заканчивал папа описание этой картины. — Все черно, все сгорело. Огромная ответственность лежит на каждой малявке, на каждом кнютте и скрутте, у которых только есть доступ к спичкам.

Семейство прекращало все свои занятия и говорило:

— Да, да, конечно. Да!

А потом все снова возвращались к своим делам.

Они всегда чем-то занимались. Тихо, непрерывно и заинтересованно любили они возиться с маленькими-премаленькими вещицами, заполнявшими мир. Их мир был уже устоявшийся, их личный. И добавить туда было нечего. Подобно географической карте, где все открыто и заселено и больше никаких белых пятен нет. И они повторяли друг другу:

— В августе папа всегда говорит о лесных пожарах.

Папа вышел на веранду. Лапы, как обычно, прилипали к лаку, покрывавшему пол, мелкие щелкающие звуки по всей лестнице — и прямо к плетеному креслу. Хвост прилипал тоже, казалось, кто-то за него дергает.

Папа сел и заморгал. Этот пол нужно заново отлакировать. Конечно, стоит жара. Но

хороший лак не расплавляется только потому, что жарко. Может, он ошибся и взял лак не того сорта, какой нужно?! Ужасно много времени прошло с тех пор, как он построил веранду, и ее абсолютно необходимо заново покрыть лаком. Но сначала надо ободрать пол наждачной бумагой; адова работа, работа, которая никого не приводит в восторг. Другое дело — новый белый пол, который красишь белой кисточкой и покрываешь блестящим лаком. Семейство при этом должно пользоваться черным ходом и держаться подальше. До тех пор, пока я не впущу всех и не скажу: «Пожалуйста! Вот вам новая веранда...» Да, слишком жарко. Надо бы выйти в море, поплыть под парусами. Все прямо и прямо, далеко-далеко...

Папа почувствовал, как сон крадется к нему в лапы, он встряхнулся и зажег трубку. Спичка все еще горела в пепельнице, и он с интересом наблюдал за ней. И как раз перед тем как ей погаснуть, папа оторвал несколько клочков газеты и положил их в огонь. Получилось красивое небольшое пламя, почти незаметное при свете солнца, но горело оно очень мило. Некоторое время папа добросовестно его караулил.

— Сейчас оно погаснет, — сказала малышка Мю. — Подложи побольше топлива.

Она сидела на перилах в тени столба веранды.

— Ты снова здесь? — спросил папа, трясая пепельницей, покуда огонек не погас. — Я изучаю технику пожара, это важно.

Мю рассмеялась, по-прежнему не спуская с него глаз. Тогда он, нахлобучив шляпу, укрылся от всех во сне.

— Папа! — сказал Муми-тролль. — Прогни! Мы погасили лесной костер.

Теперь обе папины лапы накрепко приклеились к полу. Папа оторвал их с сильным чувством недовольства и несправедливости.

— Что ты говоришь! — воскликнул он.

— Да, настоящий маленький лесной пожар! — рассказывал Муми-тролль. — Как раз за табачной деланкой. Горел мох, и мама сказала, что это могла быть искра из дымовой трубы...

Папа курил, сидя в соломенном кресле, за одну секунду он стал папой необычайной силы действия. Его шляпа скатилась вниз по лестнице.

— Огонь погашен! — закричал ему вслед Муми-тролль. — Мы сразу же погасили его! Тебе нечего бояться!

Папа перестал курить, и у него начало гореть в горле.

— Вы погасили его без меня! Почему никто мне не сказал? Вы не разбудили меня и ничего не сказали!

— Милый! — крикнула из кухонного окна мама. — Мы решили, что не стоит будить тебя. Это был совсем маленький огонь, он

только поднял немного. А я как раз проходила мимо с ведрами воды, так что оставалось только чуточку плеснуть мимоходом...

— Мимоходом! — воскликнул папа. — Только плеснуть! Плеснуть — какое слово! И оставить очаг пожара без охраны! Где он?! Где он?!

Мама бросила все, чем занималась, и едва слышными шагами быстро прошла к табачной делянке, а Муми-тролль остался на веранде и стал смотреть, что будет. В мшистом покрове чернело маленькое пятнышко.

— Некоторые, может, думают, что такое пятно не опасно. Далеко не так. Понимаешь, пожар может продолжаться и подо мхом. В земле. Он может длиться часами, даже днями, и вот внезапно — пых! Огонь вспыхивает в совершенно новом месте. Понимаешь?

— Да, милый! — ответила мама.

— Поэтому я остаюсь здесь, — продолжал папа и угрюмо порылся в земле. — Я буду стеречь мох. Если понадобится, я буду стеречь его целую ночь.

— Ты в самом деле думаешь... — начала было мама. А потом сказала: — Да, это очень мило с твоей стороны. Когда имеешь дело со мхом, никогда ничего нельзя знать заранее.

Папа сидел весь полдень, карауля черное пятно. Он вырвал вокруг него большие куски мха. Он не хотел идти обедать. Он хотел, чтобы все считали его оскорбленным и обиженным.

— Думаешь, папа останется там на всю ночь? — спросил Муми-тролль.

— Может статься, — ответила мама.

— Уж если зол, так зол, — констатировала малышка Мю, зубами очищая картошку в мундире. — Иногда надо быть злым, каждый кнютт, каждая малявка имеет право быть сердитым. Но папа злится неправильно, он не изливает злость на других, он копит ее в себе.

— Дорогое дитя, — сказала мама, — папа, верно, и сам знает.

— Не думаю, — откровенно ответила малышка Мю. — Он вообще ничего не знает. А вы знаете?

— Не совсем, — созналась мама.

Папа сунулся мордочкой в мох и почувствовал кислый запах дыма. Земля не была даже теплой. Он выбил трубку в образовавшуюся проплешину и подул на искры. Немного разгоревшись, они тут же погасли. Папа затоптал несчастное место пожара и медленно побрел вниз по саду, чтобы заглянуть в стеклянный шар.

Сумерки выросли, как обычно, прямо из земли и сгустились в тени деревьев. Вокруг стеклянного шара было чуточку светлее. Он лежал там, такой красивый на пенковом постане, отражая, как в зеркале, весь сад. Шар был папин, абсолютно его собственный, его собственный заветный сверхъестественный волшебный шар из светящегося голубого стек-

ла, он был центром всего сада и долины, а также — почему бы и нет — всего мира!

Папа не стал сразу заглядывать в него. Сначала он рассматривал свои закопченные лапы и пытался собрать воедино все свои смутные, парящие вокруг огорчения. Когда на сердце у него стало тяжело, как никогда, он быстро заглянул в шар, чтобы почерпнуть утешение. Шар всегда дарил ему утешение. Все это долгое теплое, неопишимо красивое и печальное

лето папа каждый вечер спускался сюда, чтобы заглянуть в стеклянный шар.

Шар всегда был прохладным. Голубые его краски были глубже и яснее, чем море, и весь мир так преобразовывался в нем, что становился прохладным, и отдаленным, и чуждым. В центре мира папа видел самого себя, свою собственную большую мордочку, а вокруг нее отражался, как в зеркале, измененный, похожий на грезу сказочный ландшафт. Голубая земля была далеко-далеко внизу, и там, в глубине, в недостижимом, папа начинал искать свою семью. Она всегда появлялась, если только он ждал. Она всегда отражалась в стеклянном шаре.

Естественно, в сумерках у них всегда было столько дел! Они всегда что-то делали. Мама Муми-тролля то и дело бегала из кухни в погреб — принести масло или колбасу к чаю. Или шла на картофельное поле. Или за дровами. Всякий раз у нее был такой вид, словно она шла совершенно другой, новой дорогой, и это казалось ей страшно интересным. Но ведь никогда точно не узнаешь! Она ведь могла мысленно участвовать в какой-то таинственной забаве, она играла для самой себя или тоже лишь ходила вокруг, чувствуя, что живет на свете. Она появлялась, катясь, словно белый хлопотливый шарик, где-то очень далеко среди самых голубых теней. Там проходил Муми-тролль, далекий и очень сам по себе, там по склонам моталась малышка Мю,

как само движение: ее почти не было видно — это было просто мелькание чего-то решительного и самостоятельного, чего-то такого независимого, что не было даже необходимости хвастаться или представляться. Но внутри стеклянного шара в зеркальном изображении они становились необычайно маленькими, а их движения — беспорядочными и путанными.

Папе Муми-тролля это нравилось, это была его вечерняя игра. Она вселяла в него уверенность в том, что они нуждаются в защите, что они где-то в глубине моря и об этом известно лишь ему одному.

Теперь было уже почти темно. И вдруг внутри стеклянного шара возникло что-то новое: там зажегся свет. Мама Муми-тролля зажгла свет на веранде, она не делала этого все лето. Горела керосиновая лампа. В один миг вся надежность и уверенность сконцентрировались в одной-единственной точке на веранде, а не где-то в другом месте. На веранде сидела мама и ждала свою семью, чтобы напоить ее чаем.

Стеклянный шар угас, и голубизна перешла в сплошную темноту. Ничего, кроме лампы, не было видно.

Папа постоял немного, сам не зная, о чем размышляет, потом повернулся и пошел домой.

— Ага! — сказал папа. — Думаю, теперь можно спать спокойно. На этот раз опасность

миновала. Но безопасности ради я пробегусь на рассвете вниз и проверю...

— Ха! — воскликнула малышка Мю.

— Папа! — закричал Муми-тролль. — Ты ничего особенного не заметил? У нас лампа!

— Да, я подумала, что теперь, когда вечера становятся длинными, самое время зажечь лампу. Вечером так этого хочется... — сказала мама.

Папа сказал:

— Но ведь так вы покончите с летом. Лампу зажигают только тогда, когда кончается лето.

— Но ведь потом наступит осень, — тихо сказала мама.

Лампа грела и тихонько жужжала. При свете все делалось таким близким и надежным — и тесный круг, составлявший семью, и то, что они чувствовали и на что надеялись. А вне этого круга все было чуждое и ненадежное, темнота громоздилась все выше и выше и уходила все дальше и дальше.

— Некоторые папы всегда решают сами, настало ли время зажигать лампу, — пробормотал папа в свою чашку с чаем.

Муми-тролль разложил свои бутерброды в обычном порядке — сперва с сыром, затем два с колбасой, потом с холодным картофелем и сардинами и, наконец, с джемом. Он был совершенно счастлив. Мю ела только сардины, потому что чувствовала: этот вечер был

совершенно необычный. Почерневшими глазами она задумчиво смотрела в темноту сада.

Свет от лампы падал на траву и на куст сирени. Он слабо проникал в мир теней, где наедине с собой сидела Морра.

Она так долго сидела на одном месте, что земля под ней успела замерзнуть. Трава треснула, как стекло, когда Морра поднялась и придвинулась поближе к свету. Шепот ужаса пронесся сквозь листву, когда задрожавший лист клена, свернувшись, упал, на плечи чудовища. Астры отодвинулись от нее как можно дальше. Кузнечики перестали стрекотать.

— Почему ты не ешь? — спросила мама.

— Не знаю, — ответил Муми-тролль. — Есть у нас какие-нибудь поднимающиеся шторы?

— Да, на чердаке. Они не понадобятся нам, пока мы не погрузимся в зимнюю спячку. — Повернувшись к папе, мама спросила: — Теперь, когда у нас есть лампа, не займешься ли ты моделью своего маяка?

— Чепуха! — фыркнул папа. — Это просто ребячество! Это несерьезно.

Морра еще немного придвинулась к дому. Не спуская глаз с лампы, она тихо покачивала огромной тяжелой головой. Белая дымка холода то и дело прокатывалась у ее ног. И вот она медленно заскользила вперед, к лампе,

громадная серая тень воплощенного одиночества. Оконные стекла слабо позвякивали, как при отдаленных ударах грома, а сад затаил дыхание. И вот Морра уже у веранды, она остановилась перед четырехугольником света на ночной земле.

А потом быстро бросилась к окну, и свет лампы ударил ей прямо в глаза. И тогда покой веранды нарушили крики, беготня и движения, похожие на взмахи крыльев; стулья упали, лампу унесли, и веранда погрузилась в темноту. Все помчались в дом, в самую глубину, в его сердце, в цитадель надежности, где и спрятались со своей лампой.

Морра постояла немного, дыша морозом на неосвещенное оконное стекло, и ускользнула прочь, снова став частью мрака. Трава звенела и трескалась там, где она проходила, проходила все тише и тише, все дальше и даль-

ше. Сад, содрогаясь, ронял листья, а потом снова задышал. Морра прошла мимо, теперь ее нет.

— Совершенно незачем баррикадироваться и не спать всю ночь, — сказала мама. — Морра, наверное, снова что-нибудь уничтожила в саду. Но она не опасна. Ты ведь знаешь: она не опасна, хотя и ужасна.

— Конечно опасна! — воскликнул папа. — Даже ты боишься ее. Ты страшно испугалась... Но тебе нечего бояться, пока я в доме...

— Дорогой! — сказала мама. — Морры боятся потому, что она совершенно холодная. И никого на свете не любит. Но она никогда ничего плохого не сделала. А теперь, я думаю, нам пора спать.

— Прекрасно! — согласился папа и поставил кочергу обратно в угол, где она обычно стояла. — Прекрасно! Если она ни капельки не опасна, нам не надо защищаться. Замечательно! — Он выскочил на веранду, схватив мимоходом сыр и колбасу, и ринулся во мрак одиночества.

— Ого! — восхитилась малышка Мю. — Он разозлился! Он потушит пожар! Он собирается караулить мох до самого утра!

Мама не произнесла ни слова. Едва слышными шагами ходила она взад-вперед, устраиваясь, по своему обыкновению, на ночь. Она рылась в своей сумке, она подкручивала

лампу, а тишина была совершенно обманчива. В конце концов мама с отсутствующим видом начала стирать пыль с папиной модели маяка, стоявшей в углу на комод.

— Мама! — позвал Муми-тролля.

Но мама не слушала. Она подошла к висевшей на стене большой карте, на которой были изображены и Долина муми-троллей, и побережье, и острова в море. Забравшись на стул так, чтобы лучше видеть море, она прижалась мордочкой прямо к маленькой точке посреди белой пустоты.

— Вот он, — пробормотала мама Муми-тролля. — Вот там мы будем жить, жить прекрасно и переносить невзгоды...

— Что ты говоришь! — воскликнул Муми-тролля.

— Да, там мы будем жить! — повторила мама. — Это папин остров. Папа позаботится о нас. Мы переедем туда и будем жить там всю жизнь и начнем все сначала.

— А я-то всегда думала, что это просто мушиное дерьмо, а никакой не остров, — сказала малышка Мю.

Мама слезла на пол.

— Иногда нужно время... — заметила она. — Нужно жутко много времени, прежде чем многое станет ясно.

И вышла в сад.

— Ничего не стану говорить о папах и мамах, — растягивая слова, сказала малышка

Мю. — Потому что тогда ты сейчас же скажешь, что, по-твоему, папы и мамы никогда не могут быть дурашливыми. Они во что-то играют, но я готова съесть целое каппе* дерьма, если пойму во что.

— А тебе и незачем понимать! — вспыхнул Муми-троль. — Они, верно, сами знают, почему они такие странные. Некоторые смотрят на других сверху вниз только потому, что их удочерили!

— Ты абсолютно прав! — отозвалась малышка Мю. — Я всегда смотрю на всех сверху вниз!

Он поглядел на одинокую точку в далеком море и подумал: «Там будет жить папа. Он туда стремится. Папа и мама думают об этом всерьез. Эта игра — серьезная». И внезапно Муми-троль подумал, что в пустынном море бывают вокруг острова буруны и они начинают бурлить. А остров становится зеленым, горы — красными, и еще остров становится одиноким, таинственным островом из всех известных ему книжек с картинками, островом для кораблекрушений и Тихого океана. У Муми-тролля перехватило горло, и он прошептал:

— Мю! Это же фантастика!

— Пожалуйста! Все — фантастика! — заметила малышка Мю. — Более или менее. Самое фантастическое было бы, если бы мы

* Мера (устаревш.) — 4,58 л.

приплыли туда с невероятным шумом и скандалом и со всеми нашими причиндалами, а остров в самом деле оказался бы мушиным дерьмом.

Было едва ли больше половины шестого утра, когда Муми-тролль прошел по следам Морры в саду. Земля уже оттаяла, но все же видно было, где она сидела и ждала — трава была там совершенно бурая. Он знал, что, если Морра сидит на одном и том же месте больше часа, там никогда ничего больше не вырастает, а земля умирает от ужаса. В саду было много таких мест, самое досадное, что одно из них было посреди клумбы с тюльпанами.

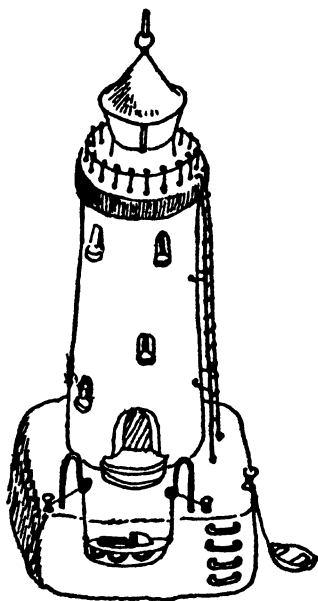
Широкая дорожка сухой листвы вела прямо к веранде. Здесь Морра стояла. Она стояла как раз перед кругом света и смотрела на лампу. Потом, не в силах удержаться, подошла поближе к веранде, и все погасло. Так бывало всегда. Все, к чему она прикасалась, угасало.

Муми-тролль представил себе, что он — Морра. Медленно, скорчившись, двигался он по куче мертвой листвы, потом молча стоял в ожидании, пока вокруг распространится туман. Он вздыхал, тоскливо и неотрывно глядя в окно. Он был самым одиноким существом на всей земле.

Но без лампы все казалось не слишком убедительным. И в голове у него начали мелькать кое-какие веселые мыслишки: мыслишки об островах в море и предстоящих великих

изменениях. Он забыл про Морру и начал балансировать среди длинных утренних теней. Нужно было только ступать по солнечным лучам, а все остальное было глубоким бездонным морем. А если не умеешь плавать!

В сарае что-то засвистело. Муми-тролль взглянул туда. Раннее солнце золотистым светом освещало стружки у окна, пахло льняным маслом и смолой.

Папа занимался тем, что прилаживал маленькую дубовую дверь в стену маяка, вернее, его модели.

— Посмотри на эти железные скобы, — сказал он. — Они вбиты в скалу, по ним

поднимаются вверх, на маяк. Если плохая погода, надо быть осторожным. Видишь ли, лодка скользит к горе по гребню волны, перепрыгивает через нее, крепко цепляется, отталкивается... а когда нахлынет следующая волна, ты уже в безопасности. Потом борешься с ветром, здесь, смотри, вдоль перил... открываешь дверь, она тяжелая. Вот, теперь она снова захлопывается. И ты в маяке. И как бы издали сквозь толстые стены слышишь шум моря. За стенами вокруг грохочет море, а лодка уже далеко отсюда.

— А мы тоже там, внутри маяка? — спросил Муми-тролль.

— Естественно, — ответил папа. — Вы здесь наверху, в башне. Посмотри, в каждом окне — настоящее стекло. На самом же верху — сам маяк. Он горит и красным, и зеленым, и белым и мигает через равные промежутки времени всю ночь напролет, так что лодки и суда знают, куда им плыть.

— А ты сделаешь так, чтобы маяк светил по-настоящему? Можно принести батарейки и придумать что-нибудь, чтобы свет мигал.

— Это я, верно, сумею, — сказал папа, вырезая маленькую ступеньку перед дверью маяка. — Но сейчас мне не успеть. Понимаешь, вообще-то это только игра, своего рода упражнение.

Папа смущенно засмеялся и начал рыться в ящике с инструментами.

— Замечательно! — одобрил Муми-тролль. — Привет, пока!

— Привет, привет! — отозвался папа.

Тени стали короче. Надвигался новый день, такой же теплый, такой же красивый. Мама сидела на крыльце и ничего не делала. Это было странно.

— Как рано все сегодня встали, — сказал Муми-тролль.

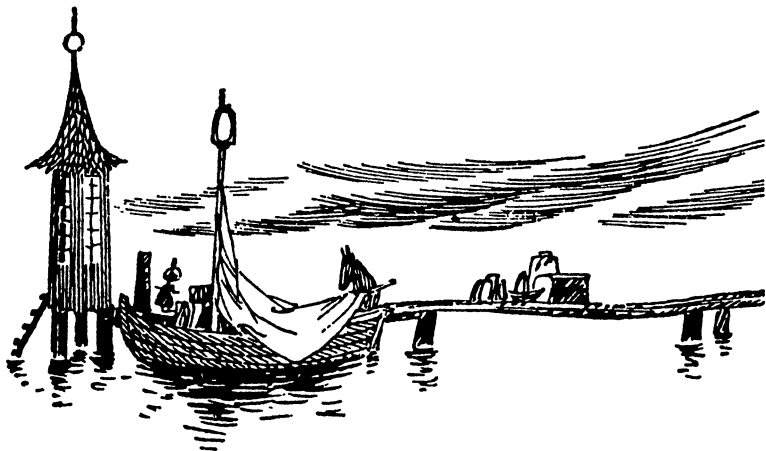
Сев рядом с мамой, он зажмурился, глядя на солнце.

— А ты знаешь, что на папином острове есть маяк? — спросил он.

— Конечно, знаю, — ответила мама. — Он говорил об этом все лето. Там мы будем жить.

Можно так много болтать и ничего при этом не сказать. Крыльцо было теплым. Все казалось правильным и настоящим. Папа за-свистел «Вальс морского орла», а свистел он прекрасно.

— Пойду-ка сварю кофе, — сказала мама. — А то я только и знаю, что сидеть и пробовать на вкус каждую минутку.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Маяк

Длинным, чреватым важными событиями вечером ветер медленно летел к востоку. Он начал дуть сразу же после двенадцати, а отплытие намечалось перед заходом солнца. Море было теплое, глубокого голубого цвета, такого же, как в стеклянном шаре. Вся пристань была завалена багажом до самой купальни, где подпрыгивала на волнах лодка. Паруса были подняты, а на верхушке мачты горел штормовой фонарь. Муми-тролль тащил через линию прибоя садки для рыб и тралы. На берегу было уже сумеречно.

— Конечно, мы рискуем, дожидаясь ночи, — сказал папа. — Можно было отплыть сразу же после завтрака. Но понимаешь, в этом

случае нам пришлось бы ждать захода солнца, ведь великое отплытие так же важно, как и первые строки в книге. Они определяют все.

Он уселся на песке рядом с мамой.

— Посмотри на лодку, посмотри на наше «Приключение», — сказал он. — Лодка ночью — это нечто удивительное. Вот так и надо начинать новую жизнь — с горящего на верхушке мачты штормового фонаря. Береговая линия исчезает у тебя за спиной, весь мир спит. Путешествовать ночью — самое лучшее на свете.

— Верно, ты прав, — сказала мама. — Днем лишь прогуливаются, но путешествуют ночью.

Она очень устала, упаковывая все эти вещи и постоянно беспокоясь: а вдруг что-то важное забыто. Когда багаж лежал на мостках купальни, казалось, его много. Но мама знала, как мало его будет, когда все распакуют. Семье нужно страшно много всего, чтобы хоть один день прожить по-настоящему.

Но теперь, разумеется, все было иначе. Теперь настоящим было как раз то, что они начинали все совершенно с самого начала. И то, что папа добывал все, что им нужно, заботился о них и опекал. Им, вероятно, было слишком хорошо. «Как странно, — огорченно думала мама, — как странно, что становишься грустным и злым оттого, что тебе хорошо. Но как есть, так и есть. И в таком случае, пожалуй, лучше начать с другого конца».

— Тебе не кажется, что уже достаточно темно? — спросила она. — Твой фонарь выглядит по-настоящему красиво на глади неба. Может, нам пора отчаливать?

— Подожди немного. Я сосредоточусь, — сказал папа.

Он развернул на песке карту и осмотрел одинокий остров, обозначенный в самой середине моря. Папа был очень серьезен. Он долго нюхал ветер, пытаясь сосредоточиться и пораскинуть своим личным чутьем, которым так долго пренебрегал. Предкам его никогда не приходилось заботиться о том, чтобы сразу же все угадать. Все шло само собой. Но инстинкт, к сожалению, со временем притупляется.

Через некоторое время папа почувствовал, что точно определился. Направление известно, можно плыть. Поправив шляпу, он сказал:

— Теперь мы поплывем. Но ты ничего не поднимай. Все самое трудное сделаем мы. Ты только поднимешься на борт, понятно?!

Мама кивнула и поднялась. Теперь море стало фиолетовым, а опушка леса — одной сплошной мягкой тьмой. Маме очень хотелось спать, и она вдруг подумала: все, что сейчас происходит, нереально. Как замедленная, фантастически окрашенная греза — как будто идешь по тяжелому песку и никуда не приходишь.

И вот они уложили в лодку груз, лежавший на мостках.

Раскачивался штормовой фонарь, силуэты мостков и купальни походили на длинного иглистого дракона в вечернем небе. Она слышала хохот малышки Мю, а за спиной — голоса ночных птиц, проснувшихся в лесной чаще.

— Красиво! — самой себе сказала мама. — Красиво и удивительно. Теперь, когда у меня есть время чувствовать и ощущать, я вижу, что все — просто потрясающе. Интересно, оскорбится папа или нет, если я немного посплю в лодке.

Морра прокралась в сад после захода солнца, но в этот вечер лампа на веранде не горела. Гардины были опущены, а бочка с водой перевернута вверх дном. Ключ висел на своем месте, на гвозде рядом с дверью.

Морра привыкла к заброшенным домам, она тотчас поняла, что здесь очень долго никто не зажжет свет.

Медленно и тяжело побрела она обратно по склону вверх, в гору. Стекланный шар на минуту отразил ее, как в зеркале, а потом снова наполнился своей голубой призрачностью. Вдох ужаса всколыхнул лес, когда проходила Морра, кто-то спасался бегством во мхах, трепетали от ужаса ветки, повсюду угасали маленькие светящиеся глаза. Морра привыкла и к этому. Не останавливаясь, поднималась она на южный гребень горы и смотрела оттуда на море, темневшее к ночи.

Штормовой фонарь на мачте парусной лодки «Приключение» виднелся очень явственно, одинокая звезда скользила мимо крайних островов и все двигалась и двигалась вперед. Морра долго разглядывала ее — она никогда не торопилась. Ее время было бесконечно, оно было медленно, смутно и определялось лишь светом лампы, которую зажигали к осени, — светом редким и случайным.

И вот она уже скользит через ущелье к берегу. Ее следы на песке широки и не имеют очертаний — словно огромный тюлень ползет вперед, к воде. Волны опускаются обратно в море и в нерешительности останавливаются, вода блестит и успокаивается вокруг темных с каймой юбок Морры и постепенно замерзает.

Морра долго ждет, пока ее окутает снежный туман. Иногда она медленно поднимает ноги, лед трескается, разбивается на мелкие осколки, становится все толще и толще. Морра строит себе собственный маленький островок из льда, чтобы пробиться вперед, к горящему свету. Он исчез там, за островами, но она знает, что он есть. И если даже угаснет, прежде чем она успеет пробраться туда, это ничего не значит. Она может подождать. Они зажгут новый огонь, в другой вечер. Они всегда делали это прежде, раньше или позже.

Папа Муми-тролля вел лодку. Он постоянно держал руль в лапе, сжимал его с чув-

ством тайного взаимопонимания и был абсолютно в мире с самим собой.

Его семейство казалось таким же маленьким и беспомощным, как в стеклянном шаре, и он уверенно вел его по безбрежному морю сквозь голубую тихую ночь. Штормовой фонарь обозначал их путь, словно папа решительно провел светящуюся линию через карту и сказал: «Отсюда — и сюда. Вот здесь мы будем жить. Здесь земля вращается вокруг моего маяка, гордого и прямого, окруженного всеми опасностями, какие только таит в себе море».

— Ну как, вы не мерзнете?! — весело воскликнул он. — Ты закуталась в одеяло?! Видите, мы прошли последний остров. Скоро наступит ночь, самое глухое время. Плыть ночью очень трудно, нужно каждую секунду быть на чеку.

— Конечно, милый, — сказала мама. Она лежала, свернувшись калачиком. — Это очень большое переживание.

Одеяло чуточку промокло, и она осторожно подвинулась к наветренному борту. Шпангоуты все время мешали ее ушам.

Мальшка Мю сидела на носу лодки и вполголоса монотонно мурлыкала что-то себе под нос.

— Мама, — прошептал Муми-тролль, — что с ней случилось, почему она такая злая?

— Кто?

— Морра. Наверно, кто-то причинил ей зло, раз она стала такой?

— Этого никто не знает, — ответила мама, вытаскивая хвост из воды. — Вероятнее всего, никто ей ничего не сделал. Мне кажется, никому до нее дела нет. И едва ли она помнит или размышляет об этом. Она все равно что дождь, или тьма, или камень, который надо обойти, чтобы двигаться дальше. Хочешь немного кофе? Он в термосе, в белой корзинке.

— Сейчас не хочу, — сказал Муми-тролль. — У нее маленькие желтые глазки, такие же стеклянные, как у рыбы. Она умеет говорить?

Вздохнув, мама сказала, что говорить с Моррой не следует. Ни говорить с ней, ни говорить о ней. Иначе она начнет расти и явится за тем, кто болтает. И не нужно жалеть Морру.

— Ты думаешь, она тоскует по горящему свету? Вовсе нет, ей просто хочется сесть на него, чтобы он погас и никогда больше не горел. А теперь я почти уверена, что немного посплю, — добавила мама.

На небе появились блеклые осенние звезды. Муми-тролль, лежа на спине, смотрел на штормовой фонарь, но думал он о Морре. Если на свете есть такое существо, с которым никогда не говорят и о ком никогда не говорят, то его надо мало-помалу уничтожить и не надо даже думать, что Морра существует. Муми-троллю было любопытно, может ли здесь помочь зеркало. Ведь благодаря множеству зеркал тебя

может стать сколько угодно, а быть может, эти многочисленные «ты» даже заговорят друг с другом. Быть может...

Стояла мертвая тишина, лишь слегка поскрипывал руль. Все спали, а папа был совершенно наедине со своим семейством. Он совсем не хотел спать, не хотел спать больше, чем когда-либо прежде...

А далеко отсюда ближе к утру Морра решила уйти из долины. Остров под ней был черный и прозрачный, завершавшийся тонким бушпритом льда, указывавшим прямо на юг. Песчаное дно побережья, скользя, уходило вдаль. Она собрала свои темные юбки, висевшие на ней, как листья на стебле увядшей розы, — они распахивались и шуршали, они поднимались, как крылья... Так началось странствие Морры по волнам.

Юбки взлетали вверх, взметались и опускались, словно движения гребца в стылom воздухе, вода отступала, поднимая испуганные волны... Вот так и плыла Морра вперед и все дальше и дальше на рассвете, сопровождаемая

хвостом снежного дыма в кильватере. На фоне горизонта она казалась огромной, качающейся на волнах летучей мышью. Медленно и трудно, но она странствовала. У Морры было время. У нее не было ничего, кроме времени.

Семейство плыло до самого утра и весь следующий день, и снова настала ночь, а папа по-прежнему сидел у руля и ждал, что вот-вот увидит свой маяк. Однако ночь была все такой же голубоватой, а свет маяка не мигал на горизонте.

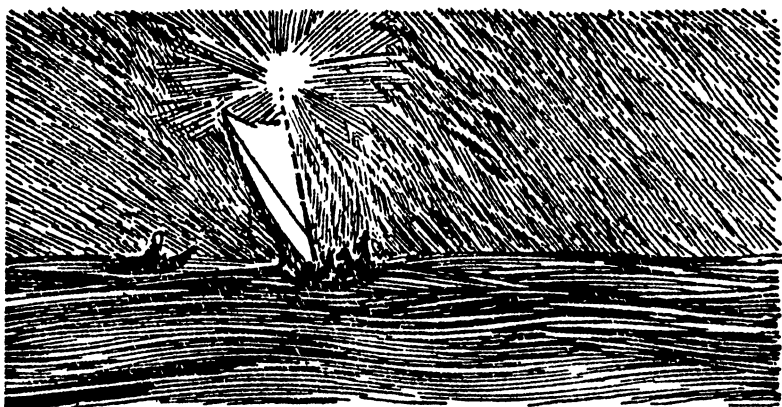
— Курс верный, — сказал папа. — Я знаю, он выбран правильно. С таким ветром, как сейчас, мы должны приплыть на остров ближе к полуночи и уже в сумерки увидеть свет маяка.

— А может, какой-нибудь мошенник погасил его, — предположила малышка Мю.

— Ты думаешь, маяк можно погасить? — возразил папа. — Если есть на свете что-либо надежное, так это свет маяка. В мире есть абсолютные вещи: морские течения и времена года. И то, что по утрам восходит солнце. И то, что маяки светят.

— Вероятно, все так и будет, — сказала мама.

Множеству мелких раздумий просто не хватало места у нее в голове. «Хоть бы маяк горел. Папа так рад. Хоть бы там был маяк, а не мушиное дерьмо... совершенно невозможно снова плыть домой... после такого торжествен-

ного отплытия... Ракушки бывают и розового цвета, но белые очень красивы на черной земле. Интересно, приживется там роза или нет...»

— Эй! Я что-то слышу, — крикнула сидевшая на носу малышка Мю. — Заткнитесь на минутку, ой, что будет!

Подняв мордочки, они уставились в ночь. Тихо-тихо доносились звуки ударов весел. К ним очень медленно приближалась какая-то лодка, и вот она уже выскользнула из темноты, маленькая и серая. Гребец перестал грести и смотрел на них без всякого удивления. Он показался им очень спокойным и неухоженным. Его большие голубые глаза светились, прозрачные, как вода. На штевне лодки лежала удочка.

— Клюет ночью? — спросил папа.

Глядя мимо, Рыбак пожал плечом. Он не желал разговаривать.

— Нет ли здесь поблизости острова с большим маяком? — продолжал папа. — И почему

не горит маяк? Мы уже давно должны были увидеть свет маяка.

Лодка Рыбака проскользнула мимо. И они едва расслышали его слова, когда он наконец ответил:

— Кто его знает... Плывите обратно домой... Вы слишком далеко забрались...

И он исчез за их спиной. Они прислушивались к ударам весел, но стояла уже глубокая тишина.

— Ну разве он не странноватый! — неуверенно произнес папа.

— Он был очень странный, — заверила малышка Мю. — Решительный. Наверное, хорошо играет в мяч.

Мама вздохнула и попыталась вытянуть ноги.

— Но ведь большинство из тех, кого мы знаем, именно такие, — сказала она. — Более или менее.

Ветер утих. Папа сидел у руля, прямой, как свеча, подняв нос кверху.

— Наконец-то, — сказал он. — Я знаю, что мы уже на месте. Мы причаливаем к острову с подветренной стороны. Но не могу понять, почему погашен маяк!

Воздух вокруг был теплым, пахло вереском. Стояла абсолютная тишина. И вот из ночи выступила гигантская тень. Остров склонился над ними, внимательно их рассматривая. Они почувствовали его жаркое дыхание, когда лодка врезалась в песок и остановилась, почув-

ствовали, что их разглядывают, и сжались, сидя на банках и не смея шевельнуться.

— Послушай-ка, мама! — прошептал Муми-тролль.

Легкие ноги промчались галопом по берегу, слабо плеснула вода и все стихло.

— Наверное, это всего-навсего Мю спрыгнула на берег, — сказала мама.

Сбросив с себя пелену молчания, мама начала копать среди корзин и попыталась перенести ящик с розой через поручни.

— Абсолютное спокойствие, — возбужденно произнес папа. — Я позабочусь об этом. Все нужно правильно организовать с самого начала. Сначала лодка... Лодка важнее всего... Не суетись и будь спокойна.

Мама снова покорно уселась в лодку и попыталась не мешать, когда спускали парус и гик, который ездил то туда, то сюда, пока папа метался в лодке и все организовывал. Штормовой фонарь осветил только круг белого песка и черной воды, везде царила тьма. Затем папа и Муми-тролль вытащили на берег матрац, один угол которого совершенно промок. Лодка накренилась, и голубой сундучок прижал розовый куст к поручням.

Мама сидела, закрыв мордочку лапами, и ждала. Вероятно, все было так, как надо. Видимо, ей нужно приучаться к тому, что о ней заботятся, и это должно ей нравиться. Может, она немного и вздремнула.

Папа стоял у кромки воды, держа в руке фонарь.

— Теперь можешь идти. Все ясно.

Он был бодр и весел, шляпа съехала у него на затылок. Чуть повыше, на берегу, он соорудил палатку из паруса и весел, похожую на огромное присевшее на корточках животное. Мама попыталась разглядеть, есть ли хоть несколько ракушек на новом берегу, но в темноте она видела плоховато. Ей обещали ракушки, большие и необычные, какие, наверное, бывают далеко в море.

— Вот, — сказал папа. — А теперь твое дело — спать. Я буду караулить на берегу всю ночь, вам нечего беспокоиться. Завтра ночью будете спать уже в моей башне. Лишь только станет светло, я отыщу маяк, и мы переселимся туда. Непонятно, почему он не горит?! Надеюсь, там внутри тепло.

— Здесь прекрасно, — восхитилась мама, залезая под парус.

Малышка Мю, как всегда, болталась где-то сама по себе, но это, пожалуй, ничего. Она, похоже, справляется лучше всех в их семье. Кажется, все идет хорошо.

Муми-тролль видел, что мама ворочается с боку на бок на влажном матрасе. Потом она нашла ямку, в которой спала, и, слегка вздохнув, уснула. Из всего нового и чуждого самым удивительным было то, что мама заснула на новом месте, не распаковав вещи, не постелив им постель и не оделив всех карамельками. Она даже бросила на прибрежном песке сумку. Это пугало, но вместе с тем внушало надежду: ведь все происходящее означало перемену, а не только Приключение.

Муми-тролль поднял мордочку и выглянул из-под паруса. Папа сидел на берегу и

караулил, перед ним стоял штормовой фонарь. Папина тень была очень большой и длинной, а сам папа казался гораздо крупнее, чем обычно. Муми-тролль снова свернулся калачиком и подтянул лапки под теплый живот. И голубые, как ночное море, сны убаюкали его.

Постепенно приближалось утро. Папа был наедине со своим островом, и с каждым часом тот все больше и больше становился его собственным. Но вот небо поблекло, а перед ним поднялась гора со всеми своими большими, карабкающимися ввысь откосами, а над ними он увидел наконец маяк, огромный и черный на глади серого неба. Маяк был гораздо больше, чем представлял себе папа. Было то время ночи, когда все становится подозрительным и опасным, если ты одинок и бодрствуешь, предоставленный самому себе.

Папа погасил фонарь, и берег исчез. Папа не хотел, чтобы маяк еще видел его. С моря потянуло холодным утренним ветром. Где-то за островом кричали морские птицы.

Все выше и выше поднимался маяк перед папой, стоявшим на берегу у подножия горы, он напоминал его собственную модель маяка, ту, что никогда не будет по-настоящему завершена.

Папа долго рассматривал его, этот темный заброшенный маяк, и постепенно тот стал меньше и занял подобающее место среди мыслей и картин, которые были у папы раньше.

«Во всяком случае маяк — мой, — подумал папа, зажигая трубку. — Я завоюю его. Я отдам его моей семье и скажу: „Здесь вы будете жить“. Пожалуй, когда мы окажемся там, внутри, нам не страшна будет никакая опасность».

Мю сидела на лестнице маяка и смотрела, как наступает утро. Перед ней лежал полуосвоенный остров, похожий на огромного серого кота, который потягивается, выпустив когти. Лапы кота покоятся в море, а хвост — длинный узкий мыс — тянется вдаль. Шерсть на спине у кота стоит дыбом, а глаза прикрыты.

— Ха! — воскликнула малышка Мю. — Это необычный остров! Он спускается к морскому дну совсем не так, как обычные острова. Ну и дела пойдут! Уж я-то знаю!

Свернувшись калачиком, она ждала. Солнечный луч поднялся над морем. Остров расцветился красками и тенями. Он принял свою собственную форму и убрал когти. Все засветилось, а морские птицы, белые как мел, поплыли над мысом. Кот исчез. Но поперек острова, словно широкая темная лента, легла тень маяка, спускавшаяся до самого берега, где причалила лодка.

И вот появилось все семейство. Далеко внизу они походили на мелких муравьев. Папа и Муми-тролль тащили с собой столько, сколько в силах были унести, они шагнули из зарослей ольхи и очутились в тени маяка. Там они

стали еще меньше. И вот они — три белые точки — остановились и подняли мордочки, чтобы разглядеть маяк.

— Какой он большой! — сказала мама, и ей стало холодно.

— Большой?! — воскликнул папа. — Он огромный! Это, вероятно, самый большой маяк на свете. А думали ли вы о том, что это самый крайний остров? Никто за нами не живет — там только море! Мы смотрим морю прямо в лицо, а далеко за нами обитают другие, те, кто живет в шхерах. Разве это не удачная мысль?

— Удачная, папа! — воскликнул Муми-тролль.

— Можно мне понести корзину? — спросила мама.

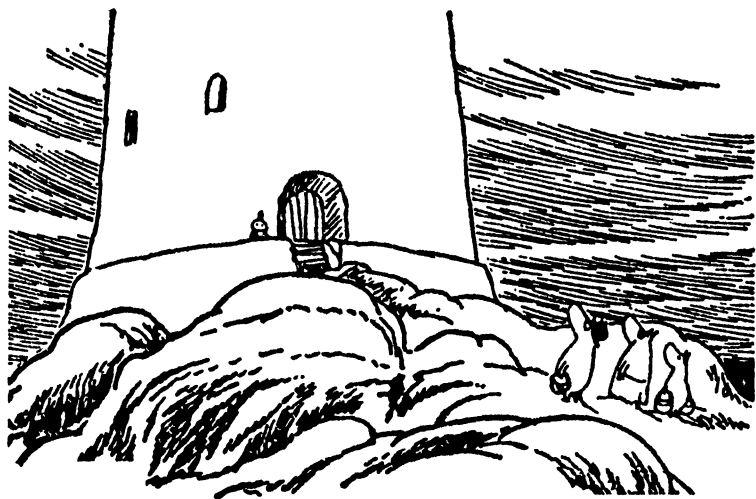
— Нет, нет и нет! — ответил папа. — Ты не должна ничего носить. Ты должна войти прямо в твой новый дом... подожди, тебе нужны цветы, так принято — подожди немного... — Свернув в осинник, он начал собирать цветы.

Мама оглянулась. Какая скудная здесь земля! И как много камней! Кучи камней повсюду! Нелегко будет разбить здесь сад, да, нелегко!

— Мама, что это за тревожный звук?! — прошептал Муми-тролль.

Мама прислушалась.

— И правда, — согласилась она, — тревожный. Но это просто осины. Они всегда так шумят!

Там, среди камней, росли маленькие, колышущиеся на ветру осинки; их листья непрерывно шелестели от легкого ветерка, доносившегося с моря. Они сильно дрожали, их все время бил озноб...

Сегодня остров был совершенно другой, он равнодушно отвернулся. Он больше не разглядывал осинки так, как в ту теплую ночь... Теперь он смотрел далеко-далеко через море.

— Ну вот, — сказал папа. — Цветы жутко мелкие, но они, верно, распустятся, если ты поставишь их на солнце... А теперь пойдем. Постепенно здесь ляжет хорошая дорога наверх, прямо от берега, где причаливают лодки. А для «Приключения» построим причал. Здесь масса дел!

Подумать только, подумать только, строить всю свою жизнь и переделывать остров до тех

пор, пока он не станет совершенным, пока не станет чудом!..

Взяв корзины, папа поспешил вперед, прямо по вересковой пустоши к своему маяку.

Перед ними поднимался хребет горы докембрийской породы с дерзкими, карабкающимися ввысь откосами, которые громоздились обрывами один за другим — серые и пересеченные расселинами.

«Здесь все слишком большое, — подумала мама. — Или же я слишком маленькая...»

Только дорога была такой же маленькой и неуверенной, как она сама. Они вместе оступью пробирались между скалами и одновременно поднялись на гору, где на тяжелом подножии из бетона их ждал маяк.

— Добро пожаловать домой! — сказал папа.

Их взгляды скользили ввысь, все выше — маяк был бесконечно высоким, совершенно белым, титаническим, он был совершенно невообразим. Высоко-высоко наверху летала взад-вперед с головокружительной быстротой, описывая кривые, тучка испуганных ласточек.

— У меня начинается легкая морская болезнь, — слабым голосом произнесла мама.

Муми-тролль посмотрел на папу. Папа торжественно взбирался вверх по лестнице маяка и уже протягивал лапы к двери.

— Она заперта, — сказала за его спиной малышка Мю.

Папа обернулся и непонимающе посмотрел на нее.

— Она заперта, — повторила Мю. — Ключа нет.

Папа дернул дверь. Он вертел и крутил ручку. Он колотил в дверь. Он даже пнул ее. Но под конец он сделал шаг назад и стал рассматривать дверь.

— Вот гвоздь! — сказал он. — Совершенно ясно, что это гвоздь для ключа. Вы сами видите! Я никогда не слышал ни о ком, кто бы, заперев дверь, не вешал аккуратно ключ на гвоздь. Особенно если он — Смотритель маяка.

— А может, ключ под лестницей? — спросил Муми-троль.

Под лестницей ключа не было.

— Теперь чтоб было тихо! — потребовал папа. — Совсем тихо. Я должен подумать. — Опустившись на вершину горы, он сел, обратив мордочку к морю.

Ровно и спокойно пронесся над островом зюйд-вест, воздух стал теплее. И день был совершенно такой, настоящий, словно предназначенный для того, чтобы вступить во владение маяком. От разочарования у папы стало пусто в животе, и он не мог собраться с мыслями. Другого места для ключа, кроме как на гвозде и под лестницей, не было. Перед лестницей все было гладко и голо — никаких дверных косяков, никаких подоконников, никаких плоских камней перед лестницей, все было гладко и голо.

Мысли вяло бродили в голове у папы, и он все время сознавал, что семейство, стоя за его спиной и затаив дыхание, ждет. В конце концов он крикнул через плечо:

— Я немного посплю!

Это ведь обычное дело, что сложная проблема разрешается во сне. Голова работает лучше, если ее оставить в покое. Свернувшись калачиком в расщелине, он надвинул на глаза шляпу. С поразительной легкостью погрузился он в сон и темноту.

Муми-тролль прошел вперед и заглянул под лестницу.

— Здесь только мертвая птица, — сказал он.

То был маленький хрупкий скелет, совершенно белый. Муми-тролль положил его на лестницу, где скелет подхватило ветром и сдуло вниз.

— Я видела много таких внизу в вереске, — с энтузиазмом сказала малышка Мю. — Это напоминает мне Месть Забытых Костей. Изумительная история!

Некоторое время было тихо.

— А что будет теперь? — спросил Муми-тролль.

— Я все думала об этом Рыбаке, которого мы встретили ночью, — сказала мама. — Он, видимо, живет где-то на острове. Может, он что-нибудь знает.

Открыв мешок с постельными принадлежностями, она вытащила оттуда красное одеяло.

— Накрой папу, — велела она. — Нехорошо спать прямо на скале. А потом обойди остров и поищи Рыбака. Захвати на обратном пути немного морской воды, будь добр; медный чайник лежит в лодке. И картошка тоже.

Прекрасно было отправиться по какому-то делу. Повернувшись спиной к огромному запертому маяку, Муми-тролль брел по острову. Под горой стояла летняя тишина, на склонах красными неподвижными волнами цвел вереск. Земля была твердая и горячая. Цветы пахли хорошо, но не так, как у них дома в саду.

Только теперь, оставшись один, Муми-тролль мог по-настоящему видеть остров и вдыхать его запахи, ощупывать его лапками и, наострив уши, прислушиваться к нему. Если не считать ровного шума моря, остров был тише долины, совершенно молчалив и ужасно стар.

«Его нелегко понять, — подумал Муми-тролль. — Это остров, который хочет, чтоб его оставили в покое».

Вересковая пустошь спускалась вниз к маленькому зеленому торфяному болотцу посреди острова, потом снова взбиралась ввысь и исчезала в низком ельнике и среди карликовых березок. «Как странно, что придется жить там, где нет ни единого высокого дерева!» Все, что росло, было низким, ползло густой порослью по земле, пробиралось ощупью через гору... Муми-тролль решил, что ему

тоже надо опуститься на четвереньки и сделаться маленьким. Он помчался к мысу.

Далеко в глубине западного мыса стоял маленький домик, сложенный из камней, спаянных цементом. Он цепко держался за гору множеством железных скоб. Крыша у него была круглая, словно спина тюленя, и домик смотрел на море сквозь очень крепкое оконное стекло. Домик был такой маленький, что уместиться в нем можно было еле-еле, да и то если ты был не слишком рослым, а Рыбак построил домик для себя. Лежа на спине и держа руки под головой, он разглядывал медленно странствующие по небу тучи.

— Доброе утро, — поздоровался Муми-тролль. — Это ты живешь в этом домике?

— Только когда штормит, — отчужденно ответил Рыбак.

Муми-тролль серьезно кивнул головой. Именно так и надо жить, если любишь высокие волны. Сидеть посреди бурунов, видеть нашествие огромных зеленых водяных гор и слышать, как море грохочет над твоей крышей. Муми-тролль мог бы спросить: «Нельзя ли мне тоже иной раз войти в твой дом и посмотреть на волны?» Но этот домик был явно построен только для одного.

Он сказал:

— Мама просила передать привет и спросить про ключ от маяка.

Рыбак не ответил.

— Папа не может туда войти, — огорченно объяснил Муми-тролль. — Так что мы думали, быть может, Смотритель маяка...

Снова наступила тишина. На небе поднялись ввысь новые тучи.

— Там, верно, был Смотритель маяка? — спросил Муми-тролль.

Рыбак наконец-то повернул голову и посмотрел на него голубыми водянистыми глазами.

Он сказал:

— Нет, я ничего ни о каком ключе не знаю.

— Он погасил маяк и уехал? — продолжал расспрашивать Муми-тролль.

Никогда раньше не доводилось ему встречать таких, кто только соизволял бы отвечать на вопросы. Это взвинтило Муми-тролля и даже немного озадачило...

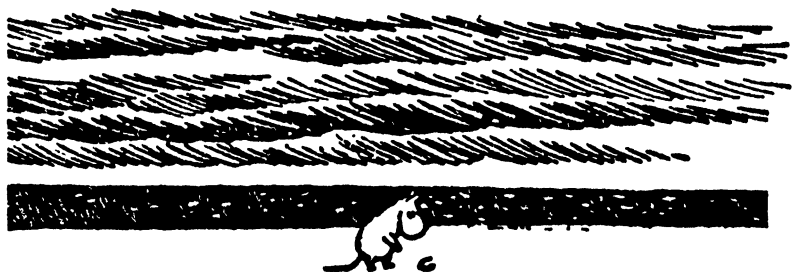
— Не помню хорошенько, — ответил Рыбак. — Я забыл, как он выглядел...

Поднявшись на ноги, он, весь серый, мятый и легкий, как перышко, побрел на другую сторону горы. Он был очень маленький и не испытывал ни малейшего желания говорить.

Некоторое время Муми-тролль смотрел вслед Рыбаку. Затем, повернувшись, пошел обратно к мысу. Сократив путь, он спустился наискосок к берегу, где была пришвартована лодка, чтобы взять медный чайник. Им надо было позавтракать. Мама собиралась сложить

очаг среди камней и накрыть стол на лестнице маяка. А потом все как-то уладится.

Песчаный берег был совершенно белый. Простираясь от одного мыса к другому в виде узкого серпа тончайшего песка, он вбирал в себя все, что морские вихри наметали с подветренной стороны острова. Сплавной лес громоздился довольно высоко на линии прибоя под зарослями ольхи, однако еще ниже песок был нетронут и гладок, как стол. Ходить по нему было приятно. Если идти по кромке воды, следы лапок превращаются в маленькие колодцы, которые тотчас заполняются водой. Муми-троль искал ракушки для мамы, но те, что валялись на берегу, все были ломаные. Может, их разбили волны.

Но вот что-то блеснуло на песке: это была не ракушка, а очень маленькая лошадиная подковка из серебра. Совсем рядом на песке тянулся след, ведущий прямо вниз, в море.

— На этом самом месте в море прыгнула лошадь и потеряла одну из своих подков, — серьезно констатировал Муми-тролль. — Так оно, верно, и было. И лошадь совершенно необычная, маленькая. Интересно, лошадка посеребрила свою подковку или она с самого начала была серебряная? — Подняв подковку, он решил подарить ее маме.

Чуть дальше следы выбегали прямо из моря. Значит, это Морская лошадка, таких он никогда не видел. Они водятся только далеко-далеко в море, там, где головокружительная глубина. Муми-тролль надеялся, что у этой Морской лошадки дома были запасные подковки.

Лодка лежала в стороне со свернутыми парусами, и, казалось, ей никогда больше не захочется плавать. Ее вытащили слишком высоко на берег, и ничего общего с морем у нее больше не было.

Муми-тролль стоял, молча глядя на «Приключение». Ему было немного жаль лодку, но, может, она спала. И вообще им надо как-нибудь вечером закинуть сеть.

Но вот тучи начали свое шествие над островом, спокойные, плывущие рядом тучи, серо-голубые вплоть до самого горизонта. Берег был очень уединенным, и Муми-тролль подумал: «Я иду домой». А дома перед маяком была лестница. Долина же, где они жили, внезапно оказалась слишком далеко. Кроме того, он нашел

серебряную подковку, принадлежавшую Морской лошадке. Это как-то решало дело.

— Но он же не мог все забыть? — повторял папа. — Ведь он же знал Смотрителя маяка. Они жили на одном острове. Должно быть, были друзьями!

— Он ничегошеньки не помнит! — сказал Муми-тролль.

Малышка Мю вдохнула носом воздух и выдохнула между зубами.

— Этот Рыбак настоящий растеряха с водорослями вместо мозгов, — сказала она. — Я сразу это увидела. А если двое растерях живут на одном острове, они либо знают друг о друге все, либо не желают знать друг друга. Тут, вероятно, и то и другое. Думаю, второе — благодаря первому. Поверьте мне, я ведь жутко умная.

— Только бы не было дождя, — пробормотала мама.

Окружив Муми-тролля, они смотрели на него; теперь, когда солнце скрылось, стало совсем холодно. Все были как-то растеряны, смущены, и у Муми-тролля пропало желание рассказывать о доме, построенном для того, чтобы смотреть на волны. И было совершенно невозможно именно сейчас, когда все стояли в такой нерешительности, отдать маме лошадиную подковку. Он решил отдать ее чуть позднее, может, когда они останутся одни.

— Только бы не было дождя, — снова повторила мама. Она отнесла медный чайник к очагу и поставила цветы, сорванные папой на берегу, в воду. — А если пойдет дождь, — продолжала она, — мне придется вычистить одну из кастрюль и набрать в нее дождевой воды. Если здесь только есть какие-нибудь кастрюли...

— Все это я выясню! — жалобно воскликнул папа. — Потерпите, все уладится! Мы не можем думать о еде, дожде и других мелочах, пока я не найду ключ!

— Ха! — воскликнула малышка Мю. — Этот Рыбак швырнул Смотрителя маяка вместе с ключом в море, уж поверьте мне. Здесь творились большие кошмарные дела, уж поверьте мне! А будет еще хуже!

Папа вздохнул. Обойдя маяк кругом, он вышел на скалы, обращенные к морю, где никто не мог его видеть. Семейство иногда мешало ему, все они не могли серьезно заниматься делами. Интересно, всем ли папам приходится так трудно, как ему.

Итак... Идея выпать во сне ключ или искать его была ошибочной. Его надо было *вычувствовать*. Папе надо попытаться настроить себя на тот же лад, на какой настраивал себя когда-то его тесть. Теща всю свою жизнь теряла и разбрасывала вокруг все, что у нее было, а остальное просто забывала. Тогда тесть мысленно сплетал в своей голове воедино целую

цепь разных деталей. И больше ничего не требовалось. Он всегда находил. А потом ласково говорил: «Старая ты рухлядь!»

Папа попытался последовать примеру тестя. Он бесцельно слонялся среди скал и пытался сплести в своей голове воедино цепь из окружающих его деталей. В конце концов ему показалось, что все, чем была занята его голова, он перетряхнул в памяти, и все детали начали прыгать, как горошины в банке. Но больше ничего не случилось.

Его лапы отыскивали протоптанную дорожку, извивавшуюся среди больших камней и глыб в низкой, сожженной солнцем траве. Пока папа ходил там, пытаясь сплести вместе все детали, он вдруг подумал, что, возможно, именно Смотритель маяка протоптал эту тропинку. Должно быть, этот Смотритель множество раз ходил этой дорогой. Давным-давно. И, должно быть, выходил прямо на прибрежные скалы, точь-в-точь как это делал папа. Тропинка кончилась, ничего, кроме пустынного моря, там не было.

Папа подошел к краю скалы и посмотрел вниз. Гора здесь отвесно и причудливо спускалась вниз, одна крутизна сменяла другую — сплошное танцующее сочетание резких изгибов, крутых поворотов и красивых коварных линий, сочетание, тянущееся глубоко-глубоко вниз. Вокруг подножия горы бормотал прибой, огромные массы воды подни-

мались и падали, ударялись о скалы и снова падали навзничь, словно огромные, бредущие ощупью существа. Черная вода лежала внизу, в тени.

Папины лапы дрожали, и чуточку кружилась голова. Он быстро сел, но не мог заставить себя не смотреть вниз; это было огромное море, глубочайшее море, совсем иное, чем то, которое, играя у них дома вокруг причала, выбрасывало волны на берег. Сильно наклонившись, папа увидел маленький уступ как раз ниже вершины. Как-то само собой получилось, что он соскользнул вниз в гладкую пещерку в отвесной скале, полую и круглую, как стул. Миг — и он оказался совершенно одинок и

изолирован от мира, вокруг него были только небо и море.

Здесь, должно быть, сживал Смотритель маяка. Он сживал здесь часто. Папа задремал, вокруг него все было головокружительно величественно, и шум в голове был сильнее, чем когда-нибудь. Иногда Смотритель маяка приходил сюда, когда на море начиналось сильное волнение... Он видел, как чайки плыли по ветру к грозовому небу, а брызги прибоя летели вверх — они летели под ним и перед ним, словно тучи снега. Круглые жемчужины воды поднимались и какое-то мгновение отдыхали в воздухе, прежде чем опуститься, опуститься в черноту и грохот там, внизу...

Папа открыл глаза и задрожал. Он прижался спиной и лапами к каменной стене, где в трещинах горы росло множество мелких белых цветов. Подумать только, цветы! А в самой широкой трещине светилась рыжая ржавчина — там лежал тяжелый железный ключ.

Что-то снова сплелось в цепочку в голове у папы Муми-тролля. Конечно, все совершенно ясно. Это было место одиноких раздумий Смотрителя маяка, место размышлений. Именно здесь он и оставил ключ, чтобы папа нашел его и принял на себя маяк. С величай-

шей торжественностью, силой волшебства папа был избран владетелем и охранителем маяка.

— О нет, не может быть, как чудесно! Ты нашел его! — воскликнула мама Муми-тролля.

— Где он был? — закричал Муми-тролль.

— О, точно сказать не могу, — таинственно произнес папа. — Мир полон великих замечательных явлений для того, кто готов к встрече с ними. Быть может, самая большая и самая белая чайка в мире передала мне ключ...

— Ха! — воскликнула малышка Мю... — Обязанный шелковой ленточкой, под звуки оркестра, правда?!

Поднявшись по лестнице, папа вставил ключ в скважину. Медленно, с жалобным скрипом отворилась могучая дверь, но внутри была лишь крошечная тьма. Малышка Мю, подобно молнии, взлетела ввысь, но папа остановил ее, схватив за волосы.

— Ну нет, не ты, — сказал он. — На этот раз — не ты! Смотритель маяка теперь я, и я войду первым, чтобы все проверить.

Он исчез в темноте, сопровождаемый малышкой Мю.

Мама медленно подошла ближе и заглянула в открытую дверь. Маяк был полый, будто сгнивший древесный ствол, и внутри от самого дна до верхушки тянулась неустойчивая винтовая лестница. Она тяжело взбиралась ввысь,

взбиралась вокруг стен все более узкими и узкими спиралями, треща и скрипя под тяжелыми шагами папы Муми-тролля. Он был уже едва виден наверху. Сквозь смотровые окна в толстых стенах просачивался слабый дневной свет. В каждом окне вырисовывалась неподвижная тень огромной птицы. Птицы смотрели на них.

— Надо учесть, что сейчас облачно и пасмурно, — прошептал Муми-тролль. — Ты ведь знаешь, все кажется чуточку мрачным, когда заходит солнце.

— Конечно, — ответила мама.

Перешагнув порог, она остановилась. Внутри было сыро и очень холодно. Между лужами с водой виднелась земля — черная и мокрая, несколько толстых досок были перекинuty через лужи к лестнице. Мама заколебалась.

— Послушай-ка, — сказал Муми-тролль. — У меня для тебя кое-что есть.

Взяв в руки серебряную лошадиную подкову, мама долго смотрела на нее.

— Какая красивая! — сказала она. — Какой прекрасный подарок! Подумать только, что на свете есть такие маленькие лошадки...

— Пойдем, мама! — весело закричал Муми-тролль. — Побежим наверх, в самую башню!

Наверху в дверях стоял папа, на нем была чужая шляпа с мягкими свисающими вниз полями и неровной бутристой тульей.

— Как вам нравится? — спросил он. — Я нашел ее на гвозде перед дверью. Должно быть, она принадлежала Смотрителю маяка. Входите! Входите! Здесь все точь-в-точь как я представлял себе.

То была большая круглая комната, с низким потолком и четырьмя окнами. Посредине стояли на полу некрашенный стол и несколько пустых ящиков. А у очага — узкая кровать и маленький комод. Железная стремянка вела ввысь к люку в крыше.

— Наверху зажигается огонь маяка, — объяснил папа. — Я зажгу его вечером. А разве белые стены не красивы? Как здесь величественно, свободно и пусто! А если выглянуть из окна, все точно так же — величественно, свободно и пусто! Ну как?!

Он взглянул на маму, а она, расхохотавшись, сказала:

— Ты прав. Просто потрясающе, как здесь пусто и свободно!

— Кто-то здесь ужасно злился, — заметила малышка Мю.

На полу было множество осколков стекла, а над ними на белой стене — большое желтое пятно лампового масла, которое, стекая вниз, застыло, образовав на полу лужу.

— Кто это мог бросить лампу и вдребезги разбить стекло? — удивилась мама, подняв с пола медную лампу, закатившуюся под стол. — Ведь потом он сидел тут в темноте...

Она провела лапой по столу. Поверхность его была изрезана и покрыта сотнями, а может, и тысячами мелких зарубок и насечек; их было всегда шесть в одном ряду — седьмая пересекала остальные. Семь? Это, конечно, неделя. Множество недель, и все одинаковые. Кроме одной. В ней было всего пять зарубок. Мама двинулась дальше, она притрагивалась к чашкам и кастрюлям, она читала надписи на пустых ящиках: изюм из Малаги, шотландское виски, обычные финские хрустящие хлебцы... Приподняв одеяло, она увидела, что под ним лежит простыня. Комод она не открывала.

Все остальные с любопытством смотрели на нее. В конце концов папа спросил:

— Ну что?

— Он был очень одинок, — ответила мама.

— Да, но что думаешь ты?

— Я думаю, здесь очень уютно, — сказала мама. — В этой комнате можно жить всем вместе.

— Так и сделаем! — воскликнул папа. — Я соберу остатки досок на берегу и смастерю для всех кровати. Я проложу дорогу и построю мост. О, здесь великое множество дел! Но сначала надо поднять сюда вещи, ведь может пойти дождь. Нет, нет, только не ты. Тебе надо остаться здесь в уюте и покое и чувствовать себя как дома.

Обернувшись в дверях, малышка Мю сказала:

— Я собираюсь спать на берегу. И, стало быть, без кровати. Кровати — просто дурость.

— Пожалуйста, — разрешила ей мама. — Если пойдет дождь, можешь прийти сюда.

Оставшись одна, мама повесила лошадиную подковку на гвоздь над дверью. Потом подошла к окну и выглянула наружу. Она переходила от одного окна к другому. Повсюду было только море, море и кричащие ласточки, а суши не было видно.

На подоконнике последнего окна лежал фломастер с несколькими обрывками веревки и крючок, которым вяжут сети. Мама поиграла фломастером, рассеянно нарисовала маленький цветок на подоконнике и красиво заштриховала лепестки, ни о чем особом не думая.

Папа стоял прямо в очаге, сунув голову в дымовую трубу.

— Здесь птичье гнездо! — закричал он. — Поэтому дым не выходит.

— Там кто-нибудь живет? — спросила мама. Лицо у папы было ужасно черным, когда он вылез из очага.

— Какая-то лысуха, — сказал он. — Но ее нет дома. Вероятно, улетела на юг.

— Но она снова прилетит весной! — воскликнул Муми-тролль. — И должна найти свое гнездо, когда вернется домой! Мы ведь можем готовить еду не дома, не в башне!

— Всю жизнь? — осведомилась малышка Мю.

— Ну да, можно ведь *постепенно* передвинуть гнездо, — пробормотал Муми-тролль.

— Ха! Похоже на тебя! — воскликнула малышка Мю. — По-твоему, лысуха узнает, передвинули ее гнездо сразу или постепенно? Ты придумал это, чтобы с чистой совестью выжить ее.

— И всю свою жизнь мы *будем* есть не дома? — ошеломленно спросил папа.

Все посмотрели на маму.

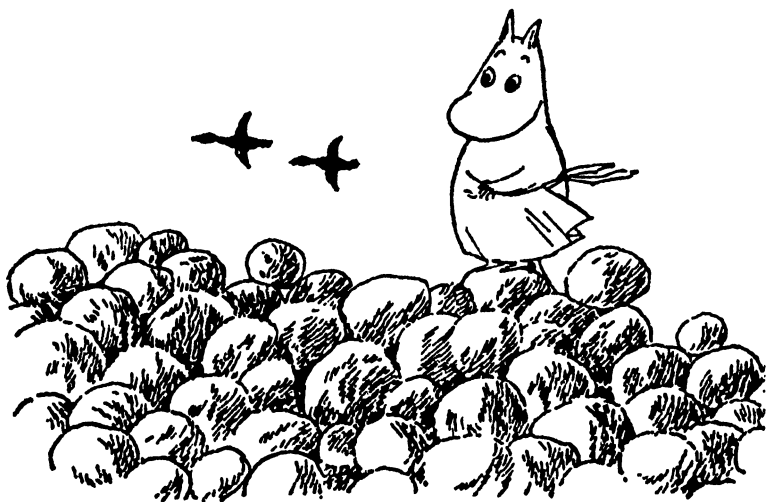
— Сними гнездо, мой милый, — попросила она. — Мы повесим его за окном. Иногда тролли важнее лысух.

Мама сунула посуду под кровать, чтобы в комнате было уютнее, и вышла поискать землю. Это был очень важный для нее поход.

Остановившись у лестницы маяка, она плеснула немного морской воды на розу. Та по-

прежнему ждала в своем ящике из-под сахара, в земле из долины. В саду должна быть тень. Сад надо разбить как можно ближе к маяку, и чтобы большую часть дня там светило солнце. И там должен быть глубокий слой хорошей земли.

Мама все искала и искала. Она отправилась на поиски вдоль горы, на которой стоял маяк, через вересковую пустошь вниз к торфяному болотцу, она обошла низкоствольный лесок, попала в осиновую рощу, она брела и брела по теплому, посыпанному песком торфяному берегу, но нигде не находила землю.

Мама никогда прежде не видела столько камней. За осиновой рощей земля была сплошной камень. Пустынное поле, покрытое круглыми серыми камнями, каменистое поле.

Посреди поля кто-то любопытный вырыл большую яму. Мама прошла вперед и посмотрела. Там, внизу, не было ничего, кроме других камней, таких же круглых и серых. Интересно, что искал здесь Смотритель маяка? Может, что-нибудь особенное. Может, он пытался немного поиграть?! Он собирал один камень за другим, они снова скатывались вниз, а потому он устал от всего и ушел.

Мама пошла дальше к песчаному берегу. И наконец-то там внизу нашлась земля. Черный могучий пояс глубокого чернозема окаймлял береговую линию под ольшаником. Крепкие зеленые растения пробивались между камнями и вспыхивали золотым и фиолетовым, словно нежданные джунгли пышной растительности.

Мама запустила лапы в землю и почувствовала, что она заполнена миллионами растущих и

поглощающих влагу корней, которым нельзя мешать. Но это было неважно. Во всяком случае землю она нашла, и только теперь можно было поверить в реальное существование острова.

Она позвала папу, который собирал доски среди водорослей. Она подбежала к нему в хлопающем на ветру переднике и закричала:

— Я нашла землю!

Папа поднял голову.

— Привет, привет! — сказал он. — Что ты думаешь о моем острове?

— Он ни на что во всем мире не похож! — оживленно заверила его мама. — Земля внизу, на самом берегу, вместо того чтобы быть где-то посреди острова!

— Я тебе объясню, — сказал папа. — Ты всегда должна спрашивать меня, если чего-нибудь не понимаешь: я знаю все, что имеет

отношение к морю. Видишь ли, это водоросли, которые выбросили на берег волны. Мало-помалу они превращаются в землю, настоящую землю!

Папа засмеялся и сделал широкий жест лапами, словно даря маме все колышущиеся во всем море заросли водорослей.

И мама стала их собирать. Она таскала их целый день и складывала в горную расселину, которой мало-помалу предстояло превратиться в садик. У водорослей был такой же глубокий теплый цвет, как и у земли у них дома в долине, с пурпурно-оранжевой искоркой, словно у апельсина.

Мама была спокойна и счастлива. Она мечтала о морковке, редиске и картошке. Она представляла, как они округляются и растут внизу в тепле. Она мысленно видела, как появляются зеленые листики, как они становятся пышными и крепкими. Она видела, как колышутся на ветру растения над гладью голубого моря. Как они сгибаются под тяжестью помидоров, гороха и бобов, которые так нужны их семье. Все это, правда, произойдет следующим летом, но это ничего не значит. У нее есть о чем мечтать. И в глубине души мама мечтала о яблоне.

День клонился к сумеркам. Удары молотка около маяка уже давным-давно смолкли, и ласточки стали спокойней. Мама, посвистывая, пошла домой через вересковую пустошь с полной охалкой дров, выброшенных морем.

У горы, на которой стоял маяк, папа приладил перила, чтобы помочь ей подниматься наверх, а у входной двери уже стояли две деревянные кровати и маленькая бочка, которую он выудил из моря. Она была совсем целая и когда-то зеленая.

Винтовая лестница почему-то теперь не так пугала. Лишь остерегайся смотреть вниз, а когда поднимаешься, лучше думай о чем-нибудь приятном. Муми-троль сидел у стола и сортировал мелкие круглые камешки.

— Привет! — сказала мама. — Где папа?

— Он наверху, зажигает маяк, — ответил Муми-троль. — Он не разрешил мне пойти с ним. Он там уже страшно долго.

Пустое птичье гнездо стояло на комод. Складывая дрова рядами под очагом, мама все насвистывала. Ветер уже стих, солнце заглянуло в окно на западе и отбросило багряные лучи на пол и на белые стены.

Когда огонь загорелся в очаге, сквозь дверную щель прокралась малышка Мю и, как кошка, прыгнула к окну. Прижав мордочку к стеклу, она стала строить безобразные гримасы ласточкам.

Внезапно с грохотом распахнулся люк в потолке, и папа Муми-тролля спустился по железной стремянке.

— Хорошо горит? — спросила мама. — Какие удобные кровати ты смастерил! Я думаю,

бочка пригодится, чтобы солить рыбу. Мне жаль держать ее только для дождевой воды.

Папа подошел к окну, выходящему на юг, и выглянул наружу. Мама быстро посмотрела на него снизу вверх. Да, так и есть: хвост совершенно одеревенел, а кисточка раздраженно качается. Подложив побольше дров, она открыла баночку с селедкой. Папа выпил чай, не произнося ни слова. Убрав со стола, мама поставила штормовой фонарь и сказала:

— Я как-то слышала, что такие маяки горят с помощью газа. Когда газ кончается, их совершенно невозможно зажечь.

— Там есть баллоны с газом, — мрачно сказал папа. — В башне их полным-полно. Но их никак не смонтировать.

— Может, не хватает какого-то винтика, — предположила мама. — Я лично никогда не доверяла газу. Он опасен и неприятен. Я думаю, тебе надо бросить все эти хлопоты, а не то мы можем взлететь на воздух.

Папа встал из-за стола и закричал:

— Ты что, не понимаешь? Ведь я теперь Смотритель маяка! Маяк должен гореть! Вся идея — в этом! Ты думаешь, можно жить в маяке, который не горит?! А что будет со всеми судами и лодками, которые плывут по морю в темноте и могут в любую минуту пойти ко дну и утонуть прямо у нас на глазах...

— Это верно, — согласилась малышка Мю. — А утром весь берег будет усеян то-

нущими филифьонками, мюмлами, хомсами... и все они одинаково бледные и зеленые от водорослей...

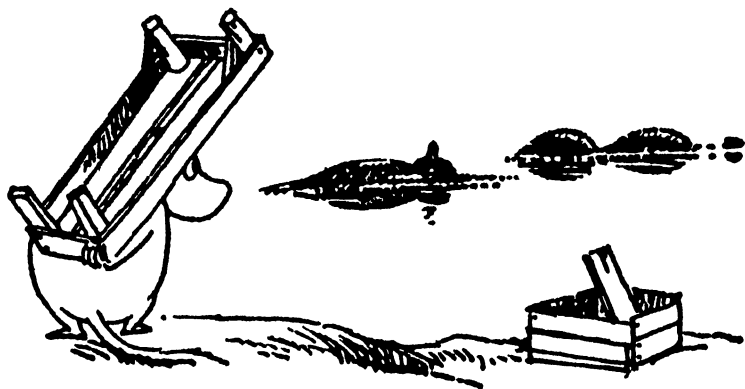
— Не дури, — сказала мама. И повернувшись к папе, добавила: — Если тебе не удастся зажечь маяк сегодня вечером, ты сделаешь это завтра. Или в другой день. А если маяк вообще не загорится, мы повесим в окне фонарь на случай дурной погоды. Всегда найдется кто-нибудь, кто увидит лампу и поймет, что здесь надо держать ухо востро, если хочешь плыть дальше. Ну а если отвлечься от этого, то я все думаю, не надо ли нам поднять кровати наверх, пока не стемнело. Я не очень-то полагаюсь на эту скрипучую лестницу.

— Я сам принесу их, собственноручно, — пообещал папа и снял шляпу с гвоздя.

На маячной горе было почти темно. Папа тихо стоял, глядя на море, и думал: «Сейчас она зажигает наверху фонарь. Она подкручивает пламя, глядя на него некоторое время, так, как всегда. У нас есть целый бидон керосина...»

Все птицы уже спали. Скалистые островки на западе казались черными на фоне неба. Солнце село. На одном островке был навигационный знак, а может, это просто груда камней. Папа поднял одну кровать и застыл, прислушиваясь.

Издалека донесся слабый стонущий вой, необычный одинокий звук, не похожий ни на какие другие звуки, которые папе приходилось

слышать. Звук невероятного одиночества пронесся над водой. В какой-то миг папе показалось, что гора задрожала под его лапами. И снова все стихло.

Он подумал, что это, должно быть, птица. Только они могут так удивительно кричать. Он поднял на спину кровать, хорошую, крепкую кровать, без всяких изъянов. Однако кровать Смотрителя маяка наверху, в башне, — его собственная, никто другой не должен спать в ней.

Папе снилось, что он бежит вверх по бесконечной лестнице. Темнота вокруг полна хлопающих крыльев, бесшумно летающих птиц, лестница трещит и подгибается под его шагами. Она громко стонет, а ему надо спешить, ужасно спешить. Ему надо подняться наверх и зажечь маяк, пока еще не очень поздно; необычайно важно заставить маяк гореть. Лестница становится все уже и уже, теперь она гремит, как

железо, под его лапами, и вот он уже наверху, рядом с фонарем, ожидавшим его в круглом футляре из стекла.

Сон разворачивался медленно, папа пробирался ощупью вдоль стен, он искал спички. Большие изогнутые диски из цветного стекла закрывали ему путь и отражали море за окнами маяка, красное стекло окрашивало волны в красный, как огонь, цвет, а сквозь зеленое стекло море становилось изумрудным, холодным и отдаленным, место которому было, быть может, где-то на луне или вообще не было на свете. Теперь надо было очень спешить, но у папы пошло все медленнее и медленнее. Он спотыкался о баллоны с газом, валявшиеся на полу, они накачивались, как волны, а птицы прилетали снова и снова и бились крыльями о стекло. Все мешало ему зажечь маяк. Папа громко кричал от ужаса, а цветное стекло лопалось и разлеталось на множество светящихся осколков. Море поднималось над крышей маяка, и папа падал все ниже и ниже... А потом проснулся где-то далеко на полу — голова его была закутана в одеяло.

— Что случилось? — спросила мама Муми-тролля.

Комната со своими четырьмя окнами на глади ночи казалась спокойной и голубой.

— Мне снился сон, — сказал папа. — Это было ужасно.

Мама поднялась и подбросила несколько сухих щепок на угли в очаге. Щепки загорелись,

и теплое золотистое пламя затрепетало в темноте.

— Я дам тебе бутерброд, — сказала она. — Здесь ведь совершенно новое место.

Папа сидел на краю кровати и, пока страх не исчез, ел бутерброд.

— Я не думаю, что виновата комната, — сказал он. — Виновата кровать, это она навевает жуткие сны. Я смастерю новую.

— Я тоже так думаю, — сказала мама. — Ты заметил, что здесь чего-то не хватает? Не слышно леса.

Папа прислушался. Они слышали, как море бормочет вокруг острова, и вспоминали, как обычно по ночам шумели лесные деревья у них дома.

— Вообще-то звуки довольно приятные, — сказала мама, натягивая на уши одеяло, — но другие. Теперь, надеюсь, тебе ничего ужасного не приснится?

— Едва ли, — ответил папа. — Обычно очень полезно съесть ночью бутерброд.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Западный ветер

Муми-тролль и малышка Мю лежали на животах, грелись на солнце и смотрели в чащу низкоствольника. Лес был невысокий и запутанный; там росли низенькие недобрые ели и совсем маленькие карликовые березки, которым пришлось всю свою жизнь сражаться с бурями. Теперь они тесно прижимались друг к другу, чтобы защитить одна другую; вершины их перестали расти, но ветки крепко вцепились в землю там, где добрались до нее.

— Подумать только, и как только они смеют быть такими злюками! — восхищенно сказала малышка Мю.

Муми-тролль заглянул под плотную завесу болящихся деревьев, туда, где стволы изгибались и вились, как змеи. По земле стелился ковер из ползущих еловых веток и бурой хвои, а над ним он видел пещеры и гроты, сотканные из тьмы.

— Посмотри, — сказал он. — Эта ель держит в объятиях маленькую березку, чтобы спасти ее.

— Это ты так думаешь, — мрачно сказала Мю. — А я думаю, ель просто крепко держит ее и не выпускает. Этот лес как раз такой — он крепко держит и не выпускает... Меня не удивит, если там, в лесной чаще, кого-то держат вот так!

Она обвила рукой затылок Муми-тролля и зажмурилась.

— Отстань! — закричал, вырываясь, Муми-тролль. — Думаешь, это правда? Думаешь, там, в лесной чаще, кто-то есть?..

— Ты ведь считаешь, что ты за все в ответе, — презрительно сказала Мю.

— Конечно нет! — воскликнул Муми-тролль. — Я ведь просто сразу вижу, что этот кто-то там сидит!.. И никогда не знаю, говорят ли со мной серьезно или шутят. Ты это серьезно? Там кто-то есть?

Малышка Мю засмеялась и встала.

— Не будь дураком! — сказала она. — Пока! Привет! Сбегаю-ка я на мыс и погляжу на Растеряху. Он меня очень интересуется.

Когда Мю исчезла, Муми-тролль подполз ближе к лесу и стал глядеть на него, не спуская глаз. Сердце его колотилось. Море спокойно шумело, а солнце грело спину.

«Ясно, что там никого нет, — сердито думал Муми-тролль. — Она это придумала. Я ведь знаю, что она всегда придумывает разные страсти и заставляет меня в них верить. В следующий раз придумаю я! Ха! „Не будь дураком!“ Воображала! И как бы мимоходом...

Этот лес не опасный, он — испуганный. Каждое дерево отклоняется, словно пытаясь вырвать свои корни и удрать. Сразу видно».

И по-прежнему раздосадованный Муми-тролль полез прямо в низкоствольник.

Солнечный свет исчез, стало холодно. Ветки царапали ему уши, а еловые иголки кололись, гнилые сучья хрустели под его лапами; в лесу пахло погребом и мертвыми растениями. И было тихо, совсем тихо, шум моря исчез. Муми-троллю казалось, будто он слышит, как кто-то дышит в лесной чаще. Охваченный паникой, он вдруг ощутил вкус чернил, ему почудилось, будто он заперт среди ветвей и они крепко держат его. Ему хотелось лишь одного: снова очутиться на солнце, быстро, сейчас же... Но он подумал: «Нет! Если я теперь вернусь, я никогда больше не рискну войти в чащу. Я прохожу там, снаружи, всю свою жизнь, буду смотреть на лес и думать: „Я не смею“. Мальшка Мю испугала меня. Я пойду к ней и скажу: „Кстати, в этом низкоствольнике вообще никого нет. Я посмотрел. Ты обманываешь!“»

Муми-тролль фыркнул и пополз дальше среди робких, не уверенных в себе деревьев. Порой раздавался треск, и какой-нибудь ствол обрушивался в мягкую, цвета бурого бархата кашу гнили. Земля была мягкая и гладкая, как шелк, покрытая миллионами мертвых хвоинок.

Пока Муми-тролль заползал все дальше и дальше в чащу низкоствольника, у него мало-

пomalу исчезало чувство, что он заперт. Он был защищен и скрыт в прохладной темноте — маленький зверек, который прятался и хотел, чтобы его оставили в покое. Вдруг он снова услышал море, увидел теплый, ослепивший его свет солнца. Муми-тролль выполз на полянку посреди лесной чащи.

Полянка была совсем маленькая, примерно такая, как две поставленные рядом кровати. В чаще было тепло, над цветами жужжали пчелы, а вокруг стоял на страже дремучий лес. Над полянкой колыхались листья берез — воздушная зеленая крыша, сквозь которую просвечивало небо. Здесь все было совершенным. Он нашел тут совершенство и абсолютную законченность. Никто, кроме него, здесь прежде не бывал. Все это принадлежало ему.

Он осторожно сел в траву и зажмурился. Надежное убежище — вот его главнейшая мечта, он всегда искал его и уже находил много раз. Но никогда еще не попадалось такого прекрасного, как это. Оно было тайным, скрытым от чужого взора. Только птицы его видели. Земля была теплой, и опасность защищала его со всех сторон. Он вздохнул.

И тут вдруг кто-то укусил Муми-тролля за хвост, его обожгло, точно огнем. Он просто подлетел на месте и мгновенно понял, в чем дело. Кусачие муравьи. Маленькие мстительные ядовитые муравьи так и кишели в траве, набегая со всех сторон, — вот еще один куснул его за лапу.

Муми-тролль немедленно ретировался, его глаза горели от разочарования, он был ужасно задет и оскорблен. Конечно, муравьи жили тут до него. Но если живешь в земле, все равно ведь не видишь, что делается наверху. Муравей не имеет ни малейшего представления о птицах или о тучах и обо всем остальном, что важно и прекрасно — позволим себе сказать — для Муми-тролля.

Есть разного рода справедливость. Согласно справедливости, которая, возможно, более сложна, но абсолютно правильна, полянка принадлежит ему, а не муравьям. Только бы дать им это понять! Ведь они с таким же успехом могли бы жить где-нибудь в другом месте. Чуть подальше, всего на несколько метров. Как бы им это объяснить? В худшем случае, может быть, удастся провести пограничную линию и поделить сферы влияния.

Но вот они уже снова здесь, они окружили его и двинулись в атаку. Муми-тролль бежал. Он постыдно бежал из этого рая, но был полон безумной решимости вернуться обратно. Эта полянка ждала его всю его жизнь, а может, многие сотни лет! Она принадлежит ему, потому что нравится ему больше, чем кому-либо другому. Если бы даже целый миллион муравьев любил ее одновременно, они не испытывали бы таких сильных чувств, как он. Так он считал.

— Слышишь, папа? — спросил Муми-тролль.

Но папа вообще ничего не слышал, потому что в этот миг ему как раз удалось по-настоящему схватиться за большую каменную глыбу, и она с шумом и грохотом скатилась с горы, высекла две искры и оставила после себя слабый одурманивающий запах пороха. Теперь камень лежал на дне, точно там, где ему и надо было лежать. Просто чудесно скатывать огромные камни, напрягаться от ушей до кончика хвоста, чувствовать, как они движутся — медленно-медленно, чуть быстрее, а потом эти колоссы с оглушительным плеском съезжают в море. А ты стоишь и смотришь, дрожа от напряжения и гордости.

— Папа! — позвал Муми-тролль.

Папа обернулся и помахал сыну рукой.

— Он там, там! — закричал он. — Здесь будет причал, волнолом, понимаешь?

Он ринулся в море и, тяжело дыша и глубоко опустив мордочку в воду, покати́л по дну еще более крупный камень. Катить и поднимать камень под водой было гораздо легче, и папа удивлялся, почему это. Но ведь главное то, что при этом чувствуешь себя жутко сильным...

— Хочу спросить тебя кое о чем! — заорал Муми-тролль. — Об ядовитых муравьях. Это очень важно!

Папа поднял мокрую мордочку и прислушался.

— Об ядовитых муравьях! — повторил Муми-тролль. — Ты не знаешь, можно ли с ними

разговаривать? Думаешь, они поймут, если им сделать небольшое предложение? Вернее, прочитать его?

— Ядовитые муравьи? — удивленно спросил папа. — Нет, они, наверное, ничего не понимают. Мне теперь надо найти трехгранный камень, который войдет между этими двумя. Волнолом должен быть крепким, его должен строить тот, кто знает море... — Папа побрел вброд дальше, снова опустив мордочку в воду.

Муми-тролль двинулся правее по берегу и остановился посмотреть на маму, копошившуюся в саду.

Излучая счастливую сосредоточенность, она раскладывала повсюду водоросли; ее лапы и передник были совершенно бурыми.

Муми-троль подошел ближе и сказал:

— Мама! Что делать, если намечтаешь себе ужасно уютное и красивое местечко, потом на самом деле найдешь такое и превратишь в свое собственное и вдруг обнаружишь, что там живет множество других существ, которые не желают никуда переезжать. Имеют они право оставаться там, хотя даже не понимают, как прекрасно это местечко?!

— Думаю, что имеют, — сказала мама и села на водоросли.

— Ну а если им будет так же хорошо, к примеру, в куче мусора? — воскликнул сын.

— Тогда, видимо, нужно обсудить с ними этот вопрос, — решила мама — И может, помочь им туда перебраться. Очень хлопотно переезжать, когда долго проживешь на одном месте.

— Чепуха! — недовольно фыркнул Муми-троль. — А где же Мю?

— Она у маяка, сооружает что-то вроде лифта, — ответила мама.

Малышка Мю с опасностью для жизни висела поперек окна, выходящего на север. Она накрепко забивала в подоконник какой-то блок. На полу валялось множество серых с виду

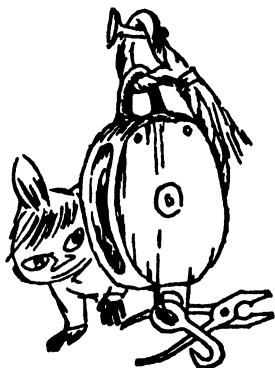
предметов неопределенного назначения, а люк на крышу был открыт.

— Как ты думаешь, что скажет папа? — спросил Муми-тролль. — Никто не смеет туда подниматься! Это его собственный маяк.

— Наверху есть его собственная личная каморка, — небрежно сказала Мю. — Очень уютная маленькая каморка, где можно придумывать то одно, то другое. Поддай-ка мне этот гвоздь. Хватит с меня карабкаться вверх по лестнице всякий раз, когда надо есть; я сооружаю лифт. Вы будете поднимать меня в корзинке или же спускать мне вниз еду. Это было бы еще лучше.

«Как она себя ведет! — подумал Муми-тролль. — Всегда делает все, что ей хочется... и никто ей не возражает. А она все делает по-своему». И тут же между прочим добавил:

— В этом лесу никого нет. Вообще никого. Может, лишь немного муравьев.

— Вот как! — произнесла Мю. — Ну, так я и думала.

Вопрос был закрыт. Она вбила громадный гвоздь до самой шляпки и засвистела сквозь зубы.

— Ты должна убрать всю эту грязь до папиного прихода! — кричал ей Муми-тролль между ударами молотка, понимая, что его слова не производят на нее ни малейшего впечатления.

Он, как пришибленный, рылся в кучах старой бумаги, консервных банок, порванных сетей, шерстяных вещей и обрывков тюленьих шкур и вдруг нашел настенный календарь. Большой настенный календарь с удивительно красивой картинкой. На ней была изображена Морская лошадка, скакавшая по волнам при лунном свете. Луна окунула свою ногу в ночное море, а у Морской лошадки длинная золотая грива и блеклые бездонные глаза. Надо же так красиво нарисовать! Муми-тролль поставил картинку на комод и долго рассматривал ее.

— Календарю этому пять лет, — сказала Мю, прыгнув на пол. — Сейчас дни совсем другие, и вообще кто-то давным-давно вырвал листки. Держи веревку, а я спущусь вниз и проверю, работает ли подъемная корзинка.

— Подожди немного! — сказал Муми-тролль. — Я хотел кое о чем тебя спросить.

Ты не знаешь, что надо сделать, чтобы ядовитые муравьи перебрались в другое место?

— Истребить их, ясное дело, — непреклонно заявила малышка Мю.

— Нет, нет! — воскликнул Муми-тролль. — Я сказал: «чтобы перебрались»!

Мю взглянула на него.

— Через час! — сказала она. — Та-ак. Ты нашел в здешнем лесу место, которое тебе нравится. И там полным-полно кусачих муравьев. Что я получу, если избавлю тебя от них?

Он почувствовал, что мордочка его покраснела.

— Это я тебе устрою, — спокойно пообещала малышка Мю. — Через несколько дней можешь пойти туда и посмотреть. А за это будешь поднимать и опускать мой лифт. Ну, я помчалась!

Муми-тролль остался, чувствуя себя несчастным. Он выболтал тайну. Потайное убежище стало теперь самым обыкновенным местом. Быстро взглянув на настенный календарь, он встретил взгляд Морской лошади. «Мы одного племени, — пылко подумал Муми-тролль. — Мы понимаем друг друга. Нас интересует только прекрасное. Я получу свою полянку, а остальное не имеет ни малейшего значения. Но именно сейчас я совсем не желаю думать про полянку».

Тут Мю дернула вниз за леску.

— Подними меня! И смотри, не выпускай леску из рук. Подумай о своих кусачих муравьях!

Лифт работал великолепно. Да по правде говоря, ничего другого она и не ожидала.

Усталый, но веселый папа пересекал вересковую пустошь. Естественно, голову его сверлила мысль, что он будет вынужден снова зажечь маяк, однако до сумерек оставалось еще много времени. А он ведь скатывал большие камни, ужас какие громадные камни. Всякий раз, когда один из них падал в воду, мама Муми-тролля высовывала мордочку из садика и смотрела. Папа решил пройтись по восточному мысу. С подветренной стороны медленно проплыл мимо в лодке Рыбак с удочкой на штевне. Папе никогда не доводилось слышать, чтобы рыба клевала на удочку в такую позднюю пору года. На удочку нужно ловить рыбу в июле. Но это ведь необычный Рыбак. Может, ему просто нравится сидеть на веслах и быть наедине с самим собой. Папа поднял лапу, чтобы помахать Рыбаку, но тут же опустил — все равно ответа не получишь.

Он влез на гору и пошел против ветра. Здесь скалы выстроились в виде больших дуг и напоминали позвончики огромных животных, что бок о бок странствовали навстречу морю. Папа подошел почти к самому провалу,

прежде чем увидел озеро. Глубоко внизу лежала спокойная темная почти овальная водная поверхность. Словно гигантское око. Папа пришел в совершеннейший восторг. Настоящее озеро, Черное Око, одно из самых таинственных мест, какие только есть на свете! Время от времени на берег мыса накатывала небольшая волна. Она перекатывалась через порог и ненадолго взбаламучивала водное зеркало. А потом Око снова становилось спокойным и, черное, блестящее, неотрывно глядело в небо.

«Оно глубокое, это Око, — думал папа. — О, здесь, должно быть, очень глубоко. Мой остров — словно целый мир, здесь есть все, что угодно, и остров как раз в меру велик! Нет, как я счастлив — у меня такое чувство, будто я держу весь мир в своей лапе!»

Папа быстро отправился к маяку, ему хотелось как можно раньше продемонстрировать Черное Око, прежде чем озерцо найдет кто-нибудь другой.

— Как жаль, что в озере не дождевая вода, — сказала мама.

— Нет, нет, его сотворило море! — Папа хлопнул лапами. — Гигантские бури набросились на остров, наполнили Черное Око и нагромождали вокруг камни, пока тут не образовалась пугающая глубина!

— Может, там водится рыба? — спросил Муми-троль.

— Весьма вероятно, — ответил папа, — если там и водится несколько рыб, то просто огромные. Представь себе гигантскую щуку, плавающую там сотню лет и становящуюся все жирнее и злее!

— Ну и дела, — сказала малышка Мю, которая просто пришла в восторг. — Может, я кину туда леску и проверю?

— Малышам нечего тут делать, — решительно заявил папа. — Каждое Черное Око только для пап. Не подходите слишком близко к краю. Я собираюсь сделать множество точнейших изысканий. Но не сейчас. Сейчас мне надо думать о причале и о коптильной печи для угрей и щук, которые весят больше семи килограмм. Мне надо поставить несколько кольшков для сетей и подготовить садок для рыбы, пока не пошел дождь...

— И какой-нибудь водосток с крыши. Через несколько дней у нас уже не будет питьевой воды.

— Только не беспокойся, — покровительственно заметил папа. — Все образуется. Я все устрою, только подождите немного.

Семейство отправилось назад к маяку, а папа и на обратном пути не переставал болтать о гигантской щуке. Проносившийся мимо них ветер ласково гладил вересковую пустошь, а заходящее солнце окрашивало остров в теплые

золотистые тона. А в глубокой тени среди гор лежало Черное Око.

Мама прибрала после малышки Мю и закрыла люк на потолке. Как только папа вошел в башню, он увидел на стене календарь.

— Это как раз то, что мне нужно, — сказал он. — Где вы нашли его? Если я собираюсь навести маломальский порядок на этом острове, я должен знать, какой сегодня день. Сегодня вторник, это я знаю.

Папа взял фломастер и нарисовал на самом верху, на полях, круг. Это означало *Прибытие*. Затем отметил двумя крестиками понедельник и вторник.

— Вы когда-нибудь видели Морскую лошадку? — спросил Муми-тролль. — Она такая же красивая, как на картинке?

— Вполне возможно, — ответила мама. — Не знаю. Но вообще-то говорят, будто те,

кто рисует картинки, обычно сильно преувеличивают.

Муми-тролль задумчиво кивнул головой. Жалко, что нельзя увидеть, есть ли у маленькой лошадки серебряные подковки на ногах или нет.

Вся комната была озарена лучами заходящего солнца, через час она станет багрово-красной. Папой овладело какое-то странное чувство. Именно сейчас ему надо бы пойти и зажечь маяк. Но если он полезет на стремянку, другие, естественно, будут знать, чем он там занимается. А когда он спустится, они будут знать, что он не смог зажечь маяк. Почему они не могут уйти из башни, пока не настанут сумерки, и не дадут ему спокойно попытаться зажечь маяк? Иногда в семейной жизни бывает такое, что папе совершенно не по душе. Но они не все сознают. К тому же они так долго были вместе с ним.

Папа сделал то, что обычно делают в невеселые минуты. Он пошел и встал у окна, повернувшись ко всем спиной.

Сеть лежала на подоконнике. Конечно же, он совершенно забыл поставить сети. А это важно, очень важно. Папа почувствовал большое облегчение. Он повернулся и сказал:

— Сегодня ночью мы поставим сети. Они всегда должны быть в море до захода солнца. Собственно говоря, теперь, когда мы живем на острове, мы должны ставить сети каждый вечер.

И Муми-тролль с папой пошли на веслах ставить сети.

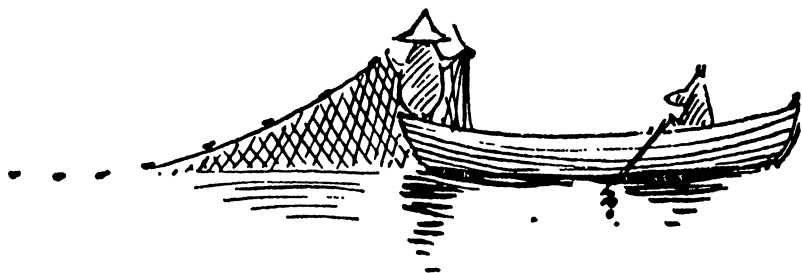
— Мы поставим их полукругом с восточного мыса, — сказал папа. — Западный принадлежит Рыбаку. Нельзя ловить рыбу у него под носом, так не поступают. А теперь гребите медленней, пока я слежу за дном.

Здесь вода очень осторожно углублялась изогнутыми террасами песка, спускавшимися вниз в море, словно широкая величественная лестница. Муми-тролль греб к мысу сквозь заросли водорослей, которые становились все темнее и темнее.

— Стой! — закричал папа. — Немного назад! Здесь прекрасное дно. Мы забросим сеть наискосок к скалистым островкам. Медленней!

Он бросил поплавок с белым вымпелом и опустил сеть в море. Она заскользила туда ровно и медленно, сверкая на солнце водяными каплями на каждой ячейке; пробки, на миг застыв на поверхности, опускались за нею, словно жемчужное ожерелье. Ставить сеть доставляет огромное удовлетворение: работа мужская и спокойная — то, что делаешь для семьи.

Когда все три невода оказались в воде, папа трижды плюнул на поплавок и отпустил снасть. Задрав кверху хвост, она исчезла под водой в глубине. Папа сел на банку на корме. Стоял мирный вечер, краски только-только начали блекнуть и гаснуть в сумерках, и лишь

над чащей низкоствольника, посредине, небо было совершенно багровым. В обоюдном молчании вытащили они лодку на берег и побрели домой по острову.

Стоило им подойти к осиннику, как над водой разнесся слабый жалобный звук. Муми-тролль остановился.

— Я слышал такой звук еще вчера, — сказал папа. — Наверно, какая-нибудь птица.

Муми-тролль взглянул на море.

— Кто-то сидит на той шхере, — сказал он.

— Это навигационный знак, — возразил папа и пошел дальше.

«Утром никакого навигационного знака не было, — подумал Муми-тролль. — Вообще ничего не было». На миг он застыл в ожидании.

И тут этот кто-то зашевелился. Кто-то очень, очень медленно скользнул по высокому краю шхеры и исчез. Это не был Рыбак, тот ведь низкорослый и тщедушный. Это кто-то другой или что-то совсем другое.

Отряхнувшись, Муми-тролль отправился домой. Не нужно никому ничего говорить, прежде

чем не будет полной уверенности. А вообще Муми-тролль надеялся, что он никогда не узнает, кто сидит и воет по вечерам.

Проснувшись ночью, Муми-тролль долго лежал, боясь пошевелиться, и прислушивался. Кто-то звал его. Но он не был в этом уверен, может, ему это только приснилось. Ночь была такой же спокойной, как и вечер, и бело-голубой свет озарял ее, растущий серп месяца застыл прямо над островом.

Муми-тролль поднялся как можно тише, чтобы не разбудить папу и маму, подошел к окну, осторожно открыл его и выглянул. И тут он услышал, как слабо бьются волны о берег, как кричит вдалеке птица, как плавают в море пустынные и темные скалистые островки. Остров лежал, овеянный абсолютным покоем.

Нет, что-то происходило внизу, на песчаном берегу. Отдаленный топот быстрых ног, всплеск воды — там явно что-то происходило. Муми-тролля охватило какое-то странное напряжение. Берег принадлежал только ему, и никому другому. Ему необходимо пойти туда. Он чувствовал это всеми фибрами своей души, все происходившее было важно, ему необходимо было выйти в ночь и увидеть то, что происходит на песчаном берегу. Кто-то позвал его, и ему бояться нечего.

Уже у самых дверей он вспомнил про лестницу и заколебался. Винтовая лестница

ночью — мысль об этом была просто ужасна. Днем он бегал по ней, не успевая подумать об этом. Муми-тролль вернулся обратно и взял штормовой фонарь, стоявший на обеденном столе. Спички он нашел на конфорке плиты.

Теперь дверь за ним захлопнулась, и башня зияла под его ногами, как глубокий, головокружительной глубины колодезь. Он не видел его, но знал, что он есть. Пламя в штормовом фонаре заколыхалось и поднялось, теперь фонарь горел спокойно. Надев на лампу стекло, он осмелился взглянуть на винтовую лестницу.

Свет вспугнул все тени, и, когда он поднял фонарь, они, проснувшись, начали реять вокруг него. Столько теней, столько самых разных фантастических фигур и образов металось вверх-вниз в полой башне. Это было красиво. Лестница, извиваясь, спускалась вниз, все ниже, ниже и ниже, серая, хрупкая, словно скелет доисторического животного, и мрак встречал ее внизу, у дверей башни. Стоило Муми-троллю сделать шаг, как тени взлетали ввысь и танцевали перед ним по стенам. Это было слишком красиво для того, чтобы напугать.

Так и спускался Муми-тролль, шаг за шагом, крепко держа в руках штормовой фонарь, и фонарь помог ему добраться до самого подножия башни, покрытого илом. Тяжелая дверь, как обычно, скрипела; и вот он уже

стоит на вершине горы, и остров принимает его в круг холодного и призрачного лунного света.

«До чего ж интересно жить, — думал Муми-тролль. — Все может получиться наоборот — и ни от чего не зависеть. Лестница вдруг становится удивительной, да и полянка тоже чем-то таким, о чем я и думать больше не желаю. Это все просто становится, а как, я и сам не знаю».

Затаив дыхание, он пустился в путь через вершину горы и вниз, на вересковую пустошь, через небольшую осиновую рощу. Осины стояли молча, ветра не было. Он замедлил шаг и прислушался. Песчаный берег был совершенно тих.

«Может, я их напугаю, — подумал Муми-тролль и присел на корточки, чтобы погасить штормовой фонарь. — То, что бывает здесь ночью, наверняка очень пугливо. Остров, который оживает ночью, сам боится за себя».

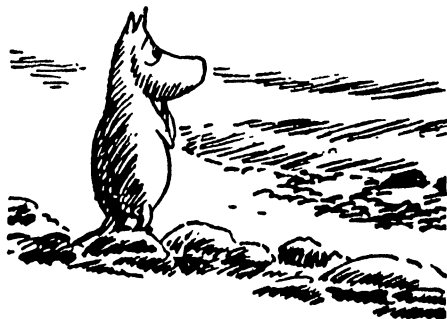
Теперь, когда свет был погашен, остров тотчас приблизился к нему. Муми-тролль чувствовал это, переходя от одного мыса к другому. Остров был неподвижен в лунном свете и очень-очень близок. Муми-тролль даже не боялся, он только прислушивался. Потом вернулся топающий звук шагов: кто-то мчался по песку за ольшаником, бегал взад-вперед, прыгая в воду, что-то плескалось, и взлетала белая пена...

Это были они, две Морские лошадки, его Морские лошадки... теперь все ясно... Серебряную подковку он нашел в песке, стенной календарь принесло волной, в которую месяц окунул свой башмачок, а зов он услышал, когда спал. Муми-тролль остановился среди зарослей ольхи и стал смотреть, как танцуют Морские лошадки.

Они бегали взад-вперед по песку с гордо поднятыми головами и развевающимися гривами, хвосты летели за ними следом длинными сверкающими волнами. Они были неописуемо красивы, легки и знали об этом, они без конца беззастенчиво и явно кокетничали друг с другом, с самими собой, с островом и морем. Иногда они бросались наискосок в воду, поднимая ввысь фонтаны воды при лунном свете, целые лунные радуги, потом бежали обратно под собственными радугами и словно вторили им, выгибая шеи и спины. Казалось, они танцевали перед зеркалом.

Теперь они стояли спокойно, склоняясь головами друг к другу и явно думая о себе. Обе лошадки были облачены в серую непромокаемую бархатную шкуру, было видно, что бархат этот мягкий, теплый и даже цветной.

Пока Муми-тролль рассматривал их, он вдруг понял, что тоже красив; он почувствовал себя легким, стремительным и высокомерным. Сбежав вниз на песок, он закричал:

— Какой яркий лунный свет! И как тепло! Можно летать!

Морские лошадки шарахнулись в сторону, поднялись на дыбы и помчались галопом. Они пронеслись мимо него, вытаращив глаза, с струящимися, словно вода, гривами. Их копытца барабанили тревогу. Однако же было ясно, что все это лишь игра. Муми-тролль знал, что они играют в ужасный испуг и наслаждаются этой игрой, но не знал, нужно ли ему аплодировать им или успокаивать их. Он снова стал маленьким, толстым и неуклюжим, и в ту самую минуту, когда они пробежали мимо него в море, он закричал:

— Вы такие красивые! Вы такие красивые! Не убегайте от меня!

Вода высоко поднялась, последняя радуга опустилась в море, а берег опустел.

Муми-тролль уселся на песок — он ждал. Он был уверен, что они вернутся обратно, они должны вернуться обратно, только бы у него хватило терпения ждать.

Ночь становилась все длиннее и длиннее, а луна опустилась в море.

Может, им понравится, если на берегу будет гореть свет, который снова приманит их на берег играть. Муми-тролль зажег штормовой фонарь. Он поставил его перед собой в песок и стал неотрывно смотреть на темную воду. Через некоторое время он встал, поднял фонарь и начал медленно размахивать им взад-вперед. Это был сигнал. Он попытался думать

о чем-то успокаивающем, он размахивал фонарем, он запасся терпением на все время, какое только понадобится.

На берегу похолодало, быть может, уже наступило утро. С моря повеяло стужей, у него начали мерзнуть лапки. Муми-тролль содрогнулся и поднял глаза.

И тут он увидел: перед ним в воде сидела Морра.

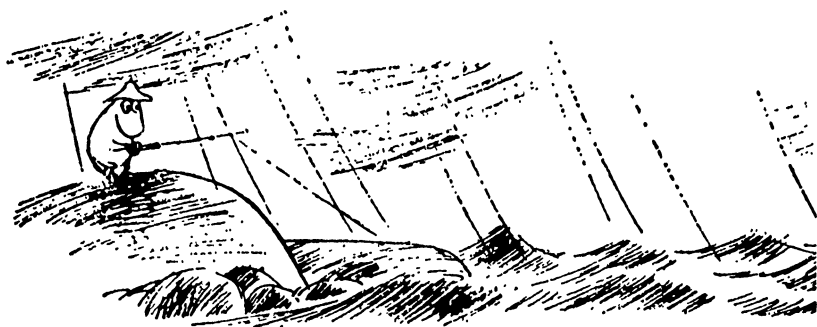
Ее глаза следили за движениями штормового фонаря, она была совершенно тиха и молчалива. Он понимал, что она больше не приблизится к нему, он просто не желал ее знать. Муми-тролль хотел убраться подальше от ее холода и неподвижности, далеко-далеко от ее ужасающего одиночества. Но убежать он не мог. Он не мог, просто не мог.

Он по-прежнему стоял, размахивая фонарем, но все медленнее и медленнее и наконец перестал. Никто из них не шевелился, и время тянулось так медленно. В конце концов Муми-тролль, тоже очень медленно, начал пятиться. Морра по-прежнему стояла на своем ледяном островке. Он же, не спуская с нее глаз, пятясь, поднимался на берег по песку среди зарослей ольхи. Потом погасил огонь.

Теперь было очень темно, луна зашла за островом. А быть может, ушла прочь, за скалистые островки в тень, — он не был в этом уверен.

Муми-тролль направился обратно к маяку, отяжелевший от собственных мыслей. Теперь море было совершенно спокойно, но в самой глубине ольшаника шептались от страха листья. Навстречу ему от низкоствольника шел сильный запах керосина, запах, не имевший ничего общего ни с ночью, ни с островом.

«Об этом я подумаю завтра, — решил про себя Муми-тролль. — Как раз сейчас в голове у меня ровным счетом ничего не помещается».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Норд-ост

Перед самым восходом солнца ветер подул с востока — резкий и упрямый. Семейство муми-троллей проснулось около восьми часов, когда восточный ветер уже нагнал дождь, при каждом порыве ветра окатывавший маяк водой.

— Теперь у нас будет вода, — радовалась мама. — Какое счастье, что я нашла кастрюлю и успела вычистить ее.

Положив дрова в плиту, она растопила ее.

Муми-троль все еще лежал в кровати, никакого желания говорить у него не было. Наверху на потолке, в самом центре, было маленькое круглое пятнышко с капельками воды. Капелька становилась все тяжелее и тяжелее, и вот она упала на обеденный стол, оставив место на потолке для следующей капельки.

В дверь прошмыгнула Мю.

— Неподходящая нынче погода для корзинки-лифта, — сказала она, выжимая воду из волос. — Ветер просто сдувает ее со стены маяка.

Они слышали, как в башне завывает ветер, а дверь снова с грохотом захлопнулась.

— Кофе готов? — спросила малышка Мю. — Я до чертиков хочу есть из-за плохой погоды. Море несется прямо в Черное Око, и мыс Растеряхи превратился в остров! Самого его вывернуло наизнанку, он лежит под лодкой и считает дождевые капли.

— Сеть! — воскликнул папа, выпрыгивая из кровати. — У нас ведь сеть в море!

Подбежав к окну, он выглянул, но так и не смог разглядеть поплавок. Восточный ветер дул прямо через мыс, и, если начать вытаскивать сеть, пока дует ветер со стороны, поднять ее будет непросто. Несчастье! Да к тому же еще этот дождь!

— Пусть остается в воде, — решил папа. — В сеть наберется больше рыбы. После кофе я поднимусь наверх в башню и попробую понять, что это за ветер. Вот увидите, к вечеру он наверняка успокоится.

Но и этажом выше ветер был почти такой же. Папа стоял наверху, глядя на свет маяка, то вывинчивая незакрепленные гайки, то наворачивая их вновь, то открывая, то закрывая

дверцу фонаря. Никаких мыслей и идей у него на этот счет не было, он даже не знал, что из всего этого получится. Да и к тому же ужасная небрежность — отсутствие всякой инструкции, как обращаться с этим маяком. Просто непρο-стительно.

Усевшись на газовый баллон, папа присло-нился спиной к стене. Над его головой дождь стучал в стекло, а порой, когда налетали по-рывы ветра, слышались шепот и шипение. Зе-леная рама была сломана, и под ней на по-лу постепенно образовалось маленькое озерцо. Папа смотрел на него отсутствующим взгля-дом, он мысленно превращал его в дельту с длинными извилистыми рукавами, и взгляд его скользил дальше по стене. Там кто-то написал авторучкой что-то вроде стихотворения. На-гнувшись ближе к стене, папа прочитал:

*Пустынно наше море,
прохладен лунный свет.
Я жду четыре года,
а кораблей все нет*.*

«Это написал Смотритель маяка, — подумал папа. — Он, верно, придумал это однажды, когда чувствовал себя несчастным. Подумать только — светить кораблям, которые никогда не проходят мимо... А вот тут он, видимо, был повеселее и выше написал: „Восточный ветер

* Перевод стихотворения Н. Беяковой.

и женская свара — это вечная сырость и от-
рава“».

Папа начал ползать вдоль стен и искать записи-размышления Смотрителя маяка. Там было множество заметок о силе ветра, запись о самом сильном шторме была наверху: «10 баллов при зюйд-весте». В другом месте Смотритель маяка снова написал стихи, но они были перечеркнуты множеством черных штрихов. Единственное, что мог разобрать папа, это какие-то слова с птичках.

«Мне надо побольше узнать о нем, — подумал папа. — Как только погода станет лучше, я постараюсь все разузнать у Рыбака. Они ведь знали друг друга, жили на одном острове. А теперь я закрою люк и больше сюда не пойду, тут только расстраиваешься».

Папа спустился вниз по лесенке и сказал:

— Задул норд-норд-ост. Может, еще стихнет. И я подумал: не пригласить ли этого Рыбака как-нибудь на чашечку кофе.

— Он наверняка не пьет кофе, — возразила малышка Мю. — Я думаю, он ест только водоросли да сырую рыбу. Может, еще цедит сквозь зубы планктон.

— Что ты говоришь?! — воскликнула мама. — Какой странный вкус!

— Именно водоросли, — повторила малышка Мю. — Потому-то у него такой вид. Меня это нисколько не удивило бы. Он же

самостоятельный и никогда ни о чем не спрашивает, — добавила она.

— А он что, вообще ничего не рассказывает? — спросил папа Муми-тролля.

— Ничегошеньки, — ответила малышка Мю.

Прыгнув на плиту, она свернулась калачиком и прижалась к теплой стенке, чтобы поспать, пока дождь не перестанет.

— Во всяком случае он наш сосед, — как-то неопределенно заметила мама. — Я думаю, надо всегда иметь соседа. — И, слегка вздохнув, добавила: — Мне кажется, дождевая вода просачивается в башню.

— Я займусь этим и приведу все в порядок, — сказал папа. — Только постепенно. Когда у меня будет время.

А сам подумал: «Может, небо посветлеет. У меня нет желания идти туда. Там, наверху, все еще сидит Смотритель маяка».

Долгий дождливый день прошел, и вечером ветер стих настолько, что папа решил вытащить сеть.

— Видите, как хорошо иметь хоть немного чутья, когда ты в море, — сказал он, очень довольный собой. — Мы вернемся как раз к чаю и принесем с собой самых больших рыб. А то, что останется, пусть пропадет.

Остров был мокрый и совершенно бесцветный из-за дождя. Вода поднялась так высоко,

что от песчаного берега осталось совсем немного, и лодка раскачивалась, погрузившись кормой в море.

— Надо выгнать ее хотя бы в ольшаник, — сказал папа. — Вот видишь, здесь заметно, что может натворить море в конце осени. Подожди я до утра и не вытаски сеть, у нас не было бы больше лодки! Видишь ли, с морем никогда нельзя быть достаточно уверенным! Я все удивляюсь, — серьезно добавил папа, — почему море поднимается и опускается. Должно же быть какое-то объяснение...

Муми-тролль огляделся по сторонам: перед ним был совершенно новый берег. Море вздулось, оно тяжело и гневно вздымалось и выворотило на берег высоченную гору водорослей. Берег больше не подходил Морским лошадкам. Подумать только, а что, если им нужен только песок, которого больше нет, и они больше никогда не вернутся назад? Подумать только, а что, если Морра спугнула их... Муми-тролль бросил косой взгляд на скалистые островки, но они были скрыты туманной завесой дождя.

— Будь повнимательней! — воскликнул папа. — Следи за поплавком и остерегайся волн, иначе нас выкинет на берег!

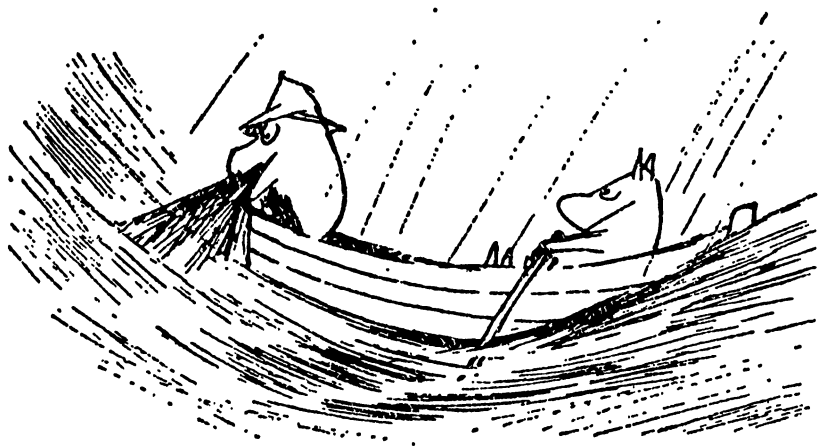
Муми-тролль налег на левое весло и стал грести изо всех сил. Лодка «Приключение» все время сворачивала к подветренной стороне и колыхалась на месте.

— Вперед! — кричал с кормы папа. — Поворачивай! Нет, в другую сторону! Задний ход! Задний ход! — Лежа животом на банке, он пытался схватить поплавок. — Нет, нет, нет, нет, сюда! Я имею в виду — туда! Теперь так! Я схватил его! Теперь гребь вперед, прямо вперед!

Схватившись за верхнюю часть сети, папа начал выбирать ее. Дождь заливал ему глаза, а сеть казалась ужасающе тяжелой.

«Никогда не съесть нам столько рыбы, — растерянно думал папа. — Что за жизнь! Но семья есть семья...»

Муми-тролль, сидя на веслах, греб как одержимый. И вдруг увидел, как что-то темное поднялось навверх вместе с сетью — это были водоросли! Сеть стала тяжелой, словно одеяло

из водорослей, тянувшихся метр за метром. Папа не произнес больше ни слова, он бросил свою затею — пытаться схватить сеть в лапу, а вместо этого налег всей тяжестью на корму и стал выгребать рыбу из сети обеими лапами. Охалка за охалкой буро-желтой толстой шкуры водорослей вываливались через борт... и ни единой рыбы. И так — три невода.

Муми-тролль повернул и направил лодку к песчаному берегу, сам же тем временем перестал грести и повис на правом весле. Лодка «Приключение» уткнулась носом в сушу, но в следующий миг вместе с волной ударилась боком о берег и перевернулась. Тут папа сильно оживился.

— Прыгай в воду и вытщи нос! — кричал он. — Вытщи его и крепко держи!

Муми-тролль стоял в воде по пояс и держал лодку за канат, она прыгала, как мустанг, и каждая наплывавшая волна обдавала водой его морду. Страшно холодная вода причиняла боль. Папа перетянул всю снасть через корму на сушу. Он сражался, а шляпа съехала ему на глаза, весла покатались на песок и спутались с сетью и с его лапами, все было как нельзя хуже. Когда им наконец удалось поднять «Приключение» на тросах, над морем снова повисла завеса дождя, ландшафт померк и померчал, начинало вечереть.

— Прекрасно справились! — сказал Муми-тролль, осторожно взглянув на папу.

— Ты так считаешь? — с сомнением в голосе спросил папа.

Поглядев на гигантскую кучу сетей и водорослей, он решил, что Муми-тролль прав, и сказал:

— Да, так оно и было. Борьба с морем! Так и бывает с теми, кто живет в открытом море!

Услышав рассказ обо всех этих грандиозных событиях, Мю отложила бутерброд в сторону и сказала:

— Боже мой! Ну и веселье пойдет! Чтобы распутать все это, потребуется три-четыре дня. Эти желтые водоросли застревают, как россомаха в капкане, если сеть оставить на целый день.

— Вот как! Вот как!.. — начал было папа.

— У нас ведь есть время! — быстро вмешалась мама. — Собирать водоросли в прекрасную погоду по-настоящему приятно...

— А съесть их может Рыбак, — предложила Мю. — Он обожает водоросли. Ха!

Папа снова скис. Эта история с морскими водорослями последовала как раз за несчастьем с маяком... Его не зажечь! Какая несправедливость!

Все изменилось... Папины мысли стали какими-то вялыми, и он начал без конца мешать ложечкой в чашке, хотя сахар уже давным-давно растаял. Посреди стола стояла самая маленькая кастрюлька. Капельки с потолка

неспешно падали вниз и ударялись — кап-кап — о дно кастрюльки.

Муми-тролль равнодушно смотрел на стенной календарь, бездумно завязывая узелки на хвосте.

— А теперь зажжем лампу, — весело сказала мама. — Сегодня вечером мы можем повесить ее на окно, поскольку дует ветер.

— Нет, нет, только не на окно! — воскликнул Муми-тролль, вскочив на ноги. — Милая мамочка, только не на окно!

Мама вздохнула. Именно этого она и боялась. В дождливую погоду они становились такими чудаковатыми, как если бы дождь застал их врасплох во время поездки. И конечно, дожди не прекратятся. Там, в долине, было столько разной работы, которую можно было переделать в самом доме, а здесь... Мама подошла к комоду и открыла верхний ящик.

— Я просмотрела его сегодня утром, — сказала она. — Он был почти пустой. И вы не поверите, что я нашла! Мозаику! Головоломку! Здесь — самое меньшее — тысяча камушков, и никто даже представить себе не может, что получится, когда все целиком будет готово! Наверное, это веселая игра!

Она высыпала мозаику на обеденный стол среди чайных чашек, получилась высокая, просто гигантская гора. Семейство не слишком одобрительно рассматривало мозаику.

Муми-тролль перевернул один из кусочков мозаики — он был черный. Черный, как

Морра. Или как тени в низкоствольном лесу. Или как зрачки в глазах Морских лошадок. Или как миллион других вещей. Мозаика могла быть чем угодно. И никто не мог сказать, где место каждого из камушков и куда он подходит, пока вся картина не будет готова.

В ту ночь Морра пела, обернувшись мордой к морю. Но никто не спустился вниз на берег с лампой. Она ждала-ждала, но никто так и не пришел.

Вначале Морра выла очень тихо, но потом ее песнь одиночества стала гораздо громче. Теперь она была не только песней одиночества, но и песней упрямства: «Никакой другой Морры, кроме меня, нет, я — одна-единственная. Я — самая холодная во всем мире. Я никогда не стану теплой».

— Это тюлени, — пробормотал папа в подушку.

Муми-тролль натянул одеяло на уши. Он знал, что Морра сидит и ждет, когда принесут фонарь, но не думал терзаться по этому поводу угрызениями совести. Пусть ее воет сколько влезет, ему нет до этого дела, ну просто ни капельки. И вообще его мама сказала, что у них ушло жутко много керосина. Много-много литров. Вот так.

Шли дни, и под напором упрямого восточного ветра поднималась вода, волны с постоянным

усыпляющим шумом клубились вокруг острова. Теперь мыс Рыбака был совершенно отрезан от мира, но, по словам Мю, он только радовался, что его оставили в покое. Дождь прекратился, и все семейство спустилось вниз на берег, к причалу, посмотреть, как там.

— Сколько водорослей! — воскликнула обрадованная мама. — Теперь я могу разбить садик побольше!

Помчавшись наверх и перебежав через вершину горы, она резко остановилась. Садик исчез, совершенно исчез. Море унесло с собой абсолютно все.

«Естественно, он был слишком близко к берегу моря, — неприятно удивившись, подумала мама. — Надо наносить водоросли гораздо выше и разбить новый...»

Она огорченно смотрела на затопленный берег, куда шипящими белыми валами набегали волны. Они проникали даже под лодку, которая, стоя на приколе, теснилась в ольшанике, и ударяли ее по корме так, что она подпрыгивала от возмущения. Папа, стоя далеко в воде, искал свой волнолом. Он прыгал туда-сюда, вода доходила ему до пояса, он оборачивался и что-то кричал.

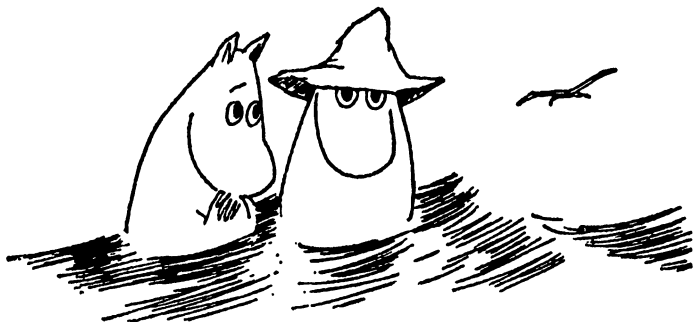
— Что он говорит? — спросила мама.

— Волнолом исчез, — ответил с нижней части берега Муми-тролль. — Все камни укатились.

Да, это было уже серьезно. Мама ринулась по мокрому песку вниз, в море, чтобы про-

явить сочувствие, именно сейчас это было необходимо.

Папа и мама стояли рядом друг с другом и мерзли в волнах, а она думала: «А ведь его море сердитое».

— Идем, поднимемся наверх, — с отсутствующим видом произнес папа. — Быть может, камни эти были не такие большие, как я думал.

Бросив на произвол судьбы случившееся с ними несчастье, они прошли мимо лодки к ольшанику. Здесь папа остановился и сказал:

— Прокладывать здесь настоящую дорогу никак не получится. Я пробовал. Каменные дьяволы здесь слишком большие. Смотрителю маяка следовало бы давным-давно построить дорогу, если бы это получилось, да и мост тоже.

— Может, и не стоит столько менять на таком острове, — сказала мама. — Он такой, какой есть. Дома было как-то легче... Но я

думаю все же попробовать разбить садик... Только гораздо выше.

Папа не произнес ни слова.

— Да и на маяке столько дел. Можно смастерить маленькие полки. Уютную мебель, верно? Починить эту ужасную лестницу... и крышу. Ну, ты знаешь...

«А я не хочу ничего чинить, — думал папа. — Я не хочу собирать морские водоросли... но я не знаю... так ужасно трудно быть папой!»

Они пошли дальше к маяку, и Муми-тролль увидел, как папа и мама исчезают, поджав хвосты, на склоне горы.

Над горой, где стоял маяк, запылала всеми своими переливчатыми прозрачными красками прерывистая радуга. Пока Муми-тролль смотрел на блекнущие краски, он вдруг понял, как важно добраться до полянки, прежде чем радуга погаснет. Он ринулся наверх в низкоствольный лес, бросился на живот и пополз в самую чашу.

Теперь полянка принадлежала ему. Она была такой же красивой и в ненастье. Он увидел среди кустов паука, посеребренного водяными каплями. Здесь было совершенно тихо, хотя и дул ветер. И никаких кусачих муравьев. Ни единого муравья.

Но, быть может, они просто спрятались от дождя... Муми-тролль начал нетерпеливо разрывать обеими лапами дерн. И вот он снова

почуял запах керосина. Да, они все были там, их было там полным-полно... но все скорчившиеся и мертвые. Вот беда, здесь случилось ужасное, и ни одному кусачему муравью спастись не удалось. Их всех утопили в керосине.

Муми-тролль поднялся на ноги, и вдруг его окатило, словно волной: «Это я виноват. Мне следовало бы знать. Мю не из тех, кто уговаривает, она действует или идет своим путем. Что мне делать! Что мне делать!»

Муми-тролль сидел на своей полянке, принадлежавшей ему на веки вечные целиком и полностью, и раскачивался взад-вперед. А запах керосина проникал в него со всех сторон. Он пропитал его насквозь, и даже на обратном пути Муми-тролль был уверен, что никогда от него не избавится.

— Но, милый мой, — сказала малышка Мю, — кусачие муравьи все равно что комары, от них надо избавляться! Между прочим, ты хорошо знал, что я собиралась сделать. Ты знал, но надеялся, что я не буду говорить об этом, обманывал сам себя.

Что можно было на это ответить?

В тот вечер малышка Мю увидела Муми-тролля, который пробирался сквозь вереск, явно стараясь, чтобы его не заметили. Она, разумеется, пошла за ним и подглядела, как он рассыпает сахарный песок в ельнике. Потом он исчез в зарослях и унес свою коробочку.

«Ха-ха! — подумала малышка Мю. — Он решил успокоить свою совесть. Я могла бы рассказать ему, что кусачие муравьи не едят сахар. К тому же сахар растает на влажной земле. А тех кусачих муравьев, которых я не поймала, вовсе не интересует вся эта история, и утешать их вовсе ни к чему. Но у меня нет сил. Пусть делает что хочет».

А после целых два дня мама и Муми-тролль вытаскивали водоросли из сетей.

Дождь зарядил снова. Пятна на потолке стали намного больше. «Буль-буль-буль» — падали капли в маленькую кастрюлю и «плюх-плюх-плюх» — в большую. Папа сидел в башне маяка и с отвращением смотрел на разбитое стекло. Чем больше он думал об этом стекле, тем больше ему изменяла фантазия. Надо бы укрепить стекла гвоздями снаружи или паклей и клеем изнутри. Это было предложение Муми-мамы.

Папа окончательно устал и лег на пол. Зеленое оконное стекло стало ярким красочным пятном, красивым пятном изумрудного цвета. Он почувствовал себя лучше, и чуть погодя в голову ему пришла совершенно оригинальная мысль. А что, если вырезать полосу мешковины и намазать ее клеем. А потом разбить зеленое стекло на массу изумрудиков и вдавить их в клей. Папа сел на полу. Идея его заинтересовала.

В промежутки между драгоценными камнями можно насыпать мелкий белый песок, пока клей не высох. Нет, лучше рисовую крупу. Можно прилепить маленькие беленькие рисинки, как жемчуг, тысячи жемчужин. Получится пояс из жемчуга и изумрудов.

Папа поднялся на ноги и ударил по стеклу молотком. Он стукнул потихоньку. Большой кусок стекла упал на пол и разбился. Папа набрал в лапу целую пригоршню и стал ужасно терпеливо разбивать осколки на мелкие красивые равные кусочки.

К вечеру папа вылез через люк в потолке. Пояс был готов.

— Я примерил его на себя, — сказал он. — А потом отрезал кусочек. Тебе он должен быть впору.

Мама надела пояс через голову. Он скользнул на ее круглый животик и остановился как раз там, где ему положено быть.

— Подумать только! — воскликнула мама. — Такой красивой вещи у меня еще никогда не было!

От радости она даже посерьезнела.

— А мы-то не могли понять, для чего тебе понадобился рис! — крикнул Муми-тролль. — Ведь рис разбухает от воды... вот мы и решили, что ты хочешь как-то заклеить окна.

— Фантастика! — восхищенно сказала малышка Мю. — Просто невероятно красиво!

Она переставила таз на другое место, туда, где капли с потолка падали не «буль-буль-буль» и не «плюх-плюх-плюх», а «кап-кап-кап», и добавила:

— И рисовой каши у нас теперь больше не будет.

— Я очень толста в талии, — с упреком сказала мама. — Мы вполне можем есть овсянку-размазню.

Предложение об овсянке-размазне было встречено гробовым молчанием. И тут папа вдруг услышал «Тритонию» — мелодию капель, сочиненную специально для него. Он ее терпеть не мог.

— Дорогой, если выбирать между драгоценностью и рисовой кашей, — начала было мама, но папа прервал ее, спросив:

— Сколько мы съели?

— Довольно много, — ответила испуганно мама, — ты знаешь, морской воздух...

— А что-нибудь осталось? — продолжал папа.

Мама сделала неопределенный жест, который скорее всего означал: «овсянка», но одновременно: «Это не так важно».

Тут папа нашел единственный выход. Он снял со стены спиннинг и надел шляпу Смотрителя маяка. Так, в гордом молчании, он проявил свои лучшие качества.

Семья почтительно ждала, капли отрывались от потолка и падали.

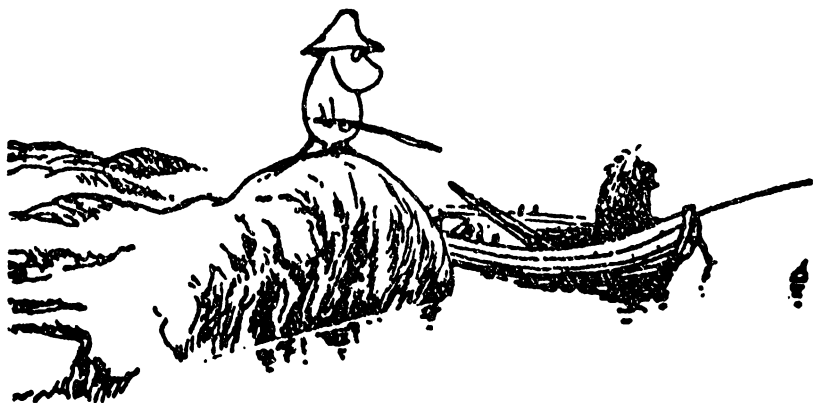
— Пойду, пожалуй, попробую немного. В такую погоду щука ловится.

Северо-восточный ветер поутих, но уровень воды был по-прежнему высок. Дождь моросил без передышки, и горы были одного цвета с морем, мир стал непонятным и очень одиноким.

Папа удил рыбу в скальном озерце по прозвищу Черное Око. Не клюнуло ни разу. Никогда нельзя говорить о щуках, прежде чем их не поймаете.

Разумеется, папе нравилось ловить рыбу, это нравится всем папам такого типа. Но он вовсе не любил возвращаться домой без рыбы. Спиннинг он получил в подарок на день рождения год назад — прекрасный подарок. Но иногда тот висел на крючке как-то по-особенному вызывающе.

Папа стоял и смотрел на черную воду, а Черное Око смотрело на него своим большим

серьезным глазом. Он смотал леску, сунул погасшую трубку под завязку шляпы и отправился удить с подветренной стороны.

Здесь тоже могла ловиться щука. Пожалуй, размером помельче. Но надо же хоть что-нибудь принести домой.

У самой воды сидел Рыбак с удочкой.

— Хорошее здесь дно? — спросил папа.

— Нет, — ответил Рыбак.

Папа сел на камень и стал думать, с чего начать разговор. Он никогда не встречал такого неразговорчивого собеседника. Ему стало как-то не по себе.

— Зимой здесь немного неуютно, — попытался он снова, но, разумеется, не получил ответа и решил попробовать еще раз. — Но тогда все же вас было двое. А что за человек этот Смотритель маяка?

Рыбак пробормотал что-то невнятное и беспокойно заерзал на лодочной скамье.

— А что, он вообще разговорчивый человек? Рассказывал что-нибудь про себя?

— Все они разговорчивые, — ответил вдруг Рыбак. — Только и знают, что рассказывают о себе. Он всегда рассказывал о себе. Да только я слушал не очень-то внимательно и все позабыл.

— А как он уехал отсюда? Маяк погас до того, как он уехал, или после его отъезда?

Рыбак поднял одно плечо и вытащил леску. Крючок был пуст.

— Я забыл, — сказал Рыбак.

Папа сделал еще одну отчаянную попытку:

— А что он делал днями? Строил что-нибудь? Ставил сети?

Рыбак закинул удочку красивым медленным движением руки. Круг на воде был великолепен, он расширялся, а потом исчез с гладкой поверхности воды. Рыбак отвернулся в сторону моря.

Тогда папа поднялся и отошел от него. Волна злости захлестнула его, и ему полегчало. Он далеко забросил леску, не обращая внимания на то, что расстояние между двумя любителями рыбной ловли было явно недостаточным. Рыба тут же клюнула.

Папа вытащил полукилограммового окуня. Он постарался сделать это как можно театральнее: плескался и пыхтел, вытаскивая окуня на берег, чтобы раздражить Рыбака. Папа покосился на него — серая фигура, обращенная к морю, сидела неподвижно.

— Эта щука тянет, поди, кило на восемь! — громко воскликнул Муми-папа, спрятав окуня за спиной. — Ха-ха-ха! Вот будет работка ее коптить!

Рыбак не шелохнулся.

— Вот ему! — пробормотал папа. — Только подумать, бедняга Смотритель маяка рассказывал ему без конца о себе, а этот... этот рак-отшельник его даже не слушал! Представляю себе!

Он стал подниматься на пригорок, на котором стоял маяк, держа окуня в лапе.

Малышка Мю сидела на ступеньке лестницы и пела одну из своих монотонных песен о дожде.

— Привет! — воскликнул папа. — Я зол!

— Это хорошо, — похвалила его малышка Мю. — Похоже, ты нашел подходящего врага, это может облегчить ситуацию.

Папа швырнул окуня на лестницу.

— Где она? — спросил он.

— Копаются в своем новом саду, — ответила малышка Мю, — я отдам ей рыбу.

Папа кивнул и пошел дальше на западный мыс.

— Ну ладно! — сказал он сам себе. — Я буду ловить под самым носом у его цементного ящика! Выловлю все несчастные рыбины до одной. Я покажу им...

Рваные сети развесили на маяке под винтовой лестницей и с облегчением забыли о них.

Мама больше не говорила про полочки и мебель, а пятна на потолке расплзались после каждого дождя все шире. Люк на потолке был заперт.

Папе вдруг стало наплевать на все, кроме рыбалки. Он удил рыбу целыми днями и приходил домой только поесть. Он отправлялся из дома рано утром и не разрешал никому идти с ним. Рыбака он больше не дразнил. Какое удовольствие дразнить такое маленькое существо, которое к тому же ни на что не злится?! У папы в голове была лишь одна навязчивая идея: раздобыть еду для своей семьи. Улов всегда лежал на лестнице маяка. Если попадались хорошие рыбыны, папа относил их на берег к причалу и коптил. Несмотря на ветер, он садился перед коптильной печкой и медленно подкладывал веточку за веточкой, чтобы поддерживать ровный огонь. Он засыпал щели песком и галькой, собирал можжевельновый хворост и рубил щепочки, чтобы рыба прокоптилась должным образом. Семья почти не видела его.

Однажды вечером он трижды закинул удочку в Черное Око, но там никогда не клевало.

За чаем папа говорил только о рыбе. Он не хвастался, как обычно, в своей симпатичной манере, а читал длинные лекции. Мама слушала их, смущенная и удивленная, но почерпнуть о привычках рыбаков и повадках рыб она из его разглагольствований ничего не могла.

«Это уже не забава, — думала она, — мы уже засолили рыбу во все банки и горшки,

какие только есть, а он все удит. Конечно, хорошо, что у нас теперь так много еды. Но вроде бы нам жилось веселее, когда ее было поменьше. Мне думается, море затаило на него зло».

Мама надевала изумрудный пояс каждый день, чтобы показать папе, как он ей нравится. Хотя это украшение явно полагалось носить по воскресным дням. Было немного досадно, что при неосторожном движении кусочки стекла за все цеплялись, а рисинки осыпались.

Новый мамин садик был готов: блестящий круг водорослей у подножия маячного холма. Она обложила его круглыми камешками: раковины море не пожелало ей дать. Посредине садика росла роза, привезенная из дома вместе с землей. Она собиралась распусться, но почему-то медлила. Чему тут удивляться — на дворе был уже сентябрь.

Мама часто мечтала о цветах, которые она посадит весной. Она нарисовала их на подоконнике окна, выходящего на север. Каждый раз, сидя у окна и глядя на море, мама рисовала новый цветок, хотя мысли ее были далеко. Иногда она удивлялась своим цветам — они будто выросли сами по себе и становились все красивее.

Ласточки улетели на юг, и у окна стало пусто. Для отлета они выбрали ветреный день с изморосью. Никто не видел, как они улетели. Теперь на острове стало как-то тихо. Мама привыкла к тихому щебетанию ласточек под крышей. Теперь мимо окна пролетали лишь

чайки с неподвижными желтыми глазами, да иногда раздавался крик журавлей, улетающих прочь, в далекие страны.

Собственно говоря, нечего было удивляться, что ни мама, ни папа не заметили, что случилось с их сыном, — их занимало другое. Они ничего не знали про заросли кустарника и поляну, не имели понятия о том, что каждую ночь, как только взойдет луна, он спускается на песчаный берег с штормовым фонарем.

Что заметила и о чем знала малышка Мю, никому не было известно. Чаще всего она сидела рядом с Рыбаком, но вряд ли они разговаривали. Они были терпимы и независимы и не пытались понять друг друга или произвести друг на друга впечатление, а это уже и само по себе неплохо.

Примерно так обстояли дела на большом, по-осеннему пустынном острове в ту ночь, когда вернулись Морские лошадки.

Спускаться на берег с штормовым фонарем уже было неинтересно. Муми-тролль привык к Морре: она была скорее неприятной, чем опасной. Он и сам не знал, спускался он на берег ради нее или все еще надеялся, что Морские лошадки вернутся. Просто, когда луна всходила, он открывал глаза и понимал, что пора идти.

Морра приходила каждую ночь. Она стояла в воде на отмели и следила за движущимся огнем фонаря. Когда Муми-тролль гасил огонь,

она без воя уплывала в темноту, а он возвращался домой.

Но каждую ночь она подходила чуть ближе. А на этот раз Морра сидела на песке и ждала.

Муми-троль остановился возле ольхи и поставил фонарь на землю. Морра нарушила ритуал, выйдя на берег, — это была ее ошибка. Нечего ей было делать на острове. Она была опасна для всего, что жило и росло.

Они, как всегда, постояли молча друг против друга. Но Морра вдруг медленно перевела взгляд

с фонаря на Муми-тролля. Раньше она этого не делала. Какие холодные и испуганные были у нее глаза! Луна заходила за тучу, она то светила, то гасла, по берегу скользили бесчисленные тени.

И тут с мыса примчались Морские лошадки. Они не обращали на Морру никакого внимания, гонялись друг за другом при лунном свете, распуская пышные гривы и топая маленькими твердыми копытцами. Муми-тролль заметил, что одна из них потеряла подкову, — их было только три. Эта лошадка была вся усеяна ромашками, на спине покрупнее, а на шее и на ногах помельче. А может быть, это были не ромашки, а кувшинки — это даже романтичнее. Она поддала копытом штормовой фонарь, и он упал на песок.

— Ты мешаешь моему лунному свету! Моему лунному свету! — закричала маленькая лошадка.

— Ах, простите! — извинился Муми-тролль и поскорее погасил фонарь. — А я нашел твою подковку...

Морская лошадка остановилась и склонила голову набок.

— Но, к сожалению, — продолжал Муми-тролль, — я отдал ее своей маме.

Лунный свет ускользнул прочь, снова раздался топот копыт и хохот лошадок.

— Ты слышала? Ты слышала? — кричали они друг другу. — Он отдал ее своей маме! Своей маме! Своей маме!

Они промчались галопом мимо него, их гривы, мягкие, как пушица, со слегка удушливым запахом, касались его мордочки.

— Я попрошу вернуть ее! Я могу сходить за ней! — крикнул Муми-тролль в темноту.

Луна снова вышла из-за туч. Муми-тролль увидел, что лошадки вошли в море бок о бок, их гривы плавали, как светлые юбки. Они были абсолютно одинаковые. Одна повернула голову и крикнула:

— В другой раз!..

Муми-тролль сел на песок. Она говорила с ним! Обещала вернуться! Пусть луна светит много долгих ночей подряд, только бы ее не скрывали тучи! А ему нужно остерегаться и не зажигать фонарь.

Муми-тролль вдруг почувствовал, что у него замерз хвост, и увидел, что песчаный берег заледенел. Как раз здесь сидела Морра.

На следующую ночь он спустился к причалу без фонаря. Луна была на ущербе, значит, Морские лошадки приплывут порезвиться в другое место. Он знал это, он это предчувствовал.

Муми-тролль захватил с собой серебряную подковку. Нелегко было просить ее обратно. У него покраснела мордочка, и вел он себя ужасно неестественно. Мама, ни о чем не спрашивая, сняла подковку с гвоздя.

— Я начистила ее порошком, — сказала она как ни в чем не бывало. — Погляди, как блестит!

Муми-тролль пробормотал, что подарит ей вместо подковки что-нибудь другое, и удалился, поджав хвост. Он не мог ей рассказать про Морскую лошадку, при всем желании не мог. Ах, если бы найти несколько раковин! Мамам наверняка больше нравятся раковины, чем лошадиные подковы. Для Морской лошадки поднять со дна несколько самых крупных и красивых раковин — пустяк. Конечно, если только ей есть дело до мамы. Может, лучше не просить...

Она не пришла.

Луна закатилась, а лошадки так и не появились. Правда, она сказала «в другой раз», а не «завтра». «Другой раз» может наступить когда угодно. Муми-тролль сидел и просеивал песок между лапами. Ему ужасно хотелось спать.

А Морра, разумеется, явилась. Она приплыла, окутанная облаком холодного тумана, похожего на нечистую совесть, и вышла на берег.

Муми-тролль вдруг ни с того ни с сего ужасно разозлился.

— Убирайся! — закричал он. — Убирайся отсюда! Ты мешаешь нам! Некогда мне тут с тобой сидеть!

Морра поползла к нему.

Он попятился в ольховые заросли и закричал:

— У меня нет с собой лампы! Я не собираюсь больше ее зажигать. Нечего тебе здесь делать! Это папин остров!

Он все пытался и пытался, а потом повернулся и побежал. Осинки дрожали и шелестели, как во время шторма: они знали, что Морра вышла на берег.

Позднее, лежа в постели, Муми-тролль слышал ее вой, в эту ночь он звучал гораздо ближе. «Только бы она не пришла сюда, — думал он. — Только бы они не увидели ее. Она годится вместо туманной сирены... Я знаю, кто-то скажет, что я глупый и смешной, а это хуже всего...»

На опушке густого леса под развесистой елью лежала малышка Мю и прислушивалась. Она поплотнее укуталась в мох и задумчиво посвистывала.

«Сам виноват, — подумала она. — Нечего было хороводиться с Моррой и мечтать подружиться с Морской лошадкой! Бедняга!»

Она вдруг вспомнила про кусачих муравьев и от души посмеялась.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Туман

Собственно говоря, мама ничего такого не сказала, и меньше всего она хотела обидеть папу.

Однако он обиделся. Он даже не помнил, что точно она сказала. В общем, папе стало ясно, что рыбы семье уже хватит.

Сначала она не выразила восторга по поводу щуки. Весов у них не было, но и без них было ясно, что щука тянет кило на три с лишним, во всяком случае на два. Когда с замиранием сердца вытягиваешь одного окуня за другим, пытаешься прокормить семью, и вдруг попадается щука, то это уже событие.

И вообще вся эта история с рыбой!

Мама сидела и, как всегда, рисовала на подоконнике. Весь подоконник был разрисован цветами. И вдруг она сказала так, между прочим, что не знает, куда девать рыбу, которую ловит папа. И еще, что у них нет больше банок, не в чем ее солить. Мол, хорошо бы поесть овсяной каши для разнообразия. Что-то в этом роде.

Папа повесил спиннинг на гвоздь и вышел прогуляться. Он обошел остров по берегу, но на Рыбачий мыс не пошел.

День был сумрачный, тихий. Восточный ветер чуть рябил поверхность воды, она была одного цвета с небом и казалась шелковой. Совсем низко над водой быстро летели гаги, видно, они торопились по своим делам. Потом все снова замерло. Папа ступил одной лапой на камень, другой — в воду, хвост окунулся в море, шляпа Смотрителя маяка съехала ему на глаза. Он подумал, что скоро начнется шторм. Придется бегать, спасать вещи и следить, чтобы семья не утонула. Нужно подняться на башню и определить силу ветра... спуститься и сказать: «Тринадцать метров в секунду, не беспокойтесь. Причин для волнения нет...»

Малышка Мю ловила колюшку в лужицах.

— Почему ты не ловишь рыбу? — спросила она.

— Я бросил это занятие, — ответил папа.

— И, поди, рад этому, — заметила малышка Мю, — однообразие надоедает.

— Надо же, и правда! — воскликнул папа. — И как только я сам этого не заметил! В самом деле это мне порядком надоело.

Он пошел, уселся в каморке Смотрителя маяка и подумал: «Я сделаю что-нибудь другое, что-нибудь новое. Неслыханное».

Но папа сам не знал, чего он хочет. Он был растерян. Как в тот раз, когда дочка Гафсы

выдернула ковер у него из-под лап. Или когда плюхнешься на пол мимо стула. Ах, нет, скорее, когда чувствуешь себя обманутым.

Папа сидел и смотрел на серое шелковое море, которое не хотело превращаться в штормовое, и чувство, что его обманули, становилось все сильнее и сильнее. «Ну погоди же! — бормотал он про себя. — Я разберусь с тобой!..»

Кого он имел в виду: море или остров — он и сам не знал. Может, он имел в виду маяк или Смотрителя маяка. Во всяком случае в голосе папы звучала угроза. Он тряхнул головой и в полной растерянности пошел к Черному Оку. Там он сел и углубился в раздумья, подперев мордочку лапами. Время от времени легкая волна перекачивалась через порог и уходила назад в блестящее водяное зеркало.

«Вокруг этого острова столетия бушевали шторма, — думал папа. — Сюда, в Черное Око, заплывали пробковые поплавки, обломки коры, их забрасывали волны через мыс и снова вымывали их отсюда, и так было всегда... Но в один прекрасный день...» Папа поднял мордочку — важная и странная мысль промелькнула у него в голове.

Подумать только, а вдруг в один прекрасный день по дну моря прокатилось что-то очень тяжелое, море вышвырнуло его, и оно затонуло здесь, осталось здесь *навсегда*?

Папа встал. Сундук с сокровищами? Скелет морского разбойника? Какая разница!

Важно, что Черное Око набито невероятными вещами!

Папа страшно обрадовался. Дремавшая энергия проснулась, зашевелилась, буквально заползла под кожу. Казалось, будто стальные пружины раскрутились у него в животе и заставили его действовать. Он помчался домой, одним махом взлетел по лестнице, хлопнул дверью и закричал:

— Послушай-ка! У меня идея!

— Да что ты говоришь? — воскликнула Муми-мама, стоя у плиты. — И большая?

— Большая. Огромная. Садись, сейчас я тебе расскажу.

Мама села на один из пустых ящичков, и папа начал рассказывать о том, что он задумал. Когда он закончил свой рассказ, мама сказала:

— Это невероятно! Такое может прийти в голову только тебе. Там может оказаться все, что угодно!

— Именно так, — подтвердил папа. — Все, что угодно.

Они поглядели друг на друга и засмеялись. Потом мама спросила:

— Когда ты начнешь искать?

— Ясное дело, сразу же. Я хорошо протраю дно. Но сначала измерю лотом глубину. Мы должны попытаться перетащить туда лодку. Понимаешь, если я потяну ее вверх по камням, она может оторваться и съехать обратно. А мне необходимо попасть на самую середину, там, разумеется, лежит самое интересное.

— Можно я помогу тебе? — спросила мама.

— Не-е-е-т, это моя работа. Сейчас я достану канат для лота...

Папа вскарабкался по железной лестнице, прошел по маяку, не обратив никакого внимания на лампу, и полез выше на темный чердак. Чуть погодя он спустился с канатом в лапах и спросил:

— А где у нас лот?

Мама бросилась к плите и дала ему утюг.

— Спасибо, — сказал папа и выскочил из дома.

Мама слышала, как он бежал по винтовой лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Потом снова наступила тишина.

Мама села за стол и засмеялась.

— Как прекрасно! До чего же прекрасно, Морра меня задери!

Она быстро огляделась вокруг, но поблизости, конечно, не было никого, кто мог бы услышать, как грубо мама выразилась.

Муми-тролль лежал на своей полянке и смотрел на раскачивающиеся верхушки берез. Они начали желтеть и от этого стали еще красивее.

Теперь у него в домике были три тайных туннеля: парадный ход, черный ход и запасной выход для бегства. Он укрепил зеленые стены дома, для чего терпеливо сплел ветви. Теперь это была его собственность, он сам построил свой дом.

Муми-тролль больше не думал о кусачих муравьях, которые постепенно превратились в землю где-то под его упитанным тельцем. Запах керосина выветрился, а вместо залитых им цветов когда-нибудь вырастут новые. Он думал, что вокруг его дома в кустах тысячи ядовитых муравьев вне себя от счастья поедают сахар. Все шло прекрасно.

Но Муми-тролль думал о Морских лошадках. Что-то с ним произошло, он стал совсем другим, у него появились новые мечты, и он полюбил одиночество. Теперь он стал воображать себе разные сцены, и это было необычайно интересно. Он воображал себя вместе с Морскими лошадками, эти мечты о лунном свете были еще прекраснее, потому что за ними стояла темнота Морры. Она сидела где-то там все время, это правда. Она выла по ночам. Но его это не трогало.

Муми-тролль приготовил подарки для Морских лошадок: красивые камешки, осколки стекла, которые море отшлифовало и превратило в драгоценные камни, и несколько маленьких блестящих медных грузил из комода Смотрителя маяка. Он представлял себе, что он скажет, вручая подарки, придумывал умные и поэтичные слова.

Он ждал возвращения луны.

Мама Муми-тролля давным-давно разложила по местам все вещи, которые они привезли из дома. Генеральной уборки она не делала,

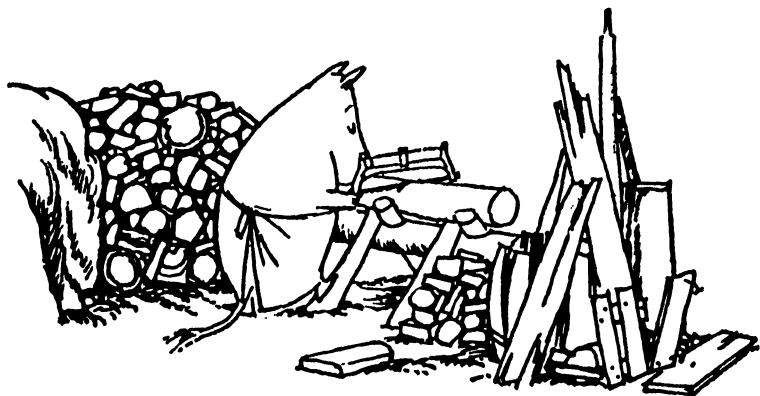
потому что пыль еще не успела накопиться, да и не нужно делать из уборки культ. Что касается стряпни, то она много времени не занимает, если ей не придавать большого значения. Дни были долгими, но не слишком приятными.

Суетиться мама не любила, потому что это напоминало ей о ее одиночестве.

Но вот однажды она начала собирать дрова. Она подбирала веточки на берегу, все, что выбрасывало море, и понемногу у нее набралась целая куча хвороста и обломков досок. Приятно было и то, что так она приводила в порядок остров и он становился красивее. Ей казалось, что этот остров — сад, за которым нужно ухаживать.

Мама сносила все в одно место на подветренной стороне маячного холма. И там же она смастерила козлы. Они получились немного кривые, но пользоваться ими было можно, если упираться в них лапой.

Погода стояла мягкая, пасмурная. Мама все пилила, пилила и отмеряла деревяшки, чтобы

они были одинаковой длины, а потом раскладывала их вокруг себя красивым полукругом. Дровяная стена становилась все выше и выше, и наконец мама уже пилила в какой-то отдельной комнатке, отчего она чувствовала себя увереннее и спокойнее. Сухие палочки она складывала под плиту, а красивые бревнышки не решалась рубить. Между прочим, с топором она ловко обращаться не умела.

Возле пригорка, где она пилила дрова, росла маленькая рябина, которая очень нравилась маме. Теперь на рябине, на этом маленьком деревце, висели красные ягоды, масса ягод. Самые красивые кусочки дерева мама положила под рябинку. Она много знала о древесных породах: как выглядит дуб, что такое розовое дерево, узнавала оregonскую сосну и красное дерево. Все они пахли по-разному, были разными на ощупь, и все они попадали к ней после очень долгого путешествия.

— Розовое и палисандровое дерево, — пробормотала мама с глубоким удовлетворением и продолжала пилить дальше.

Остальные члены семейства привыкли видеть маму за этим занятием, хотя из-за поленицы дров ее было видно все меньше и меньше. Вначале папа возмутился и хотел сам занять дровяную горку. Но тут мама рассердилась и заявила, что не уступит.

— Я тоже хочу позабавиться, — сказала она.

Под конец поленица выросла настолько, что снаружи видны были только мамины уши. Но она все пилила, а по утрам ходила по берегу и собирала новые деревяшки.

В это серое, совершенно неподвижное утро мама нашла на отмели раковину. Это была большая тигровая раковина, внутри розовая, а снаружи бежевая с коричневыми пятнами.

Мама удивилась и очень обрадовалась. Раковина лежала на песке, хотя прилива не было уже целую неделю. А чуть подальше она нашла белую раковину — такими обрамляют клумбы в саду. Факт тот, что внезапно на берегу появилось множество раковин, больших и маленьких. А самое невероятное, что на одной из них было красными буквами написано: «На память о западном побережье».

Мама еще больше удивилась и собрала все раковины в передник. Потом она отправилась показать их папе, который прочищал дно в Черном Оке.

Папа лежал, свесив мордочку через борт. Сверху он казался очень маленьким, как и его лодка с болтающимися в воде веслами.

— Иди сюда, я тебе что-то покажу! — крикнула Муми-мама.

Папа подогнал лодку к мысу.

— Погляди-ка, настоящие раковины! — воскликнула мама. — Они лежали на отмели, а вчера там не было ни одной!

— Очень странно, — сказал папа и выбил пепел из трубки о камень. — Это одна из загадок моря. Иногда меня просто пленяет мысль о таинственных путях моря. Ты говоришь, они лежали на отмели, далеко от воды, а вчера их не было. Это значит, что море может подняться *на метр* за несколько часов и снова отступить. Хотя у нас не бывает прилива и отлива, как в других местах, о которых мы слыхали. Это очень интересно. Что же касается надписи, то она открывает просто-напросто *неслыханные* возможности.

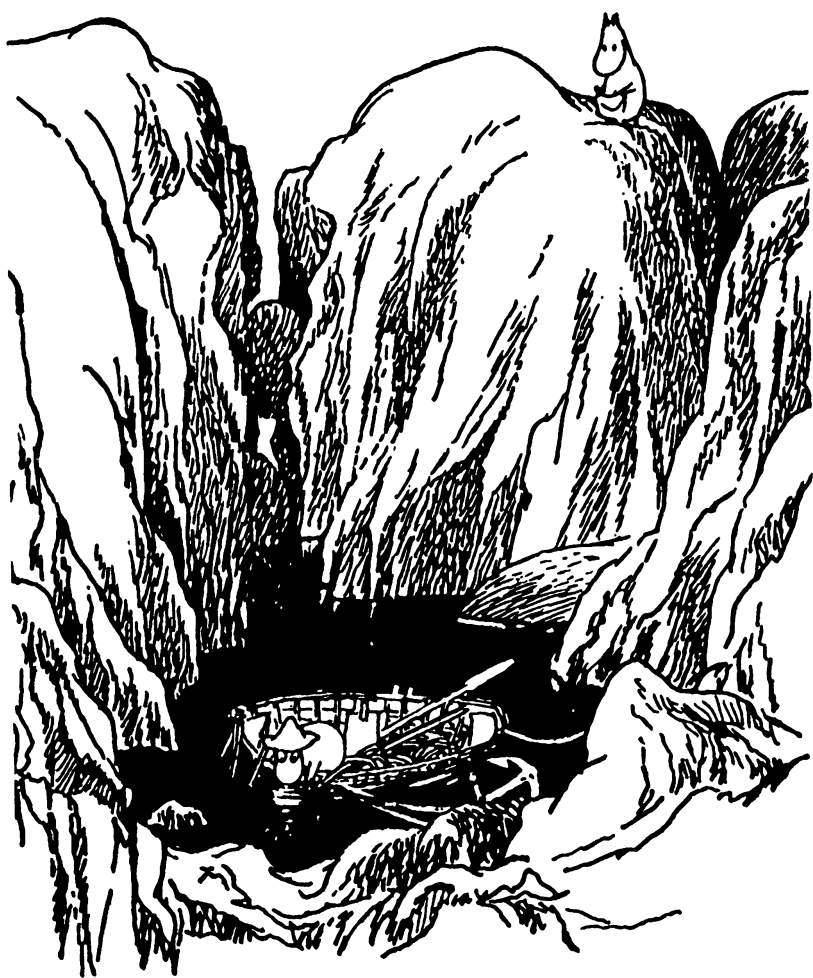
Он серьезно посмотрел на маму.

— И ты понимаешь, — продолжал он, — это так важно, что я подумаю и, возможно, напишу диссертацию. Обо всем, что касается моря, настоящего большого моря. Я должен познать море. Пристани, дорожки и рыбалка — все это для мелких людишек, которых не волнуют глобальные процессы. — Он повторил: — Глобальные процессы. — Это звучало красиво. — Именно Черное Око подало мне эту идею.

— А здесь глубоко? — спросила мама, широко раскрыв глаза.

— Очень. Лот едва достает до дна. Сегодня я поднял жестяную банку, что подтверждает мои предположения.

Мама кивнула. Немного помолчав, она сказала:

— Я, пожалуй, пойду и обложу клумбы раковинами.

Папа не ответил, мысли его были далеко.

В это время Муми-тролль сжигал ободранную шкатулку в маминой плите. К чему было хранить ее, раз он отковырял с нее все раковины. Он нашел шкатулку в нижнем ящике комода, мама там никогда не рылась, потому что там, по всей вероятности, лежали самые сокровенные предметы, принадлежавшие Смотрителю маяка.

Жестяная банка была ломаная и ржавая. По-видимому, в ней никогда ничего не хранили, кроме скипидара или бензина. Но это было доказательством. Черное Око было тайником моря, его черным ящиком. Папа с отчаянной уверенностью надеялся, что все лежит на дне и ждет его. «Все» означало — все, что угодно. Он думал, что стоит ему все это поднять, как он познает море и все встанет на свои места. И он сам тоже. Такое у него было ощущение.

Поэтому папа упрямо тралил дно и измерял глубину лотом на самой середине, которую он называл бездонной.

— Бездонная, — шептал он про себя и чувствовал, как от магии этого слова по спине у него бегут мурашки.

Почти везде лот останавливался на одной глубине. Но иногда канат опускался до бес-

конечности, как папа его ни надвязывал. Лодка была завалена перепутанными канатами и веревками. Он тащил сюда каждый обрывок веревки, который только мог найти (хотя все они были, разумеется, для чего-нибудь другого. Но так уж всегда бывает с веревками).

Папа развил гипотезу о глубокой дыре, которая идет к центру земли, — о кратере погасшего вулкана. Под конец он стал записывать свои предположения в старую тетрадь в клеенчатой обложке, которую он нашел на чердаке. Несколько страниц были заняты записками Смотрителя маяка. Он писал маленькие слова, оставляя между ними большие промежутки, как будто по бумаге прополз паучок.

«Волна одинока, луна вступила в седьмую фазу, — читал папа. — Сатурн встречается с Марсом». Может быть, все же у Смотрителя маяка бывали гости. И ему бывало повеселее. Но все остальное место занимали цифры. Папа не мог в них разобраться. Он перевернул тетрадь и стал писать с другого конца.

В основном он чертил карты Черного Ока — сверху и в разрезе — и углублялся в сложные объяснения перспектив и расчеты.

Папа теперь не слишком много говорил о своих исследованиях. Постепенно он перестал тралить дно, а сидел в уединенном местечке Смотрителя маяка, погруженный в раздумье. Иногда он делал записи в тетради с клеенчатой обложкой о Черном Оке или о море.

Например, он писал: «...морские течения — явление удивительное и замечательное, которому не уделяется должного внимания...» или «...движение волн есть нечто, неизменно вызывающее у нас восхищение...» Потом он откладывал тетрадь и погружался в размышления.

На остров прокрался туман. Он приполз с моря незаметно. Внезапно все заволокла бледно-серая дымка, и уютный выступ скалы, служивший ему скамейкой, сиротливо поплыл в пустом и каком-то мягком шерстистом пространстве.

Папа любил прятаться в тумане. Он ненадолго заснул, но вдруг закричала чайка, и он со страхом проснулся, вскочил и пошел бродить вокруг острова, беспомощно размышляя о происхождении течений и ветров, штормов и дождей и о бездонных впадинах в море.

Мама видела, как он ныряет в туман и снова показывается и шагает, опустив мордочку на живот. «Он собирает материал, — ду-

мала она. — Так он говорил мне. Наверное, вся тетрадь исписана его наблюдениями. Вот будет здорово, когда он соберет весь материал».

Она выложила пять полосатых карамелек на чайное блюдечко. Потом поставила его в верхнюю каморку, чтобы легче работалось.

Муми-тролль лежал на полянке, поросшей вороникой, уткнувшись мордочкой в мамин кувшин. Он макал подкову в прозрачную коричневую воду и смотрел, как серебро превраща-

ется в золото. Ягоды вороники и метелочки трав отражались в кувшине, превращаясь в маленький опрокинутый пейзаж. Веточки так красиво выделялись на фоне тумана, ясно и отчетливо было видно, как самая маленькая букашка ползет по травинке.

Желание поговорить о Морской лошадке становилось все сильнее и сильнее. Просто описать, как она выглядит. Или вообще поговорить о Морских лошадках.

Вот по одной травинке ползут две букашки. Муми-тролль помешал в кувшине, и миниатюрный пейзаж пропал. Муми-тролль поднялся и поплелся к зарослям низкоствольника. Как раз на опушке начиналась узенькая тропка, протоптанная во мху. Очевидно, здесь жила малышка Мю. В кустах что-то зашелестело, значит, она была дома.

Муми-тролль сделал шаг, опасное желание довериться кому-нибудь застряло пробкой у него в горле. Он присел и пополз под елями. Она сидела здесь, свернувшись в клубок.

— Я вижу, ты дома, — простодушно сказал Муми-тролль. Он сел на мох и уставился на нее.

— Что это у тебя в лапе? — спросила Мю.

— Ничего, — ответил Муми-тролль. — Она сбила его с мысли, и он не сумел сказать заготовленную фразу. — Просто я проходил мимо.

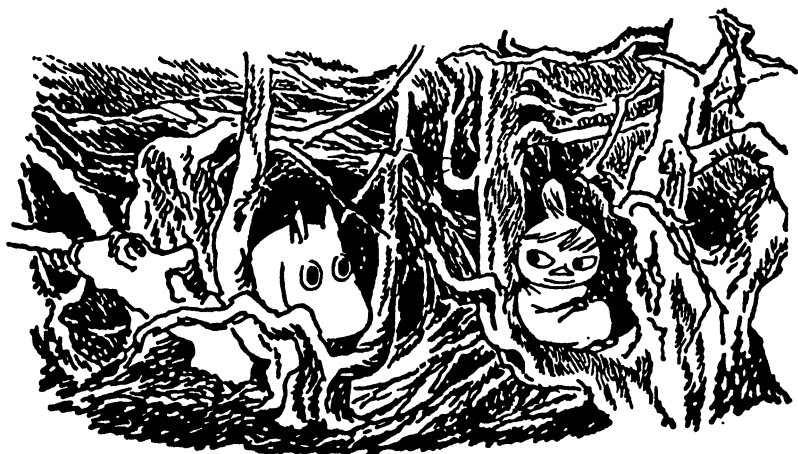
— Ха! — сказала малышка Мю.

Он смотрел по сторонам, не желая встречаться с ее критическим пронзительным взглядом. Ее дождевик висел на ветке. Рядом стояла чашка с черносливом и изюмом и бутылка с соком.

Муми-тролль подскочил и наклонился. Под развесистыми елями у самых стволов земля была устлана коричневой хвоей, и, насколько он мог рассмотреть в сером тумане, повсюду стояли ряды крошечных крестов из сломанных палочек, связанных шпагатом.

— Что это ты сделала? — воскликнул Муми-тролль.

— Уж не думаешь ли ты, что я похоронила своих врагов? — засмеялась довольная малышка Мю. — Это могилы птиц. Кто-то устроил здесь большое птичье кладбище.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Муми-тролль.

— Я проверила, — ответила Мю. — Тут зарыты маленькие белые скелеты. Такие же, как те, что мы нашли внизу у маяка в первый день. Месть Забытых Костей, помнишь?

— Это сделал Смотритель маяка, — сказал Муми-тролль после долгой паузы.

Малышка Мю кивнула так энергично, что пучок волос у нее на затылке подпрыгнул.

— Они летели на свет маяка, — медленно продолжал Муми-тролль. — У птиц такая привычка. И разбились.

— Смотритель маяка собирал их каждое утро. Это огорчало его все больше и больше. В один прекрасный день он погасил маяк и уехал...

— Но ведь это просто ужасно! — воскликнул Муми-тролль.

— Это было так давно, — ответила малышка Мю и зевнула. — А теперь маяк не светит.

Муми-тролль кисло поглядел на нее.

— Что у тебя за привычка всех жалеть! — сказала Мю. — Уходи-ка отсюда. Мне надо причесаться.

Выйдя из зарослей, Муми-тролль разжал лапу и поглядел на подковку. Он так ничего и не сказал. Тайна Морской лошадки осталась при нем.

Ночи были безлунные, штормовой фонарь не зажигали. И все же Муми-тролль спускался на песчаную отмель, потому что не мог иначе. Он приносил с собой подковку и подарки.

Его глаза привыкли к темноте, и он увидел, как Морская лошадка вышла из тумана, слов-

но сказочное неземное существо. Он с замиранием сердца положил подковку на песок.

Темный силуэт с изогнутой шеей подошел к нему танцующей походкой. Морская лошадка по-дамски рассеянно-небрежно надела подковку и, отвернувшись, подождала, пока серебряная подковка не прирастет к копыту.

— По-моему, челка — это красиво, — медленно сказал Муми-тролль. — У меня есть приятельница с челкой. Может быть, она придет сюда навестить меня... У меня много друзей, которые тебе непременно понравятся.

Маленькая лошадка молчала, ее это не трогало.

— Ночью острова так красивы. Это папин остров, но я не знаю, будем ли мы жить здесь всю жизнь. Иногда мне кажется, что остров не любит нас, но, может, это пройдет. Главное, что острову, кажется, папа начинает нравиться...

Она не слушала его. Ей не было дела до его семьи.

Тогда Муми-тролль высыпал на песок свои подарки. Морская лошадка подошла ближе и понюхала, но по-прежнему ничего не сказала.

Наконец он нашел нужные слова:

— Ты танцуешь так прекрасно!

— Ты так считаешь? — спросила лошадка. — Ты ждал меня? Ждал?

— Еще бы! — воскликнул Муми-тролль. — Я все время ждал и беспокоился, когда дул сильный ветер... Мне хотелось

спасти тебя, оградить от смертельной опасности! У меня есть свое собственное жилище, и я повесил там твой портрет. Только твой портрет и может висеть там...

Морская лошадка внимательно слушала.

— Ты самая красивая на свете, — продолжал Муми-тролль.

И тут завывала Морра. Она сидела, окутанная густым туманом, и выла, потому что ей хотелось поглядеть на огонь лампы.

Маленькая лошадка кинулась в сторону и исчезла. Остался лишь ее смех. Она помчалась к морю, а ее смех рассыпался, как тысячи жемчужин.

Морра решительно выползла из тумана и двинулась прямо к Муми-троллю. Он повернулся и побежал. Но в этот раз она не осталась на берегу, а последовала за троллем в глубь острова по вересковой пустоши до самого маяка. Он видел, как она ползла, словно большое серое пятно, а потом свернулась клубком под маячным холмом и стала ждать.

Муми-тролль захлопнул за собой дверь, взбежал по винтовой лестнице. В животе у него жгло от волнения. Морра пробралась в глубь острова!

Папа и мама еще не проснулись, в доме было тихо. Но в открытое окно он видел, что остров охвачен беспокойством, он стонал и ворочался во сне. Муми-тролль слышал, как дрожат от страха листья осин. Вот закричали чайки.

— Почему ты не спишь? — спросила мама.
Муми-тролль закрыл окно.

— Я проснулся, — ответил он и залез в постель. Мордочка у него совсем замерзла и занемела.

— Похолодало, — сказала мама. — Как хорошо, что я распилила это бревно... Ты замерз?

— Нет, — ответил Муми-тролль.

Морра сидела внизу под маяком и мерзла. Она так ужасно мерзла, что земля под ней заледенела... Опять началось... У него по коже снова поползли мурашки, и этот страх никак было не стряхнуть. Он отчетливо представил себе существо, которое никогда не может согреться, которое никто не любит и которое уничтожает все вокруг, где бы ни появилось. Это несправедливо, почему она все время увязывается за ним, а не за кем-нибудь другим! Да ее невозможно заставить оттаять!

— Ты чем-то расстроен? — спросила мама.

— Нет, — ответил Муми-тролль.

— Завтра будет новый длинный день, — сказала мама. — Твой собственный день с начала до конца. Это приятно, правда?

Чуть погода Муми-тролль услышал, что мама заснула. Он быстро прогнал мрачные мысли и решил заняться вечерней игрой. Мгновение он колебался, какую игру выбрать: с Приключениями или Спасением. И выбрал игру со Спасением, полагая, что так будет правильнее.

Он закрыл глаза и впустил в голову пустоту. Потом представил себе шторм.

Ах, как сильно бушевал шторм на пустынном скалистом берегу, по-видимому это был берег острова. Обитатели острова бегали по берегу, заламывая лапы, кто-то терпел Бедствие... никто не отваживался броситься на помощь, это было невозможно, любая лодка мгновенно разбилась бы Вдребезги.

Теперь Муми-тролль спасал не маму, а Морскую лошадку.

Маленькая Лошадка с Серебряными копытцами боролась в море. Может быть, с морской змеей? Нет, нет, только со штормом. Этого достаточно.

Небо было желтое, настоящее Штормовое небо. И вот он сам вышел на берег. Он Решительно побежал к лодке. Все громко закричали:

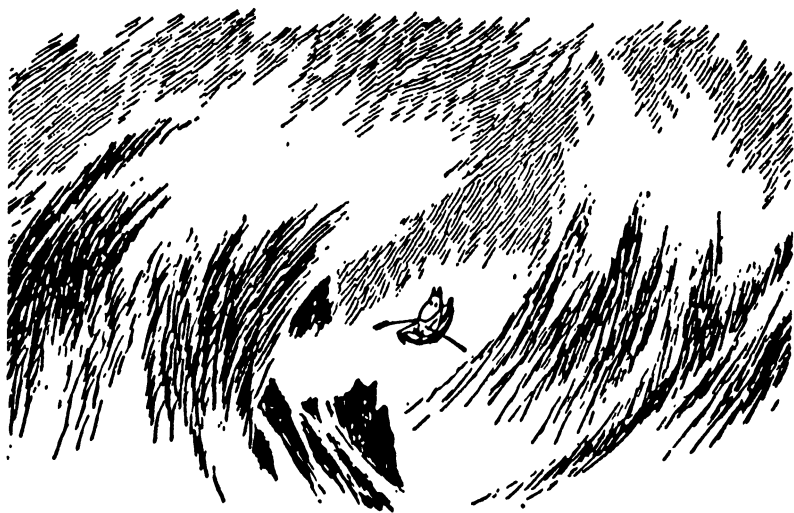
— Нет! Остановите его! Он не справится! Море Проглотит его!

Он оттолкнул их, сел в лодку и стал грести, грести. Острые вершины скал торчали вокруг него, как Черные Зубы... Но ему было ни капельки Не Страшно. Позади него на берегу малышка Мю кричала:

— Только теперь я поняла, какой ты отважный! Ах как я раскаиваюсь!

Но было уже слишком поздно. Снусмумрик закусил свою трубку и пробормотал:

— Старый друг... Прощай.

Но Муми-троль продолжал бороться с волнами, он плыл к Морской лошадке, которая как раз начала тонуть. Он поднял ее в лодку, и она лежала там, покрытая мокрой золотистой гривой, словно какой-то Большой Ворох. Муми-троль уверенно взял курс на берег, на далекий пустынный берег, и отнес ее на сушу.

— Какой ты Отважный, — прошептала она. — Ты Рисковал своей Жизнью ради меня...

А он улыбнулся рассеянno и сказал:

— Я оставляю тебя здесь. Мой путь Одинок. Прощай!

Морская лошадка посмотрела ему вслед, пораженная и Восхищенная.

— Но как же?.. — спросила она.

А он, Муми-тролль, помахал ей рукой и пошел, Одинокый, по скалам в Непогоду. Удаляясь, он становился все меньше и меньше... Все на берегу были поражены, они говорили друг другу...

Но тут Муми-тролль заснул. Он вздохнул, счастливый, и, свернувшись под теплым красным одеялом, погрузился в сон.

— А где настенный календарь? — спросил папа. — Мне нужно сделать отметки, это важно.

— Для чего? — спросила малышка Мю, влезая в окно.

— Должны же мы знать, какой сегодня день, — объяснил папа. — Стенные часы мы, к сожалению, не захватили. Но не знать, какой сегодня день, воскресенье или среда, просто невозможно. Так просто нельзя жить.

Малышка Мю втянула воздух носом и выдохнула его сквозь зубы как-то особенно зловеще, что означало: «Я-никогда-не-слыхала-подобной-глупости-за-всю-свою-жизнь».

Папа понял, что она этим хотела сказать, и сильно рассердился, но тут Муми-тролль признался:

— Я ненадолго одолжил его.

— Есть вещи, имеющие особую важность на пустынном острове, — сказал папа. — В частности, наблюдения, которые необходимо заносить в судовой журнал. Нужно наблюдать

за всем. Так что изволь немедленно повесить календарь на место.

— Ладно, ладно, ладно, — угрюмо ответил сын.

Он залпом выпил кофе и, спустившись по винтовой лестнице, окунулся в прохладный воздух осеннего утра. Земля еще была окутана туманом. Маяк выделялся на фоне этой серой пелены, как огромный столб. Не видно было, где он кончается. Наверху был лишь волнистый, колышущийся туман, а там, внутри маяка, сидела семья муми-троллей, которая ничего не могла понять. Он был злой и невыспавшийся, ему вовсе не было дела ни до Морры, ни до Морских лошадок, ни до родителей. Сейчас.

Спустившись под горку, он окончательно проснулся. Ага, можно было догадаться. Из всех мест Морра выбрала мамин садик и сидела там. Надеюсь, она сидит не больше часа. Но роза совсем потемнела, стала коричневой. На мгновение совесть Муми-тролля проснулась и взмахнула хвостом, но потом на него снова напали злость и сонливость. Ах эти папы! Настенный календарь ему понадобился! Заметки на полях! Разве могут старые тролли понять, что образ Морской лошадки — это образ Красоты, который может увидеть только он.

Муми-тролля заполз в чашобу и снял с ветки настенный календарь, сильно покоробившийся от сырости. Он отбросил в сторону рамку из увядших цветов, сел и задумался,

уставившись в одну точку. В голове у него роилась масса неясных мыслей.

И внезапно его осенило: «Я перееду сюда. Пусть себе живут отдельно в старом маяке с ужасной лестницей и считают дни».

Это была мятежная мысль, новая, увлекательная. Она изменила все, очертила большой замкнутый круг, пространство одиночества, грусти и неизведанных возможностей.

Когда он вернулся домой, ноги у него занемели, он продрог. Он поставил календарь обратно на комод. Папа тут же подошел и поставил на верхнем уголке календаря крестик.

Муми-троль набрался храбрости и выпалил:

— Я думаю пожить один где-нибудь на острове.

— На острове? Ладно, — рассеянно ответила мама. Она сидела у окна, выходящего на север, и рисовала цветущую веточку. — Хорошо. Возьми, как обычно, спальный мешок.

Она рисовала жимолость, красивую, с затейливыми листочками. Мама надеялась, что помнит точно, как выглядят эти цветы. Жимолость не может расти у моря, ей нужно тепло и защита от ветра.

— Мама, — сказал Муми-троль, и в горле у него пересохло. — Это не как обычно.

Но мама не слышала его, она только что-то одобрительно пробормотала и продолжала рисовать.

Папа стоял и считал свои крестики. Он не вполне был уверен в пятнице. В тот день он поставил два крестика, потому что в четверг не поставил ни одного. Что-то тогда помешало ему, и теперь это вызывало неуверенность. Что он делал в этот день? В его памяти все смешалось, все дни слились, как блуждание по берегу острова: все идешь и идешь и никогда не дойдешь до цели.

— Хорошо, — сказал Муми-тролль, — я возьму спальный мешок и штормовой фонарь.

За окнами клубился и уползал туман, казалось, что комната уплывает вместе с ним.

— Мне надо еще немного краски, — сказала мама самой себе.

Она позволила жимолости подняться с окна на белую стену, и ветка дерзко распустила на ней большой, тщательно вырисованный цветок.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Луна на исходе

Однажды ночью перед самым рассветом маму разбудила тишина вокруг маяка, ветер внезапно утих, как это бывает при перемене его направления.

Она долго лежала, прислушиваясь.

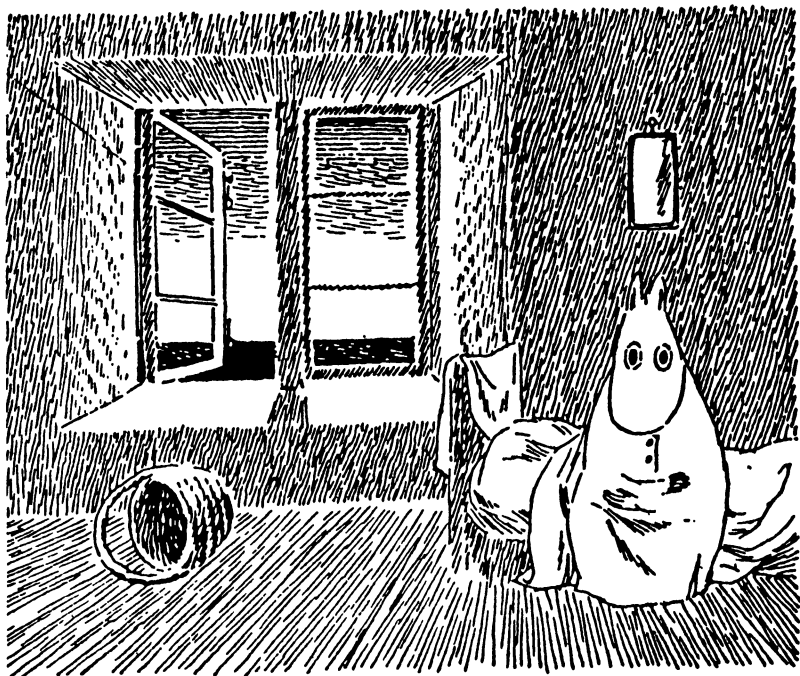
Где-то далеко в темноте над морем медленно задул новый ветер. Мама слышала его приближение, казалось, он шел по воде, шума волн не было слышно, она различала лишь свист ветра. Он все время крепчал, и вот он достиг острова. Ставни открытого окна, подпертые крючками, слегка зашевелились.

Мама почувствовала себя совсем маленькой. Она зарылась мордочкой в подушку и попыталась думать... ну, к примеру, о яблоне. Но вместо этого перед глазами у нее было лишь море и бушующие над ним ветры, море, вышедшее из берегов и захлестнувшее остров, когда погас свет, море и только море, взявшее

в плен берег, остров и их дом. Ей казалось, будто весь мир — это блестящая и скользкая вода и что их комната тоже медленно плывет.

Подумать только, а вдруг их остров сорвется с места и наутро будет плыть где-то за лодочной пристанью? Вдруг он поплывет дальше и будет странствовать по морю много лет, покуда не наткнется на край света, как кофейная чашка на край скользкого подноса?..

«Это понравилось бы Мю, — хихикнув, подумала мама. — Интересно, где она спит по ночам?.. И где спит Муми-тролль?.. Жаль,

что мамам нельзя уходить из дома, когда им вздумается, и спать не дома. Мамам иногда это в особенности нужно». Она, как всегда, нежно и рассеянно пожелала ему в душе всяческого благополучия. А Муми-тролль, лежа на своей лесной полянке, почувствовал это и приветливо помахал ей в ответ хвостом.

Ночь была безлунная и очень темная.

Никто не думал о переселении Муми-тролля, и он сам не знал, радует это его или огорчает.

Каждый вечер мама зажигала на столе две свечи и давала ему с собой штормовой фонарь. Папа говорил для порядка:

— Только не устраивай пожар в ельнике и не забывай гасить фонарь перед сном.

Вечно одно и то же. Они так ничего и не поняли.

Муми-тролль прислушался к новому ветру и подумал: «Луна на исходе. Морская лошадка придет не скоро».

Для него это было скорее облегчение, чем разочарование. Ему только хотелось представлять себе их приятную встречу и красивые слова, вспоминать, как она хороша... И теперь ему не надо больше сердиться на Морру. Она может смотреть на фонарь, сколько ей вздумается. Муми-тролль говорил себе, что спускался по ночам на песчаную отмель из практических соображений — чтобы помешать Морре подниматься к маяку и замораживать мамин ро-

зы. Чтобы семья не увидела ее. И наконец, для того, чтобы не слушать ее вой. Только и всего.

Каждую ночь Муми-тролль ставил зажженный фонарь на песок и стоял, ожидая, покуда Морра вдоволь наглядится на огонь.

Она устроила из этого целую церемонию. Недолго поглядев на фонарь, она начинала петь. Вернее, она думала, что поет. Это было какое-то вытье — тонкий пронзительный вой, который проникал повсюду, казалось, он звучит прямо в голове и в животе. Одновременно она медленно и тяжело раскачивалась взад-вперед и размахивала юбками, похожими на сухие морщинистые крылья летучей мыши. Морра танцевала! А остров волновался все сильнее. Деревья шептались и дрожали, по воронике волнами пробегала дрожь. Дикий овес на берегу шелестел и стлался по земле, пытаясь вырваться с корнями и улететь. И как раз в эту ночь Муми-тролль увидел кое-что, испугавшее его.

Начал двигаться песок. Муми-тролль отчетливо увидел: песок двинулся с того места, где сидела Морра. Он струился и как-то пугливо сверкал, высыпаясь из-под ее лап, топтавших землю и превращавших ее в лед.

Тогда Муми-тролль схватил фонарь и бросился сломя голову в свою чащобу через запасной ход. Он нырнул в спальный мешок, застегнул молнию и попытался уснуть. Но как

ни старался зажмуривать глаза, он видел песок, упрямо ползущий к воде.

На следующий день мама вырыла четыре куста дикого шиповника из твердого песчаного грунта. Эти кусты с пугающим усердием пустили извилистые корни между камнями и услужливо расстелили ковром свои листья.

Мама считала, что алый шиповник на фоне серых скал — изумительно красиво, но в ее коричневом садике он, пожалуй, выглядел как-то не так. Кусты стояли, вытянувшись в ряд, и вид у них был тревожный. Мама подсыпала им по горсточке земли, привезенной из дома, полила их и села, чтобы побыть с ними немного.

И тут примчался, тяжело топая, папа. Глаза у него потемнели от волнения.

— Черное Око! — крикнул он. — Оно дышит! Идем скорее, сама увидишь!

Он повернулся и побежал, а мама вскочила и побежала за ним, ничего не понимая.

Но папа был прав. Темная поверхность воды медленно поднималась и опускалась, словно глубоко вздыхая. Око дышало!

Малышка Мю бегом спустилась с холма.

— Ясное дело, — сказала она. — Так оно и есть. Остров ожил! Я давно этого ждала.

— Не болтай ерунды, — ответил папа. — Остров не может ожить. Вот море — живое...

Он помолчал и обеими лапами обхватил голову.

— Что с тобой? — с тревогой спросила мама.

— Сам не знаю, — ответил папа. — Я еще не решил точно... У меня была одна мысль, но она ускользнула от меня.

Он взял тетрадь в клеенчатой обложке и, наморщив лоб, пошел вверх по склону.

Мама неодобрительно взглянула на Черное Око.

— Я думаю, что теперь самое время совершить приятную, обстоятельную прогулку. С корзиной провизии для пикника.

Она направилась напрямиком к маяку, чтобы подготовиться.

Мама уложила все, что нужно для пикника, отворила окно и ударила в гонг. Она стояла и смотрела, как все спешили к ней, и вовсе не испытывала угрызений совести, хотя и знала: удар гонга на острове означал сигнал тревоги.

Папа и Муми-тролль, похожие на большие груши, стояли внизу, задрав мордочки.

Мама уперлась лапами в подоконник и выглянула в окно.

— Не волнуйтесь! — весело крикнула она. — Пожара нет. Просто мы сейчас же отправимся на прогулку и устроим пикник.

— На прогулку? — воскликнул папа. — Как ты можешь?..

— Нам грозит беда! — крикнула мама. — Если мы сейчас же не отправимся на прогулку, нам всем будет плохо!

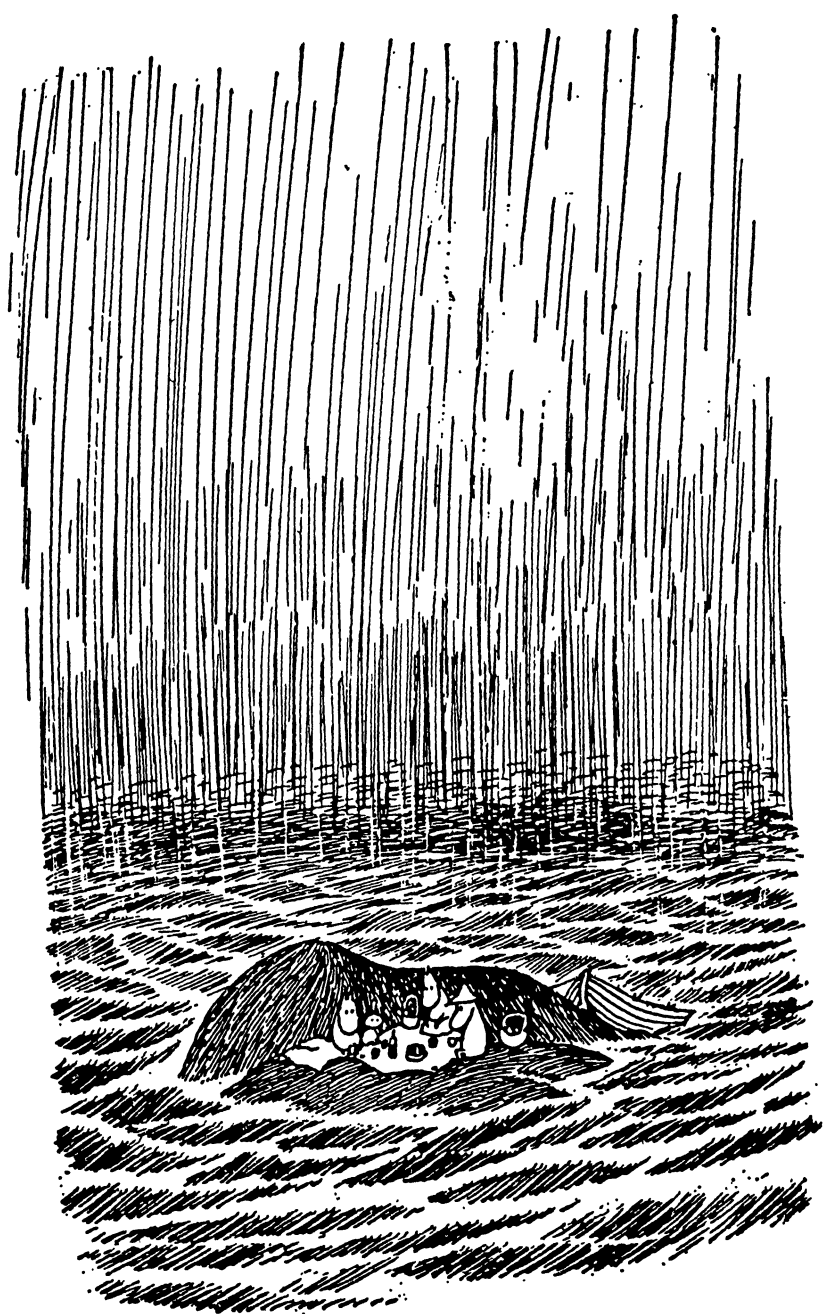
И они отправились на морскую прогулку. Вся семья с большим трудом вытащила «Приключение» из Черного Ока. Они поплыли навстречу ветру и непогоде к самому большому скалистому островку на северо-западе и, дрожа, расположились на мокрых камнях. Мама соорудила плиту между камней и стала варить кофе, как это делали все женщины в старые времена. На каждый угол скатерти положили по камню, поставили масленку с крышкой, кружки, вынули купальные халаты, пестрые, как яркие цветы на скалах, и, конечно, зонт от солнца. Когда кофе был готов, стал моросить дождь.

Мама была в отличном настроении, она все время болтала о всяких будничных пустяках, рылась в корзинке, готовила бутерброды. В первый раз она захватила с собой сумочку.

Островок, на который они приплыли, был маленький и совершенно голый, без единой травинки, даже водоросли и плавник соскальзывали с него, это была просто серая скала, торчавшая из воды.

Когда они сидели там и пили кофе, у них вдруг возникло такое чувство, будто все наладилось. Они начали говорить обо всем, что приходило им в голову, но только не о море и только не о Долине муми-троллей.

Отсюда остров с огромным маяком, серый от дождя, далекий, как тень, казался чужим.

После кофепития мама вымыла кружки и сложила все обратно в корзину. Папа спустился к воде и понюхал ветер, а потом сказал:

— Думаю, пора нам домой, пока он не усилился.

Он всегда так говорил во время морских прогулок. Они сели в лодку, малышка Мю примостилась на носу. Возвращались они с попутным ветром.

«Приключение» вытащили на берег.

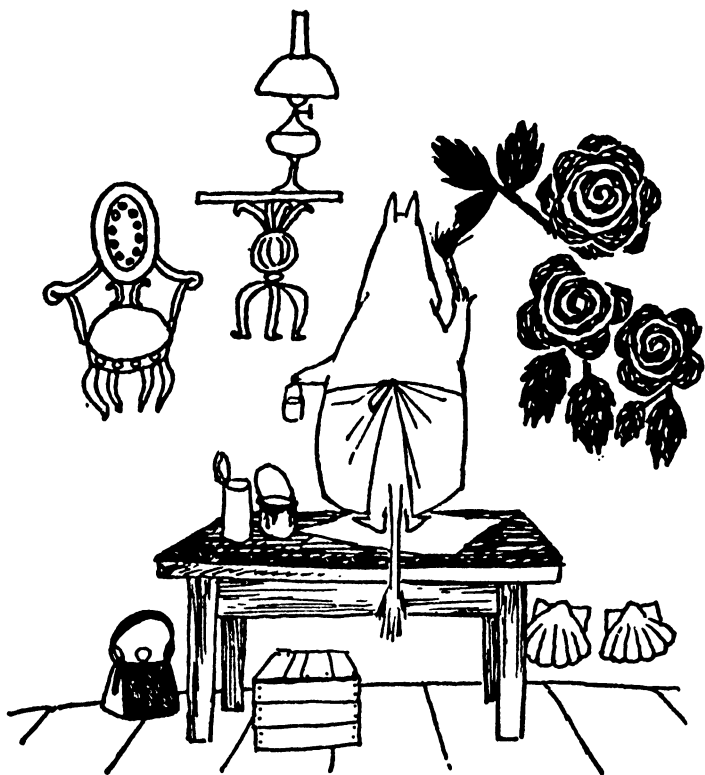
Вернувшись домой, они почувствовали, что остров как-то изменился, хотя и не поняли, в чем заключается эта перемена, и не сказали друг другу об этом ни слова. Видно, это было потому, что они отсюда ненадолго уехали, а после вернулись. Они прошли прямо на маяк. В этот вечер они разгадывали головоломки, а папа прибил возле плиты маленькую полку.

Эта прогулка была, наверное, полезна для семьи, но мама загрустила. Ночью ей приснилось, что они поплыли на остров хатифнаттов у родного берега, теплый, приветливый летний остров. Когда она проснулась, ей стало грустно.

После завтрака она сидела за столом и смотрела на ветку жимолости, выросшую из подоконника. От чернильного карандаша остался один огрызок, который был нужен папе, чтобы отмечать крестиками дни в календаре и делать записи в тетради в клеенчатой обложке.

Мама встала, поднялась на чердак и принесла оттуда три мешочка с краской: коричневой для сетей, банку суриковой для лодок, немного черной на саже и две старые кисти.

Потом начала рисовать цветы на стенах. Они получились крупные и яркие, ведь она рисовала большими кистями. Краска для сетей быстро впитывалась в известку и становилась густой и прозрачной. Ах, как это было красиво! Рисовать в сто раз приятнее, чем пилить дрова. На

стене распускался один цветок за другим: розы, ноготки, маргаритки, пионы... Маме было почти страшно, что она умела так красиво рисовать. Внизу, у пола, она нарисовала высокую, колышущуюся под ветром траву. Ей хотелось вверху нарисовать солнце, но у нее не было желтой краски. Пришлось от этой мысли отказаться.

Когда семья пришла обедать, мама даже не успела еще затопить плиту. Она стояла на ящике и рисовала маленькую коричневую пчелу с зелеными глазами.

— Мама! — воскликнул Муми-тролль.

— Ну как? — спросила мама, осторожно дорисовывая второй глаз пчелы.

Кисть была слишком велика, необходимо было смастерить новую. Ну да в крайнем случае можно было сделать из пчелы птицу.

— Похоже, — заметил папа. — Я узнал все эти цветы. Вот это — роза.

— Нет, — обиженно сказала мама, — это пион. Тот самый, красный, что рос у крылечка.

— Можно мне нарисовать ежа? — крикнула малышка Мю.

Но мама покачала головой.

— Нет, это моя работа. Но я нарисую ежа, если ты будешь хорошо себя вести.

За обедом все были в прекрасном настроении.

— Одолжи мне немного красной краски, — попросил папа, — прежде чем уровень воды поднимется, я нарисую на маячном хол-

ме нижнюю ватерлинию, чтобы серьезно изучить этот вопрос. Понимаешь, я хочу понять, есть ли у моря какая-то закономерность или нет... Это очень важно.

— Много материала ты собрал? — спросила мама.

— Массу. Но для того чтобы начать писать диссертацию, придется собрать еще столько же. — Папа склонился над столом и доверительно сказал: — Я хочу знать, коварно ли море на самом деле, или оно вынуждено подчиняться.

— Кому? — спросил Муми-троль, вытаращив глаза.

Но папа замялся и принялся усердно есть суп.

— Ну... определенным законам, — ответил он.

После обеда мама налила ему в чашку немного красной краски, и он отправился рисовать нижнюю ватерлинию.

Осиновая роща покраснела, а на прогалянке лежал желтый ковер березовых листьев. Красная и желтая листва летела над морем вместе с зюйд-вестом.

Муми-троль закрасил с трех сторон стекло фонаря черной краской — так поступают злодеи, пускаясь в опасные приключения. Он обошел вокруг маяка, смотревшего на него пустыми глазами. Снова наступил вечер, и остров

проснулся. Муми-тролль чувствовал, как он ворочается. Над мысами кричали чайки.

«Ничего не поделаешь, — подумал Муми-тролль. — Если бы папа знал, он понял бы. Но я не хочу видеть, как песок опять поползет сегодня ночью. Пойду лучше на восточный мыс».

Муми-тролль сел на камень, направил фонарь в сторону моря и стал ждать. На остров спустилась тьма, но Морра не появилась.

А малышка Мю увидела и его, и Морру. Морра сидела и ждала на песчаной отмели.

Мю пожала плечами и снова заползла в мох. Она уже не раз замечала, как некоторые по глупости ждут друг друга не в том месте, где надо, и отчаиваются. Тут уж ничего не поделаешь, так уж повелось.

Ночь была мрачная. Муми-тролль слышал, как мимо пролетают невидимые птицы. Позади него в Черном Оке послышался плеск, и он обернулся. Глаз фонаря осветил полосу на черной воде. Морские лошадки! Они плыли вдоль скалистого берега, может быть, они бывали здесь каждую ночь, а он и не знал об этом.

Лошадки хихикали и брызгались водой, они смотрели на него из-под челонок. Муми-тролль переводил взгляд с одной на другую. У них были одинаковые глаза, одинаковые цветочки на шее, их головы поворачивались одинаково дерзко. Он не мог различить, которая из них его лошадка.

— Это ты? — спросил Муми-тролль.

Морские лошадки подплыли к самому берегу. Теперь вода достигала им до колен.

— Это я! Это я! — воскликнули обе и залились смехом.

— Ты не хочешь спасти меня? — спросила одна. — Скажи, маленький толстый морской огурец, ты смотришь на мой портрет каждый день? Смотришь?

— И вовсе он не морской огурец, — с упреком возразила другая. — Он маленький-маленький гриб-дождевик, который обещал спасти меня, если поднимется шторм. Он маленький гриб-дождевик, который ищет раковины для своей мамы. Разве это не прелестно? Прелестно!

Муми-тролль вспыхнул.

Мама начистила подковку порошком. Он знал, что одна подковка блестит гораздо ярче, чем остальные. Он знал, что они ни за что не поднимут копыта из воды, и он так и не узнает, которая из них его лошадка.

Вот лошадки вошли в море. Он слышал, как они смеялись, но их смех все отдалялся и отдалялся, и под конец слышался лишь посвист ветра на берегу.

Муми-тролль растянулся на камнях и уставился в небо. Он не в силах больше думать о Морской лошадке. Как только он пытался представить ее себе, перед ним вставали две лошадки, две совершенно одинаковые смеющиеся лошадки. Они только и делали, что выбегали из моря и убегали обратно, — у него устали глаза. Под конец их стало много, целый табун, он не в силах был даже сосчитать их. Ему захотелось заснуть, отдохнуть.

Мамина стенная роспись становилась все красивее и красивее, она уже разрисовала стену до самых дверей. Мама изобразила зеленую

яблоньку, усыпанную и цветами, и фруктами, и яблоки, лежащие в траве. Розовые кусты росли повсюду, почти все с красными розами, такие же, как у мамы в садике. Каждый куст был обрамлен белыми ракушками. Колодец был зеленый, а дровяной сарай — коричневый.

И в один прекрасный вечер, когда лучи заходящего солнца осветили стену, мама нарисовала угол веранды.

Вошел папа и поглядел на ее рисунок.

— А горы ты не рисуешь? — спросил он.

— Там нет никаких гор, — рассеянно ответила мама. Она рисовала перила, а их очень трудно изобразить прямыми.

— А что это у тебя, горизонт? — продолжал папа.

Мама подняла глаза.

— Нет, это голубая веранда. Моря здесь вовсе нет.

Папа долго смотрел молча. Потом подошел к плите и поставил чайник на огонь.

Когда он повернулся, то увидел, что мама уже успела намалевать большое голубое пятно, а на нем что-то похожее на лодку, точно он не мог разобрать.

— Послушай-ка, — сказал папа, — это у тебя вышло неудачно.

— Получилось не так, как я хотела, — жалобно ответила мама.

— Ты наверняка хотела изобразить что-то красивое, — утешил ее папа. — Но мне

думается, лучше тебе это переделать, пусть уж будет веранда. Рисовать нужно то, что хочется.

После этого вечера мамина стенная роспись стала все больше походить на долину Мумидален. Ей трудновато было изобразить перспективу, и пришлось переносить некоторые детали в другое место. Например, плиту и часть гостиной. Невозможно нарисовать каждую комнату. Можно лишь изображать отдельно по одной стене, и это выглядит ненатурально.

Маме нравилось рисовать перед заходом солнца, в это время в башне никого не было, и она отчетливее представляла родную долину.

Однажды вечером небо на западе окрасил красивейший и ярчайший закат, такого маме еще не приходилось видеть. Он зажег языки красного, оранжевого, розового и лимонно-желтого пламени над темным бурным морем. Подул зюйд-вест, он летел на остров прямо с черного как уголь, резко очерченного горизонта.

Мама стояла на обеденном столе и рисовала суриком яблоки на верхушке дерева. Подумать только, как здорово было бы, если бы у нее хватило краски расписать стены снаружи! Что за яблоки! Что за розы!

Пока она наблюдала за небом, вечерний свет поднялся по стене и зажег цветы в ее

саду. Они ожили и засветились. Сад отворился, усыпанная гравием дорожка со странной перспективой стала настоящей и повела прямо к веранде. Мама приложила лапы к стволу дерева — солнце нагрело его. Она почувствовала, что сирень зацвела.

Вдруг на стену упала тень, что-то черное молнией пронеслось мимо окна. Большая черная птица летала вокруг маяка, затемняя одно окно за другим: западное, южное, восточное, северное... Птица все летала и летала, со свистом хлопая огромными крыльями.

«Мы окружены, — со страхом подумала мама. — Это колдовской круг, я боюсь. Я хочу домой! Мне хочется вернуться домой с этого ужасного пустынного острова, от этого злого моря...» Она обняла яблоню и закрыла глаза. Кора была шероховатая и теплая. Шум моря исчез. Мама вошла в свой сад.

Комната в башне маяка опустела. Баночки с красками остались стоять на столе, а за окном буревестник продолжал свой странный одинокий танец, описывая круги. Когда небо на западе погасло, он улетел в сторону моря и исчез.

Настало время вечернего чая, и семья собралась в доме.

— А где мама? — спросил Муми-тролль.

— Может, она пошла за водой, — ответил папа. — Она успела нарисовать еще одно дерево.

Мама стояла за яблоней и смотрела, как ее семья накрывает на стол. Они как-то расплывались у нее перед глазами, как будто двигались под водой. Мама не удивилась этому, ведь она наконец вошла в свой собственный сад, где все было на своем месте и все росло, как и следовало расти. Кое-что она нарисовала неправильно, но это было не так уж важно. Она опустила на высокую траву и стала слушать, как где-то за рекой кукует кукушка.

Когда вода в чайнике закипела, мама уже крепко спала, прислонив голову к своей яблоньке.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Зюйд-вест

Спустились сумерки, и Рыбак почувствовал, что сейчас нахлынут красивые волны. Он вытащил лодку на мыс, перевернул ее вверх килем и крепко привязал удочки. Потом он залез в свой цементный домик, свернулся серым морщинистым клубком и отдался во власть великолепного одиночества.

Изо всех ветров Рыбак больше всего любил зюйд-вест. Он задул днем и не утих к ночи. Это был осенний зюйд-вест, он мог дуть неделями и превращать волны в высокие серые горы, обрушивающиеся на острова.

Рыбак сидел у себя в домике и смотрел, как волны становятся все выше и мощнее. Это было так красиво, так великолепно, что он забыл все на свете. Никто не лез к нему со своими рассказами и вопросами, никто и ничто не досаждали

ему. Одно лишь непостижимое и недоступное величие неба и моря струилось над ним и мимо него. Оно никогда не могло бы его разочаровать.

Было уже почти темно, когда эту гармонию нарушил Муми-тролль, который примчался, скользя лапами по мокрым камням. Он замахал лапой, что-то закричал и стал стучать в окно, вопя, что потерялась его мама. Рыбак усмехнулся и покачал головой. Стекло было слишком толстое.

Муми-тролль побежал искать дальше, ступая по воде прибоя, пересек мыс и углубился в заросли вереска. Ветер дул ему в спину. В эту ночь остров дрожал от страха, его пугали шепоты и крики, и Муми-тролль чувствовал на бегу, как земля шевелится под его лапами.

«Мама потерялась, — думал Муми-тролль. — Она была так одинока, что потерялась».

Малышка Мю сидела нахохлившись.

— Ты заметил? — спросила она. — Камни шевелятся.

— Мне наплевать! — крикнул Муми-тролль. — Мама потерялась!

— Мамы так просто не теряются, — ответила малышка Мю. — Сидит себе где-нибудь в укромном местечке, нужно только хорошенько поискать. Ну, я пошла и сама залезу в укрытие, пока весь остров не начал уползать от меня. Здесь будет жуткая заваруха, попомни мои слова!

Штормовой фонарь остался возле Черного Ока. Муми-тролль бросился туда. Папа обернулся и поднял фонарь.

— Ведь не могла же она оступиться и упасть?..

— Мама умеет плавать, — ответил Муми-тролль.

Они постояли молча, поглядели друг на друга. За маячным холмом шумело море.

— Послушай-ка, — вдруг спросил папа. — А где ты, собственно говоря, обретался последнее время?..

— Да... то там, то здесь, — пробормотал Муми-тролль и отвернулся.

— У меня была масса дел, — неуверенно сказал папа.

Муми-тролль слышал, как на поле ворочались камни, они ударялись друг о друга со странным сухим звуком.

— Пойду поищу в чащобе, — сказал он.

Но как раз в этот момент в окне маяка зажглись две свечи: мама вернулась домой.

Когда они вошли в комнату, мама сидела и чинила полотенце.

— Где ты была? — воскликнул папа.

— Я? — спросила мама с невинным видом. — Я только пошла прогуляться и подышать свежим воздухом.

— Зачем же ты нас так пугаешь? — продолжал папа. — Ты ведь знаешь, мы привыкли к тому, что ты сидишь дома по вечерам.

— Вот это-то и ужасно, — вздохнула мама. — Должно же быть какое-то разнообразие. Мы слишком привыкли друг к другу, каждый день все одно и то же, не правда ли, дорогой?

Папа недоуменно посмотрел на нее, но она только засмеялась и продолжала орудовать ниткой с иглой. Тогда он подошел к календарю, поставил крестик, который означал «пятница», а внизу написал: «Сила ветра 5 баллов».

Муми-троллю показалось, что портрет Морской лошадки изменился. Море побледнело, а луна стала слишком большой. Он сел за стол и тихо-тихо сказал:

— Я живу на полянке в чащобе.

— В самом деле? — спросила мама. — И что, там красиво?

— Очень красиво. Может, ты когда-нибудь заглянешь туда?

— С большим удовольствием, — ответила мама. — Когда ты туда пойдешь?

Муми-тролль быстро поднял голову. Папа углубился в изучение тетради в клеенчатой обложке.

— Сейчас, — прошептал он. — Нынче ночью.

— Вот ка-ак! — удивилась мама. — А не лучше ли было бы пойти завтра днем всем вместе?

— Это не то же самое, — ответил Муми-тролль.

Мама кивнула и продолжала шить.

Но папа записал в своей тетради: «Можно себе представить, что некоторые факты меняются в зависимости от времени суток? Это следует проверить. Изучить поведение моря ночью. Наблюдение: мой остров ночью ведет себя совершенно по-иному, а именно: а) издает странные звуки, б) движется и шевелится».

Папа поднял ручку и помедлил, а потом продолжил: «Возможно ли, чтобы сильное чувство, скажем мое, могло изменить все окружающее? Пример: меня очень волнует Муми-мама. Проверить».

Он прочел все, что написал, и попробовал было придумать еще что-нибудь. Но ничего больше ему в голову не приходило, и он потопал к своей постели.

Прежде чем натянуть одеяло, папа сказал:

— Погасите хорошенько фонарь до того, как ляжете спать. Надо соблюдать осторожность.

— Хорошо, дорогой.

Когда папа заснул, Муми-тролль взял штормовой фонарь и вышел с мамой из дома, освещая ей путь. Мама остановилась в вереске и прислушалась.

— Здесь ночью всегда так? — спросила она.

— По ночам здесь немного тревожно, но ты не обращай внимания. Просто, когда мы спим, остров просыпается.

— Да, — согласилась мама. — Я тоже так думаю.

Муми-тролль полез первый через большой вход. Время от времени он оборачивался и смотрел, не отстала ли мама. Она то и дело застревала в ветках, но мало-помалу они добрались до полянки.

— И здесь ты живешь? — воскликнула мама. — Как тут уютно!

— Листья с потолка еще не облетели, — объяснил Муми-тролль. — А ты посмотрела бы, как красиво здесь было летом!.. Правда, когда свет горит, шалаш похож на пещеру?

— Прямо настоящая пещера, — подтвердила мама. — Надо принести сюда ковер и маленький ящик, чтобы было на чем сидеть... — Она подняла мордочку и поглядела на звезды, плывущие между тучами. — Знаешь, — ска-

зала она, — иногда мне кажется, что остров плывет вместе с нами. Нас куда-то относит...

— Мама, — сказал вдруг Муми-тролль, — я встретил Морских лошадок, но они не обращают на меня внимания. Я только хотел побегать вместе с ними, посмеяться и побегать... Знаешь, они такие красивые...

Мама кивнула.

— Мне думается, вряд ли можно подружиться с Морскими лошадками, — сказала она

серьезно, — но не стоит из-за этого огорчаться. Лучше просто смотреть на них и радоваться, как смотрят на красивых птичек или на природу.

— Может быть, ты и права, — ответил Муми-тролль.

Они прислушались к ветру, пролетавшему над чащобой. Муми-тролль совершенно забыл про Морру.

— Мне тебя нечем здесь угостить, — сказал сын.

— Мы успеем сделать что-нибудь завтра, — утешила его мама. — Можем устроить здесь праздник и пригласить остальных, если хочешь. Приятно было посмотреть, как ты живешь. А теперь пора возвращаться на маяк.

Ветер усилился. Проводив маму домой, Муми-тролль погасил фонарь, чтобы успокоиться. Он прошел по острову спокойно и уверенно. Эту уверенность придали ему темнота, шум моря и слова мамы.

Черное Око лежало в крутых скалистых берегах. Внизу, под обрывами, плескалась вода. Муми-тролль услышал этот плеск, но не остановился, а побрел дальше. Он чувствовал себя легким, как воздушный шарик. Спать совсем не хотелось.

И тут он ее увидел. Морра явилась на остров. Она ползала вокруг маяка, обнюхивая воздух, забралась в вереск, близоруко оглянулась по сторонам и направилась дальше к мшанику.

«Она ищет меня, — подумал Муми-тролль. — Но пусть не волнуется. Из-за нее выгорит слишком много керосина».

Он постоял немного, поглядел на бестолковое блуждание Морры и не почувствовал ничего, кроме благосклонной снисходительности.

— Пусть попляшет завтра, — сказал сам себе Муми-тролль. — Но только не сейчас. Этот вечер я проведу дома.

Он повернулся спиной ко всем, кто был на этом острове, и направился в обход к своей полянке.

Муми-тролль в панике проснулся на восходе солнца. Он был застегнут в спальном мешке и не мог двигаться. Он задыхался во влажной жаре, кто-то крепко держал его, он не мог даже лапой пошевелить. Случилось что-то ужасное. Вокруг царил странный бурый полумрак, и пахло так, как будто он лежал глубоко под землей.

Наконец ему удалось раскрыть молнию спального мешка. На мордочку посыпалась

перемешанная с землей хвоя. Весь мир изменился. Он был покинут всеми, вокруг него ползли и карабкались коричневые корни, они опутали спальный мешок. Лес выгнулся из земли все свои корни и навалился на него, словно он был камнем. Коробок спичек лежал на обычном месте, рядом стояла бутылка с черничным соком. Но полянки не было, и его ходы снова заросли. Вокруг был лишь глухой лес с выкорчеванными, ползущими деревьями. Он тоже пополз, таща за собой спальный мешок, ведь это был отличный спальный мешок, и к тому же подарок.

Но вот он увидел свой штормовой фонарь — тот по-прежнему висел на ветке, но самого дерева не было.

Муми-тролль сел на хвост и стал отчаянно звать на помощь малышку Мю. Она сразу же ответила, послала ему целую цепочку сигналов спасения. Ее голос звучал, как маленькая звонкая труба. Или как дискант буя с колоколом! Муми-тролль пополз на ее голос.

Вот он выбрался на дневной свет, и на него налетел шторм. Муми-тролль поднялся на дрожащих лапах и с величайшим облегчением увидел малышку Мю. Ему даже показалось, что она почти красива.

Несколько кустиков, которые легче вырвать с корнями из земли, лежали уже далеко в вересковой пустоши, непричесанные и растерянные. Мох заполз в землю и превратился в большой зеленый овраг.

— Куда они? — закричал Муми-тролль. — Почему они вырываются из земли?.. Я ничего не понимаю...

— Они боятся, — ответила малышка Мю и взглянула ему прямо в глаза. — Они так боятся, что каждая иголочка стоит дыбом, они испуганы еще больше, чем ты! Дело в том, что здесь бродила Морра.

Муми-тролль почувствовал отвратительную пустоту в желудке и сел на вереск. Вереск, слава Богу, был такой же, как всегда, и цвел, нетронутый. Он решил остаться.

— Да, — задумчиво продолжала малышка Мю. — Большая холодная Морра слонялась здесь и садилась отдыхать... А ты ведь знаешь, что происходит на том месте, где она сидит...

Конечно, он знал. Там ничего не сможет расти. Абсолютно ничего. Ни одна травинка.

— Что ты уставилась на меня? — спросил Муми-тролль.

— Я? Уставилась на тебя? — спросила малышка Мю с невинным видом. — С какой стати? Может, я уставилась на того, кто стоит за тобой!..

Муми-тролль подпрыгнул и обернулся.

— Ха-ха! Я пошутила! — в восторге крикнула малышка Мю. — Чего ты боишься? Разве не забавно, что весь лес ошалел от страха и убегает? Меня это так ужасно забавляет!

Но Муми-тролля это не показалось забавным. Чашоба двигалась к маяку. Деревья

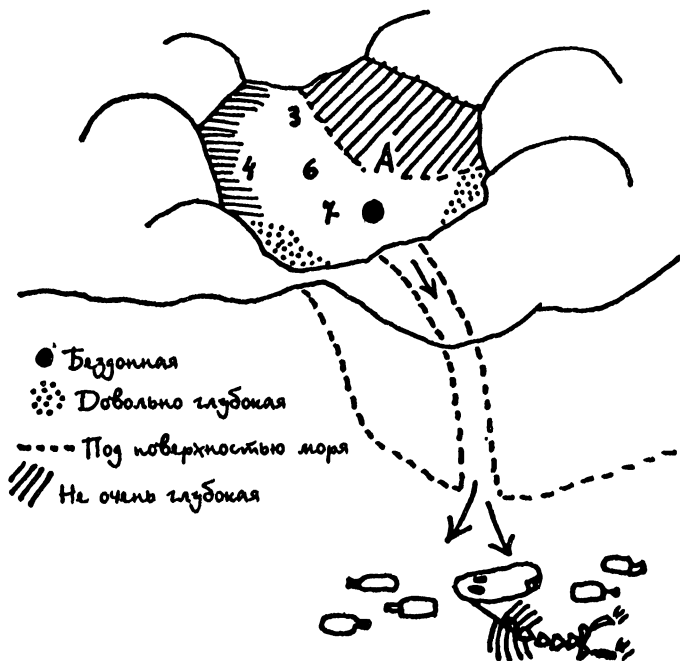
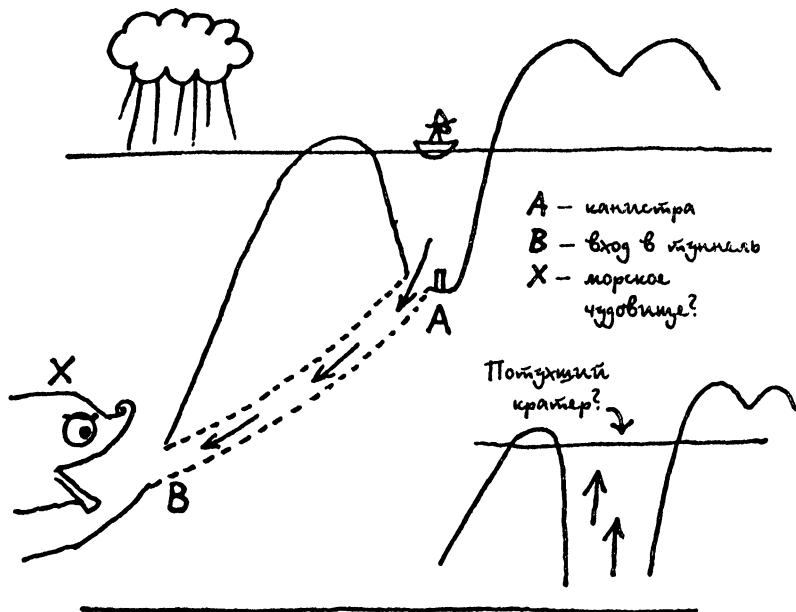
ползли через весь остров к лестнице маяка, каждую ночь они будут к нему все ближе, пока первая ползущая ель не прижмется к двери, требуя, чтобы ее пустили.

— А мы не откроем дверь, — сказал Муми-тролль и взглянул вдруг прямо в глаза малышке Мю. Глаза у нее были веселые, взгляд презрительный, как будто она знала все его тайны.

Но у него почему-то стало легче на душе.

Сразу же после утреннего кофе папа уселся в уединенной камерке Смотрителя маяка и погружился в размышления.

Тетрадь в клеенчатой обложке была почти полностью исписана заметками о море. Теперь папа начал новый раздел: «Изменения моря ночью», подчеркнув заглавие. Он долго смотрел на чистую бумагу, которую ветер пытался вырвать у него из лап. Он вздохнул и стал листать тетрадь назад, к пятой странице, к которой питал особую слабость. Там была изложена его мысль о том, что Черное Око на ужасающей глубине соединяется с морем туннелем (смотри картинку). И, к сожалению, через этот туннель сокровища, виски и скелеты уплывают. Ржавая канистра совершенно случайно застряла у края А. Если кто-то или что-то, кого мы назовем Х, стоял бы внизу, в месте, обозначенном В, подул бы или втянул воду, вода стала бы подниматься и спадать.

Создалось бы впечатление, что озеро дышит. Кто такой X? Скорее всего, морское животное. Однако доказать это невозможно. Ответ на этот вопрос переносился в главу «Гипотезы», которая становилась все длиннее и длиннее.

В главе «Факты» папа констатировал, что на глубине вода холоднее. Это он знал и раньше, в этом можно было убедиться, сунув лапы в воду. Но на этот раз данный факт был подтвержден с помощью фляжки хитроумной конструкции. Когда ее поднимали на поверхность, вода давила на крышку фляжки и закрывала ее. Факт второй: вода тяжелая и соленая. Чем глубже, тем вода тяжелее, но соли больше на поверхности. Доказательство — соляные пятна на отмели. Она очень соленая. А тяжесть воды ощущается при нырянии.

Водоросли прибывает на наветренной стороне, а не на подветренной. Если бросить дощечку во время шторма с маячного холма, ее не прибьет к берегу. Она поплывет вокруг острова, недалеко от берега. Если держать дощечку на уровне горизонта, кажется, будто горизонт закругляется. Во время плохой погоды уровень воды поднимается, но иногда бывает наоборот. Каждая седьмая волна очень высока, но иногда выше всех девятая. А иной раз такой закономерности вовсе нет.

Куда идут широкие круги белопенных бурюнов и откуда они берутся? И почему? Папа пытался уяснить себе причину этих явлений и многое-многое другое, но это было очень слож-

но. Он устал и утратил научное чутье. «У острова нет мостов, — записал он, — нет ограды, чтобы можно было кого-то впускать и выпускать. И это означает, что здесь чувствуешь себя... Хм...» Здесь папа подвел жирную черту и перешел к тоненькому разделу «Факты».

Головокружительная мысль о том, что море не подвластно никаким законам, вновь пришла ему в голову, но он быстро отмел ее. Ему хотелось понять. Он должен был понять море, чтобы любить его и чтобы сохранить уважение к самому себе.

Пока папа сидел и размышлял, мама уходила все дальше и дальше в свой сад. Она нашла массу деталей, которые нужно было исправить. Постепенно она так осмелела, что спряталась за деревья еще до того, как услышала скрип винтовой лестницы. Заметив, что, уходя в стену, она становится не больше кофейника, мама нарисовала в саду много маленьких мам. Это на случай, если ее увидят. Если не двигаться, они вряд ли догадаются, которая из мам настоящая.

— У тебя просто мания величия, — решила малышка Мю. — Рисуешь только себя. Неужели ты не можешь и нас нарисовать?

— Вы живете на острове, — ответила мама.

Она спросила Муми-тролля насчет семейного праздника на лесной полянке, но он что-то промямлил и ускользнул.

«Это Морская лошадка всему виной, — подумала мама. — Да, время идет». И она нарисовала еще одну маленькую маму, которая прохлаждалась под кустом сирени.

Муми-тролль медленно спустился с винтовой лестницы на маячный холм. Больше не было ни полянки, ни Морских лошадок.

Он стоял и смотрел на мамин садик у подножия холма. Все кусты шиповника завяли, потому что им стало вдруг слишком хорошо: вокруг не было ни песка, ни камней — не с кем было бороться. Теперь мама поставила посреди клумбы маленькую ограду, видно, решила огородить что-то особенно красивое. Она сделала новую попытку. Интересно, что бы это могло быть?

Малышка Мю прибежала, запыхавшись, по склону.

— Привет! — воскликнула она. — Угадай, что это такое? Можешь отгадывать до трех раз.

— Скажи сама! — ответил Муми-тролль.

— Яблоко! — объяснила малышка Мю. — Она посадила яблоко. Оно приплыло на берег. Мама говорит, что семечки могут прорасти и будет яблоня.

— Яблоко! — удивился Муми-тролль. — Но ведь яблоня будет расти много лет!

— Ишь ты какой умник выискался! — крикнула малышка Мю и помчалась дальше.

Муми-тролль постоял еще и поглядел на маленькую, искусно сделанную ограду, которая отдаленно напоминала перила на веранде в Долине муми-троллей. Он засмеялся про себя. Смеяться было так приятно. На свете не было никого упрямее мамы. Неужто в самом деле из этого яблока в конце концов вырастет яблоня? Хорошо бы, она будет довольна. А потом он подумал о другом. В общем-то иметь дом приятнее, чем шалаш. Дом, который построишь сам. На окне у него лежали бы красивые круглые камешки.

Лишь ближе к вечеру папа с мамой обнаружили, что лес приблизился к маяку. Больше всех торопилась ольха, она прошла уже полпути. Только то дерево, к которому была

привязана лодка «Приключение», стояло с веревкой на шее, которую оно так натянуло, что чуть не задохнулось. Осинки с облетевшей листвой уже не могли шелестеть от страха. Убежав в вересковую пустошь, они жались друг к другу испуганными стайками.

Деревья были похожи на насекомых, их длинные корни-щупальца хватались за камни, цеплялись за вереск, чтобы противостоять зюйд-весту.

— Что это с ними? — шепотом спросила мама и взглянула на папу. — Зачем это они?

Папа сжал зубами трубку и стал отчаянно искать объяснения. Ведь так неприятно говорить: «Не знаю». Он не мог понять ровно ничего, и это утомило его.

Наконец он сказал:

— Это то, что происходит по ночам... Видишь ли, это ночные изменения.

Мама недоуменно уставилась на него.

— Можно предположить, — нервно продолжал папа, — я имею в виду... в ночном мраке происходят тайные изменения... И если бы мы отправились туда и усугубили все... я имею в виду неразбериху, то она могла бы вырасти до таких размеров, что сохранилась бы к моменту, когда мы просыпаемся...

— О чем это ты, дорогой! — огорченно воскликнула мама.

Папа покраснел, как помидор.

После долгого неловкого молчания Мумитроль пробормотал:

— Они испугались.

— Ты так считаешь? — с благодарностью сказал папа. — Ты что-то сказал...

Он поглядел на взрыхленную землю. Все до одного деревья ушли подальше от моря.

— Теперь я понимаю! — воскликнул папа. — Они боятся моря. Море испугало их. Я чувствовал, что что-то происходит, когда прогуливался ночью...

Он открыл тетрадь в клеенчатой обложке и стал листать ее.

— Вот здесь кое-что из записанного вчера... Подождите-ка. Я должен это осмыслить...

— Ты думаешь, это надолго? — спросила мама.

Но папа уже вышел из дома, уткнув нос в свои записи. Он налетел на куст и исчез за елями.

— Знаешь, мама, — сказал Муми-троль, — я думаю, не стоит беспокоиться. Они побегают немного, а потом воткнут корни куда-нибудь и будут продолжать расти.

— В самом деле? — спросила мама слабым голосом.

— Может быть, они задумали сделать беседку вокруг твоего садика, — продолжал Муми-троль. — Будет красиво: маленькие березки со светло-зелеными листочками...

Мама покачала головой и пошла к маяку.

— Это очень мило, — сказала она. — Но мне кажется, природа ведет себя неестественно. Дома у нас такого никогда не было.

Она решила заглянуть в свой сад, чтобы немного успокоиться.

Муми-тролль освободил ольху от каната «Приключения». Осеннее небо было ясное и прозрачное, но зюйд-вест усилился, и белопенные волны, набегающие на западный мыс, были выше и белее, чем всегда. Муми-тролль побрел в глубь острова и улегся на вересковый ковер. На душе у него было спокойно и даже весело. Наконец-то они заметили Изменения, и это было большим облегчением.

Забывтый шмель ласково трогал цветы вереска. Вереск ничего не боялся, он рос на своем обычном месте! Подумать только, а что, если построить здесь домик для себя? Очень низенький. И положить у порога плоские камни.

Муми-тролль проснулся оттого, что солнце закрыла большая тень. Рядом с ним стоял папа и смотрел на него.

— Ну, как дела? — спросил сын.

— Никак, — ответил папа и сел на вереск. — Эта история с деревьями портит всю картину. Теперь я понимаю море меньше, чем когда-нибудь. Ни в чем нет никакой логики. — Он снял шляпу Смотрителя маяка и стал сворачивать ее, потом снова развернул и разгладил. — Понимаешь, — продолжал папа, — весь смысл в том, чтобы открыть тайные законы моря. Я должен понять море, чтобы полюбить его. Я не буду чувствовать себя хорошо на этом острове, если не полюблю море.

— То же самое можно сказать и про живые существа, — радостно сказал Муми-тролль, он сел и выпрямился. — Я имею в виду — кого можно любить.

— Море все время ведет себя по-разному, — продолжал папа. — То так, то сяк. Нынче ночью оно напугало весь остров. Но почему? Что случилось? В его поведении нет *никакой системы*. А если и есть, то я не могу ее понять.

Он вопросительно посмотрел на сына.

— Я думаю, ты бы понял эту систему, если бы она была, — сказал Муми-тролль.

Он был ужасно польщен тем, что папа говорит с ним о больших, важных проблемах, и пытался изо всех сил понять, о чем идет речь.

— Ты так считаешь? — спросил папа. — Что *никакой системы* у моря вовсе нет?

— Ясное дело, нет, — сказал сын, отчаянно надеясь, что ответил правильно.

Несколько чаек взлетели с мыса и начали с криком кружить над островом. А шум прибора под ними казался дыханием моря.

— Тогда, значит, море живое, — задумчиво сказал папа. — Можно предположить. Оно ведет себя как хочет, и его нельзя понять... Раз лес боится моря, значит, море живое?

Муми-тролль кивнул, горло у него пересохло от волнения.

Папа помолчал немного. Потом встал и сказал:

— Значит, это море дышит в Черном Оке. Это море дергает канат лота. Все ясно... Оно унесло мой волнорез, чтобы подразнить меня, забило тиной мои сети и пыталось украсть нашу лодку...

Он стоял и нахмурившись смотрел в землю, но вдруг мордочка его разгладилась, и он с явным облегчением сказал:

— Тогда мне не надо ничего понимать. Просто у моря неважный характер.

Муми-троль понял, что папа говорит сам себе, и ничего не ответил. Папа пошел в сторону маяка, тетрадь в клеенчатой обложке осталась лежать в вереске.

Морских птиц стало больше. Они летали целыми тучами и кричали, как обезумевшие. Муми-троль никогда не видел разом столько птиц. Там были и маленькие птички — они истерически метались из стороны в сторону, новые стайки вылуплялись из яиц. Муми-троль смотрел на них и понимал, что птицы тоже мчались прочь от холода Морры. Но он им помочь не мог. Впрочем, какое это имело значение. Главное, что папа говорил с ним по-новому, и Муми-троль этим гордился.

Все стояли внизу у маячного холма и тоже смотрели на птиц, наполнивших все небо своим страхом. Внезапно вся стая повернула в сторону моря и мгновенно исчезла. Остался один лишь прибой.

Море сильно шумело, пена, белая как снег, летела на берег. На западный мыс волны набежали, как белые драконы с разинутой пастью.

«Ну теперь-то уж Рыбак доволен», — подумал Муми-тролль.

И вдруг он увидел, как бетонный домик Рыбака опрокинулся. Следующая волна разбила стены.

Рыбак распахнул дверь и, махая руками, помчался сквозь пену волн. Он залез под свою лодку, лежавшую высоко на берегу килем вверх. На мысу не осталось никого, только голые камни да еще железные опоры, торчавшие, как редкие зубы.

«Клянусь своим драгоценным хвостом! — подумал Муми-тролль. — Папа прав, у моря отвратительный характер!»

— Но ведь он насквозь промок! — воскликнула мама. — Может быть, он поранился осколками, когда разбились оконные стекла... Мы должны ему помочь, ведь он остался без крова!

— Пойду погляжу, в чем там дело, — заявил папа. — Я собираюсь защищать свой остров!

— Но ведь весь мыс затоплен, это опасно! — крикнула мама. — Волны могут унести тебя...

Папа побежал за лотом, висевшим под винтовой лестницей. Он был очень взволнован, ему казалось, что голова у него легкая, как облако.

— Не бойся, — сказал он. — Пусть море ведет себя, как ему вздумается, мне до этого дела нет. Я собираюсь защитить всех обитателей этого острова, всех до одного. Теперь я знаю, что мне делать.

Папа пошел вниз по склону. Малышка Мю бежала за ним, прыгая, как блоха, она что-то кричала, но ветер подхватил ее слова и унес прочь. Муми-тролль продолжал стоять в вересковой пустоши и смотрел на мыс Рыбака.

— Ты можешь пойти со мной, — сказал папа. — Пора тебе учиться вступать в борьбу.

Они побежали вниз к затопленному мысу. Малышка Мю прыгала на обеих ногах, хвостик ее волос распустился на ветру и развеивался ореолом вокруг головы.

Папа смотрел на злое море, набрасывавшееся на остров во всем своем величии. Море вздымало белопенные волны, обрушивало их на берег и отсасывало назад, медленно и головокружительно заглатывая. На мыс оно посылало волну за волной с отчаянным грохотом и ничем не скованной свободой. Волны перекатывались через мыс. Папа обвязал живот веревкой и протянул сыну другой ее конец.

— Я вижу, Морра вовсе заморочила тебе голову, — сказал он. — Обвяжись веревкой тоже и иди за мной. Вережка должна быть натянутой. Сейчас мы обманем море. Ну и ветрище, сам видишь — ураган, да и только.

Папа переждал самую высокую волну и пошел по скользким камням к скале, торчавшей неподалеку от берега. Когда следующая волна настигла его, он уже успел миновать эту скалу. Вережка, натянутая между ним и Муми-троллем, легла на нее, море сбilo их с лап, закружило, но веревка выдержала.

Когда волна пронеслась мимо, они заскользили дальше по камням и повторили свой маневр у следующей скалы.

«И как тебе только не стыдно! — с горечью подумал папа о море. — Меру надо знать... Над нами ты можешь издеваться, мы стерпим. Но напасть на Рыбака, этого жалкого ракоотшельника, который обожает тебя, просто возмутительно...»

Налетевший на мыс огромный вал утопил папин гнев.

Он был почти у цели. Вережка у него на животе натянулась. Он уцепился за край скалы всеми четырьмя лапами. Однако новая громада зеленого мрака накрыла его, веревка ослабла, и его смыло в море.

Как только папа смог высунуть мордочку из воды, он начал быстро карабкаться на берег. Лапы у него дрожали. Он стал тянуть сына,

который беспомощно плюхался в воде на подветренной стороне. Они сели на камни рядом, дрожа от холода. На противоположной стороне мыса скакала, как мячик, малышка Мю. Они поняли, что она приветствует их. Папа и Мумитроль посмотрели друг на друга и засмеялись. Они перехитрили море.

— Как дела? — громко спросил папа и сунул мордочку под лодку Рыбака.

Рыбак посмотрел на него ясными голубыми глазами. Он насквозь промок, но не поранился стеклами.

— Как насчет чашечки кофе? — заорал папа, стараясь перекрычать шторм.

— Не знаю, это было так давно... — Голос Рыбака прозвучал, как замирающий писк улетающего комара.

Папе вдруг стало ужасно жаль его. К тому же Рыбак был такой маленький — ему никогда не удастся добраться до дома.

Папа поднялся и посмотрел на Муми-тролля, пожал плечами и сделал мину, означавшую, что, мол, ничего тут не поделаешь. Муми-тролль кивнул.

Оба побрели к оконечности мыса. Ветер прижимал их уши к голове, соленая вода щипала глаза. Время от времени приходилось останавливаться, и тогда они смотрели на пенящиеся волны, что медленно, торжественно вздымались перед ними и снова опускались в море.

— Во всяком случае это отличный враг! — крикнул папа, перекрывая шум прибоя.

Муми-тролль кивнул, он не расслышал слова папы, но понял, что тот имел в виду.

В волнах что-то мелькнуло. Это был ящик. Он плыл с бешеной скоростью вдоль мыса, его несло на подветренную сторону. Он глубоко сидел в воде. Удивительно, как хорошо можно понимать друг друга, не сказав ни слова. Муми-тролль лег на волну, она помчала его туда же, куда и ящик, а на берегу его ждал папа, ухватил веревку обеими лапами.

И вот Муми-тролль завладел ящиком с веревочной ручкой. Папа вытащил его на берег. Это была самая увлекательная и триумфально рискованная игра в жизни Муми-тролля. И он играл в нее вместе с папой. Они выволокли ящик на берег, совершенно целый, большой

красивый иностранный ящик. В нем были бутылки с виски с красной и синей надписью и рисунками на этикетках.

Папа перевел взгляд на море. Он смотрел на свое море с удивлением и восхищением. Волны стали совсем зеленые, а гребни их освещал красный закат.

Рыбаку дали виски для подкрепления и вытащили его на берег. Мама стояла и ждала, перекинув через руку старую одежду Смотрителя маяка. Она нашла ее в нижнем ящике комода.

— Эти брюки мне не нравятся, —

сказал, стуча зубами, Рыбак. —

Они страшные.

— Ступай спрячься за камень и надень их, — решительно сказала мама. — Какая разница, красивые брюки или нет. Они теплые,

их носил честный Смотритель маяка, которому нечего было стыдиться. Правда, он был очень печальный.

Она повесила одежду на руку Рыбаку и отвела его за камень.

— Мы нашли целый ящик виски, — сообщил ей Муми-тролль.

— Прекрасно! — воскликнула мама. — Тогда нам придется устроить пикник.

— Вечно ты со своими пикниками! — засмеялся папа.

Наконец Рыбак вышел из-за камня в парусиновой куртке и сильно поношенных брюках.

— Ты только погляди, они как на тебя сшиты! — воскликнула мама. — А теперь пойдем домой пить кофе.

Папа обратил внимание на то, что мама впервые сказала «домой», а не «на маяк».

— Нет, нет! — крикнул Рыбак. — Только не туда!

Он с ужасом уставился на свои брюки и со всех ног помчался в глубь острова. Они увидели, как он исчез в ползущем лесу.

— Отнеси ему термос, — сказала мама сыну. — Вы хорошенько вытащили этот ящик?

— Не волнуйся, — ответил папа. — Это подарок моря. Подарки назад не забирают.

В этот вечер они пили чай немного раньше. Потом достали мозаику в картонной коробке, а мама сняла с кухонной полки коробку с caramels.

— Можете взять по пять конфеток, — сказала она. — Сегодня необычный день. Не знаю, ест ли Рыбак конфеты....

— Знаешь, когда ты приносила эти карамельки мне на холм, я ел их с отвращением.

— Почему? — удивилась мама. — Ведь ты любишь полосатые карамельки.

— Ха! — сказал папа и смущенно засмеялся. — Это, верно, связано с моими исследованиями, не давшими результатов.

— Ты был обескуражен, — вмешалась малышка Мю. — А можно считать две карамельки за одну, если они слиплись? Так теперь ты решил наплевать на это море?

— Вовсе нет! — воскликнул папа. — Разве мне наплевать на тебя, хотя я и не понимаю, почему ты так глупо себя ведешь?

Все засмеялись.

— Понимаете, — наклонившись, сказал папа, — море — это большое существо, иногда у него хорошее настроение, иногда плохое. Мы видим только его поверхность. Ведь, если мы любим море, это не имеет значения...

— Так ты теперь любишь море? — робко спросил Муми-тролль.

— Я всегда любил море, — раздраженно ответил папа. — Все мы любим море. Потому мы и приехали сюда, разве нет?

Он взглянул на маму.

— Конечно, — ответила мама. — Посмотрите, вот я нашла частичку, которая подходит к этому месту.

Она с интересом наклонилась над мозаикой.

— Получается большая серая птица! — воскликнула малышка Мю. — А вот головка другой птицы, белой. Она улетает прочь с такой быстротой, будто ей подожгли хвост!

Теперь они поняли, в чем дело, и быстро сложили четырех птиц. Спустились сумерки, и мама зажгла штормовой фонарь.

— Вы будете сегодня спать на маяке? — спросила она.

— Нет, — ответила малышка Мю. — На месте наших домов теперь заросли.

— Я собираюсь построить настоящий дом, — заявил Муми-тролль. — А после вы как-нибудь навестите меня.

Мама кивнула. Она стояла и смотрела на угасающий огонь в плите.

— Погляди, что там с лесом, — сказала она папе Муми-тролля.

Он подошел к окну и растворил его, а немного погодя сообщил:

— Трудно сказать, двигаются ли деревья. Ветер не утихает. Баллов восемь.

Он закрыл окно и вернулся к столу.

— Они начинают двигаться поздно ночью, — объяснила Мю с горящими глазами. — Ползут, со стонами тащатся по камням, по склону, ясно?

— Я не думаю, что они попытаются залезть к нам! — воскликнул Муми-тролль.

— Ясное дело, попытаются! — таинственно, почти шепотом возразила Мю. — Разве вы не слышали, как камни стучат в ворота? Они катятся со всех сторон, на лестнице будет давка... А деревья подползут к самому маяку вплотную, будут карабкаться корнями по стенам, заглядывать в окна. В комнате станет темно...

— Нет! — крикнула мама, закрыв лицо лапами. — Милая, дорогая Мю, ты это все выдумала.

— Спокойно, — вмешался папа, — для волнения нет никаких причин. Если несколько несчастных кустов боятся моря, хуже будет только им самим. Я решу эту проблему.

Сумерки сменила тьма, но никто не лег спать. Они сложили в мозаике еще три птицы. Папа сосредоточенно делал чертеж кухонного шкафа.

За окнами бушевал шторм, и из-за этого комната на маяке сделалась еще уютнее и надежнее.

Несколько раз кто-то вспомнил про Рыбака, кто-то высказал надежду, что он нашел термос и выпил кофе.

Муми-тролль разволновался: настало время спуститься к Морре. Он обещал ей, что этой

ночью она сможет потанцевать. Он помрачнел и сидел молча.

Малышка Мю взглянула на него блестящими, как ягоды терновника, глазами.

— Ты забыл на берегу веревку, — вдруг сказала она.

— Вербку? — удивился Муми-троль. — Но ведь я взял ее...

Мю сильно толкнула его под столом. Он поднялся и с глупым видом заявил:

— Да, да, конечно, надо сходить за ней. Если вода поднимется, она уплывет...

— Иди осторожно, — велела мама, — повсюду торчат корни, а у нас только одно ламповое стекло. И посмотри, пожалуйста, не найдешь ли папину диссертацию.

Прежде чем закрыть за собой дверь, Муми-троль взглянул на малышку Мю. Но она сидела, подыскивая частички мозаики, и беспечно посвистывала.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Смотритель маяка

Всю ночь остров блуждал. Мыс Рыбака незаметно продвинулся дальше в море.

Горные кряжи содрогались, а Черное Око заползло глубже в скалы, и шквалы продолжали обрушиваться на мыс блестящим зеленым водопадом. Но Черное Око не заполнялось водой. Вода опускалась ниже, теперь темный зеркальный глаз в обрамлении ресниц из морской травы смотрел из глубины земли.

На подветренной стороне бегали по берегу полевки и лесные мыши, песок под их лапками съеживался в страхе. Камни тяжело переворачивались, обнажая белые корни дикого овса.

На рассвете остров заснул. К этому времени деревья успели доползти до маячного холма. Каменистое поле превратилось в глубокую яму, на вересковой пустоши были повсюду разбросаны круглые серые валуны. Они

ждали следующей ночи, чтобы катиться дальше к маяку. Мощный осенний шторм продолжал бушевать.

В семь утра папа отправился поглядеть на лодку. Уровень воды снова поднялся, неутомимый зюйд-вест будоражил море все сильнее. И тут на палубе «Приключения» он увидел Рыбака, который лежал, свернувшись клубком, и играл мелкими камешками. Он глянул на папу из-под чуба, но не поздоровался. А «Приключение» покачивалась на воде, не пришвартованная.

— Разве ты не видишь, что лодка, того и гляди, отчалит? — спросил папа. — Она бьется о камни. Ты только погляди! Нет, надо же! Вылезай-ка и помоги мне вытащить ее на берег!

Рыбак спустил ноги в помятых брюках с борта лодки и прыгнул на песок. Глаза его были на этот раз приветливы.

— Я не сделал ничего плохого, — пробормотал он.

— И хорошего тоже, — добавил папа.

Гнев прибавил ему силы, он один вытащил лодку на берег.

Потом он уселся на песок, чтобы отдыхать. Вернее, на остатки песка. Видно, злое море решило разрушить и песчаный берег, каждую ночь унося часть песка. Папа сердито посмотрел на Рыбака и спросил, нашел ли тот кофе.

Но Рыбак только улыбнулся в ответ.

— Ты какой-то странный, — сказал папа. — Словно ты не личность, а какое-то растение или тень. Словно ты вовсе и не родился.

— Я родился, — быстро ответил Рыбак. — Завтра мой день рождения.

Папа до того удивился, что начал хохотать.

— Вот как, — сказал он. — Это ты помнишь. Так у тебя есть день рождения? Подумать только! И сколько же лет тебе исполнится?

Но Рыбак повернулся к нему спиной и медленно побрел вдоль берега.

Папа пошел назад на маяк, глубоко опечаленный судьбой своего острова. На месте, где рос лес, образовались глубокие ямы, а на вересковой пустоши пролегали глубокие борозды — их оставили деревья, двигаясь к маячному холму и громоздясь друг на друга, как огромные растрепанные клубки страха.

«Что я должен делать? Как мне успокоить остров? — размышлял папа. — Не годится, чтобы море и остров враждовали, они должны помириться».

Папа остановился. Что-то случилось с маячным холмом. Вот опять... Очень слабое движение, скала сжалась, съежилась, как кожа. Несколько камней покатилося на вереск. Остров проснулся.

Папа прислушался. От напряжения у него похолодел затылок. Послышался очень слабый стук, и он почувствовал его всем телом. Он раздавался повсюду, даже в земле.

Папа лег на вереск и прижал ухо к земле. И тут он услышал, как бьется сердце острова. Где-то под чертой прибоя, глубоко в земле, глухо, мягко и ровно билось сердце.

«Остров живой, — подумал папа. — Мой остров такой же живой, как деревья и море. Все здесь живое».

Он медленно поднялся.

Лохматая ель медленно ползла по вереску, как зеленый кольшущийся ковер. Папа дал ей дорогу, постоял и почувствовал, что мерзнет. Он *видел*, что остров живой, что он скорчился на темном дне моря и дрожит, вне себя от страха перед морем. Страх опасен, он может внезапно вскочить, может растянуться во всю длину или колотить наотмашь. И кто тогда защитит маленькие беспомощные создания, которые случайно окажутся поблизости? Папа бросился бежать.

Вернувшись домой, он повесил лампу на гвоздь.

— Что случилось? — спросила мама. — Лодка?..

— Я вытащил ее на берег, — ответил папа.

Семья продолжала смотреть на него.

— Завтра день рождения Рыбака, — сообщил он.

— Что ты говоришь! — воскликнула мама. — Это потому у тебя такой странный вид? Но тогда мы непременно должны устроить ему праздник. Подумай, даже у Рыбака есть день рождения!

— Для него легко подобрать подарок, — решила малышка Мю. — Маленькие пакеты водорослей! Клочок мха! Или мокрое пятно, правда?

— Какая ты злая, — упрекнула ее мама.

— Но ведь это правда! — крикнула малышка Мю.

Папа стоял у западного окна и смотрел на остров. Он слышал, как семья обсуждала две проблемы: как заманить Рыбака на маяк и как перетащить ящик виски с мыса. Но сам папа не мог думать ни о чем, кроме испуганного сердца острова, которое билось глубоко в земле.

Он должен поговорить об этом с морем.

Папа пошел и сел в каморку Смотрителя маяка. Он плыл, как фигура галеона на штевне своего острова.

Это был настоящий большой шторм, которого он ждал. Но тот оказался не таким, как папа его представлял. Вместо белоснежных жемчужных брызг и восьмибального ветра бешеная

пена, несущаяся серым дымом над водой, море, взбудораженное, взбаламученное, искаженное морщинами, как разгневанное лицо.

Папа тут же отключился, сегодня это ему не составляло труда. Мысленно он разговаривал с морем так же свободно, как его предки.

«Ты слишком большое, чтобы нарочно пугать нас. Это недостойно. Неужели для тебя важно испугать маленький жалкий остров, который все же готов постоять за себя? Тебе бы радоваться надо, что он осмелился залечь так далеко. С кем бы ты иначе смог себя сравнить? Как бы ты мог развлекаться без прибоя? Подумай об этом! Здесь растет маленький хохолок леса, все деревья искривлены и корявы по твоей милости, немного бесплодной земли, которую ты все время сдуваешь, да горсточка крошечных скал, которые ты стачиваешь до основания. И у тебя хватает совести еще и пугать их!»

Папа наклонился и строго уставился на взбесившееся море.

«Одно ты только не учиываешь, — продолжал он, — тебе следовало бы беречь этот остров, защищать и утешать его, а не устраивать такие спектакли! Ясно тебе?»

Папа прислушался к шторму, но море не пожелало ответить ему.

«Ты пыталось запугать нас, но все твои козни ни к чему не привели. Мы выдержали твой натиск. Я пытался понять тебя, и тебе

это не понравилось. Мы продолжали строить. Да, между прочим, справедливости ради я должен сказать, что ты поступило благородно, послав нам ящик виски. Я понял, что ты имело в виду. Ты умеешь признавать собственное

поражение. Но в отместку наброситься на остров — подло и мелочно. Я все это говорю только потому, или почти исключительно потому, что люблю тебя».

Папа замолчал, он очень устал. Облокотившись на скалу, он стал ждать.

Море ничего не сказала в ответ. Но он вдруг увидел блестящую двухдюймовую доску, плывущую к волнорезу.

Папа стал напряженно следить за ней.

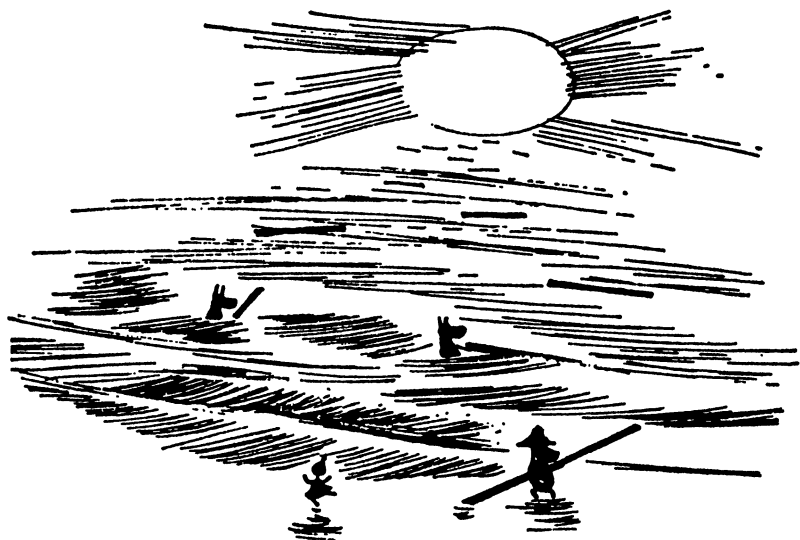
Вот показалась еще одна доска. И еще одна. И еще. Целый воз. Кто-то выбросил в море доски, чтобы уменьшить груз на судне.

Папа вскочил и побежал на холм. Он бежал и смеялся. Море хотело, чтобы они продолжали стройку на острове, хотело помочь им, чтобы они остались здесь, выжили, чтобы им было здесь уютно. Несмотря на то что они заперты здесь, отрезаны от мира этим огромным, неизменным морским горизонтом.

— Выходите! Выходите! — закричал папа возле винтовой лестницы. — Доски! Целый груз досок плывет! Скорее! Нужно собрать их!

Вся семья высыпала на берег.

И вот доски приплыли. Их выбросило на подветренную сторону, и они лежали, слегка колыхаясь на мертвой зыби, тяжелые, неуклюжие, готовые в любую минуту уплыть, чтобы облагодетельствовать другие берега. Нужно было действовать быстро, Морра их побереи. Они не знали, что вода холодна, и с разбега бро-

сились в море. Может, у них в роду был когда-нибудь морской разбойник, и, почуяв незаконную добычу, он теперь вселил дух жадности в своих потомков. Им это было на пользу, потому что печаль острова и одиночество моря так долго угнетали их. А теперь, позабыв про все это, они с восторгом таскали доски и складывали их в штабель на берегу. Таскали и складывали... Они весело перекликались, стараясь перекрыть шторм, чтобы показать, на что они способны.

А над объатым штормом островом чистое небо светило звездами.

Нелегкая, но увлекательная работа — вытаскивать двухдюймовые доски на сушу, они непослушные и тяжелые. Такая доска, мчась

по волнам, как таран, может сломать лапу. Тут она очень опасна.

Но потом, лежащая на берегу, где море не может ее достать, она настоящее сокровище, в особенности потому, что добыта разбоем. Блестящая, теплого цвета от старой смолы, тяжелая, великолепная, с клеймом владельца на конце. Посмотришь на нее с гордостью завоевателя и сразу подумаешь о трехдюймовом гвозде, о том, как он поет, когда его забиваешь в доску.

— Сейчас точно не меньше девяти баллов! — крикнул папа. Он глубоко вздохнул и поглядел на море. — Это хорошо. Теперь мы выяснили отношения.

Когда все до одной доски были уложены за чертой прибоя, семья отправилась варить уху. Над подветренным берегом, как какая-то живая сила, летал шторм. Малышка Мю едва держалась на ногах.

По дороге домой мама остановилась возле своего садика, куда приползло много испуганных маленьких елочек. Она встала на колени и заглянула под ветки елочек.

— Что, яблонька уже взошла? — спросил Муми-тролль.

— Ты что, думаешь, я вовсе спятила? — засмеялась мама. — Она будет похожа на деревце лет через десять. Я просто решила подбодрить ее немного. — Она пожалела свои погибшие кусты шиповника и подумала, что

глупо было их пересаживать. Но ведь их осталось еще так много, они растут на этом острове повсюду. Может, дикая природа красивее сада?

Папа втащил несколько досок в комнату маяка и достал ящик с инструментами.

— Я знаю, что дерево усыхает. Но мне некогда ждать. Ничего, если в кухонных полках будут щели?

— Это совершенно неважно, — ответила мама. — Забивай гвозди, нужно спешить, пока есть охота.

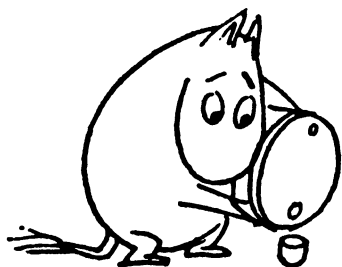
В этот день она не рисовала, а приготавливала колышки для цветов, приводила в порядок ящики комода, в том числе и ящик Смотрителя маяка. Муми-троль делал чертеж. Он не знал точно, как должен выглядеть его домик. От химического карандаша остался один огрызок, но Муми-троль предчувствовал, что папино море выбросит на берег новый, когда понадобится.

К вечеру они немного устали и больше молчали — это была мирная тишина. Море мерно грохотало, небо было чистое, вымытое добела. Малышка Мю заснула на плите.

Мама бросила на них быстрый взгляд и подошла к своей росписи на стене. Она прижала лапы к стволу яблоньки. Но ничего не случилось. Это была просто стена, обыкновенная оштукатуренная стена.

«Я только хотела узнать, — подумала мама. — И так и есть! Конечно, я не смогу больше войти туда. Ведь я больше не тоскую по дому».

В сумерках Муми-тролль вышел наполнить штормовой фонарь. Канистра с керосином была под винтовой лестницей рядом с рваной сетью. Муми-тролль взял канистру, снял пробку, наклонил ее, и она гулко звякнула.

Он подождал, потряс ее, потом поставил банку с керосином и уставился в землю. Керосина больше не было. Он кончился. Фонарь горел каждый вечер на маяке и каждую ночь для Морры. Кроме того, малышка Мю вылила несколько литров на муравьев. Все ясно. Но что ему теперь делать? Что скажет Морра? Муми-тролль просто не в силах был думать о том, как сильно она будет разочарована. Он сел на ступеньку и уронил мордочку на лапы.

У него было такое чувство, будто он обманул товарища.

— А ты уверен, что керосина в фонаре не осталось? — спросила мама.

Они уже закончили пить чай, за окнами темнело.

— Не осталось ни капельки, — жалобно ответил Муми-тролль.

— Наверное, он течет, — сказал папа. — Видно, проржавел. Не может быть, чтобы мы сожгли столько керосина.

Мама вздохнула.

— Придется обходиться светом от огня в плите. У нас осталось всего три свечи, и мы зажжем их на праздничном торте в день рождения.

Она подкинула дров в плиту и оставила дверцу открытой. Дрова весело горели, потрескивая, семья, подтащив ящики к плите, уселась полукругом у огня. Время от времени через дымоход долетал вой шторма, звучащий как мрачная и одинокая музыка.

— Я думаю о том, — сказала мама, — что творится за окнами...

— Это я могу сказать тебе, — ответил папа. — Остров ложится спать. Я обещал тебе, что он ляжет спать и заснет примерно тогда же, когда и мы.

Мама тихонько засмеялась, а потом задумчиво сказала:

— Знаете, вот мы живем здесь, а меня не покидает чувство, что мы на увеселительной прогулке. Я хочу сказать: все непривычно. Будто у нас каждый день — воскресенье. А у вас нет такого ощущения?

Остальные молчали.

— Понимаете, нельзя же без конца гулять, — неуверенно продолжала мама. — Прогулка должна когда-то закончиться. Я боюсь, что вдруг почувствую, будто снова наступил понедельник. И мне вряд ли покажется это правильным...

Она замолчала и неуверенно посмотрела на папу.

— Ну конечно, все это так. Разве плохо, когда каждый день — воскресенье? Вот это-то мы и потеряли.

— О чем ты говоришь? — спросила малышка Мю.

Муми-тролль вытянул лапы. По всему телу у него пробежали мурашки. Он мог думать только о Морре.

— Я, пожалуй, ненадолго выйду, — сказал он.

Все посмотрели на него.

— Да, хочу подышать свежим воздухом, — нетерпеливо добавил он. — Надоело сидеть здесь и заниматься болтовней, хочу поразмяться.

— Послушай-ка, — начал папа, но мама перебила его.

— Иди, иди, — сказала она.

— Что это с ним? — удивленно спросил папа, когда Муми-тролль ушел.

— У него лапы занемели, — ответила мама. — Он и сам не знает. Ты думаешь, он все еще маленький.

— Так он и есть маленький, — удивился папа. — Разумеется, маленький.

Мама засмеялась и пошевелила кочергой дрова. Сидеть при этом огне было гораздо приятнее, чем при свечах.

Морра сидела и ждала на песчаном берегу. Муми-тролль пошел ей навстречу без фонаря. Он остановился возле лодки и поглядел на нее. Он ничего не мог сделать.

Одинокое сердце острова билось глубоко в земле, ночь была полна превращений и перемен. Он слышал камни и деревья, слышал, как они с шепотом и стонами двигались вверх по склону, и тоже ничем не мог помочь.

И вдруг Морра запела. Она затянула свою веселую песню, раскачиваясь взад-вперед. Юбки ее развевались, она кружилась, топая по песку, изо всех сил стараясь показать, что она рада его приходу.

Муми-тролль шагнул вперед. Он был ужасно удивлен. Сомневаться не приходилось — Морра была рада видеть его. Ей было наплевать на штормовой фонарь. Она радовалась, что Муми-тролль пришел встретиться с ней.

Она танцевала, а он стоял как вкопанный. Потом она побрела прочь вдоль берега. Когда она исчезла, он опустился на песок и потрогал его. Песок был такой же, как всегда, не заледенел и не съезжился. Он прислушался, но услышал лишь шум прибоя, казалось, остров заснул, внезапно погрузился в глубокий сон.

Муми-тролль пошел домой. Все уже легли спать, в плите догорали угольки. Он залез в постель и свернулся клубком, готовясь заснуть.

— Что она сказала? — шепотом спросила Мю.

— Она была рада, — прошептал Муми-тролль в ответ. — Она даже не заметила, что я пришел без фонаря.

Утром в день рождения Рыбака небо было по-прежнему чистое, а зюйд-вест несколько не утих.

— Проснись! — сказал папа. — Все опять хорошо.

Мама высунула мордочку из-под одеяла.

— Я знаю, — ответила она.

— И ничего ты не знаешь! — с гордостью воскликнул папа. — Остров успокоился, он избавился от страха! Кусты отправились по домам, и деревья спешаают за ними изо всех сил. Что ты на это скажешь?

— Подумать только! Это прекрасно, — сказала мама и села в постели. — Знаешь, было бы ужасно неудобно праздновать день рождения, ко-

гда деревья наступают на ноги. И подумай только, сколько мусора они бы сюда притащили... — Она подумала немного и добавила: — Интересно, они торопятся возвратиться на старые места или ищут новые? Как только они определятся, я положу им понемножку водорослей к корням.

— До чего же с вами скучно! — жалобно воскликнула малышка Мю. Она стояла у окна с разочарованным видом. — Все опять будет как всегда... А я была так уверена, что остров потонет или уплывет, а может, даже улетит! А тут... никаких настоящих перемен!..

Она с упреком поглядела на Муми-тролля, а он засмеялся.

— Ну и ну, — сказал он. — Не каждый может заставить весь лес вернуться на свои места!

— Вот-вот! — подхватил папа с восторгом. — Не каждый способен на это. А еще важнее уметь молчать об этом после!

— Я смотрю, у некоторых отличное настроение, — сказала малышка Мю. — Лучше бы позаботились притащить ящик виски.

Папа и Муми-тролль бросились к окну. Ящик по-прежнему стоял на мысу. Но мыс сдвинулся довольно далеко в море.

— Я не буду пить кофе, — торопливо сказал папа и надел шляпу. — Я должен спуститься и поглядеть на уровень воды.

— Будь добр, поищи заодно и Рыбака, — сказала мама. — Нужно заблаговременно пригласить его.

— Да, найди его обязательно! — крикнула вдогонку папе малышка Мю. — А то вдруг он занят сегодня вечером!

Но Рыбак исчез. Быть может, он спрятался в чащобе. Сидел себе тихонько и думал про свой день рождения.

Торт был готов. Он стоял на столе, украшенный тремя свечами. Они повесили под потолком гирлянды из кистей рябины и веток можжевельника, а малышка Мю принесла большой растрепанный букет красного шиповника.

— Что это ты так притих? — спросила она Муми-тролля.

— Да я просто думаю... — ответил он, выкладывая маленькие белые камушки вокруг торта.

— Что ты сделал, чтобы согреть ее? — с любопытством спросила Мю. — Я была на берегу поздно ночью. Песок был не холодный.

— Сам не знаю, — ответил Муми-тролль и покраснел. — Не говори об этом никому.

— Ха! Что я, сплетница, что ли! — возмутилась малышка Мю. — Мне вовсе нет дела до чужих секретов, зачем мне болтать о них! Между прочим, рано или поздно они сами себя выдадут. На этом острове много тайн, не сомневайся! И я их все знаю!

Она ехидно засмеялась и убежала.

Папа, отдуваясь, поднялся по лестнице с охапкой дров.

— Твоя мама не умеет обращаться с топором, — сказал он. — А пилит хорошо. Я, пожалуй, расширю деревянную площадку, чтобы мы могли работать одновременно.

Он швырнул дрова на пол перед плитой и спросил:

— Как ты думаешь, может, мне подарить Рыбаку мою старую черную шляпу? Я, пожалуй, не буду больше носить цилиндр.

— Подари, — согласился Муми-тролль. — Ведь у тебя есть та, что тебе оставил Смотритель маяка.

Папа кивнул и пошел в фонарную башню, чтобы поискать оберточную бумагу. Он поднял пустой ящик с газового баллона и застыл. Он увидел на стене стихотворение, которого раньше не замечал. Похожие на паучки буквы с большими промежутками — знакомый почерк Смотрителя маяка — красовались на стене. Папа прочитал:

*Сегодня третье октября,
день моего рожденья.*

*Но не придут мои друзья
ко мне на угощенье.*

*Один зюйд-вест меня поздравил
и снова дождик лить заставил.*

«Так ведь это сегодня, — удивился папа. — Стало бытъ, у Смотрителя маяка сегодня тоже день рожденья... Странно, однако!»

Он взял бумагу и спустился по железной лестнице.

Семья обсуждала, как заманить Рыбака на маяк.

— Он ни за что не придет, — сообщила малышка Мю. — Он боится маяка. Он обходит его стороной.

— А не можем мы его чем-нибудь заманить? Сделать что-нибудь приятное? Может, спеть для него что-нибудь?

— Ха! Этого только не хватало! Тогда уж он точно удерет, — заявила малышка Мю.

Мама поднялась и решительно зашагала к двери.

— Нет, знаете что, — сказала она, — я пойду и приглашу этого несчастного отшельника на старинный торжественный манер. Пусть малышка Мю вытащит его из чащобы!

Когда они пришли, Рыбак сидел у опушки чащобы. В волосы он воткнул анютины глазки. Он сразу же поднялся и с надеждой посмотрел на них.

— Имею честь поздравить, — сказала мама и сделала книксен.

Рыбак с серьезным видом наклонил голову.

— Вы первые пришли меня поздравить. Весьма польщен.

— Мы устроили для вас небольшой праздник на маяке.

— На маяке? — спросил Рыбак, лицо у него вытянулось. — Туда идти я не хочу.

— Послушайте меня, — спокойно сказала мама, — вам не придется даже смотреть на маяк. Зажмурьтесь хорошенько и дайте мне лапу. Мю, беги вперед и поставь кофейник на огонь. Да зажги свечи.

Рыбак зажмурился и подал руку. Мама взяла ее и осторожно пошла с Рыбаком по вересковой пустоши к маяку.

— Здесь нужно подняться по высокой лестнице, — сказала она.

— Я знаю, — ответил Рыбак.

Когда дверь заскрипела, он присел и не захотел идти дальше.

— Мы испекли торт и комнату украсили, — стала уговаривать его мама. — Подарки приготовили.

Она перевела его через порог, и они начали медленно подниматься по винтовой лестнице. Снаружи бушевал зюйд-вест, время от времени он с воем врывался в разбитое окно. Мама почувствовала, как дрожит лапа Рыбака, и сказала:

— Здесь не опасно. Пусть себе воет. Мы сейчас уже придем.

Она открыла дверь в комнату маяка и крикнула:

— Теперь можете открыть глаза!

Рыбак открыл глаза. Сумерки еще не спустились, но свечи уже были зажжены. Праздничный стол был очень нарядный: накрыт белой

скатертью и украшен по краям зелеными веточками. Семья выстроилась вокруг стола и ждала.

Рыбак поглядел на торт.

— У нас только три свечи, — извинилась мама. — Сколько вам лет?

— Я забыл, — пробормотал Рыбак.

Взгляд его пугливо метался от окна к окну, к люку в потолке...

— Имеем честь пригласить вас, — сказал папа, — садитесь, пожалуйста.

Но Рыбак не сел, он попятился к двери.

— Садись, как полагается в приличном обществе, тебе говорят! — со злостью завопила вдруг Мю.

Рыбак так испугался, что бросился к столу и сел. Не успел он опомниться, как мама налила ему кофе, а кто-то схватил шляпу и надел на его косматую голову.

Рыбак сидел не двигаясь и пытался разглядеть шляпу снизу. Но кофе он не стал пить.

— Попробуйте водорослей, — сказала мама и дала ему подарок, завернутый в красные листья.

— Ешьте их сами, — вежливо сказал Рыбак, и вся семья засмеялась тому, что он не нашел сказать ничего лучшего. Тут обстановка разрядилась, они оставили его в покое и начали непринужденно болтать о шторме, об острове, который помирился с морем и заснул. По-немножку Рыбак пришел в себя, попробовал

кофе и скорчил кислую гримасу, положил в чашку восемь кусков сахара и залпом выпил.

Потом он развернул пакет Муми-тролля. Там были подарки, которые Морская лошадка оставила на берегу: кусочки стекла, камушки, четыре медных грузила. Рыбак долго смотрел на грузила и наконец сказал:

— Ха!

Потом раскрыл последний пакет, достал оттуда раковину с надписью «На память о западном побережье» и сказал:

— Ха-ха!

— Это была самая красивая раковина, — объяснила мама. — Море выбросило ее на песок.

— Вот как! — Рыбак посмотрел на нижний ящик комода. Семья уставилась на него с интересом, весьма удивленная, что он не поблагодарил их за подарки.

Темнело. Только маленькое пятнышко заката дрожало на стене над маминой яблонькой. Три свечи продолжали ровно гореть.

Рыбак заметил на комоде птичье гнездо.

— Оно должно лежать на решетке трубы, — строго сказал он. — Оно лежало там много лет.

— Мы думали повесить его за окном, — начала было оправдываться мама. — Но не успели сделать полочку...

Рыбак подошел к комоду и поглядел на свое отражение в зеркале. Он взглянул на шляпу Муми-папы, потом пристально посмотрел на свою ничего не выражающую физиономию. Затем он перевел взгляд на деревянную мозаику, лежащую на картоне, взял один кусочек и приложил его к нужному месту, потом очень быстро стал складывать еще и еще. Вся семья собралась у него за спиной и наблюдала.

Рисунок был готов. Птицы и маяк. Птицы летели прямо на свет маяка. Рыбак повернулся и посмотрел на папу.

— Теперь я вспомнил, — сказал он. — Мы перепутали шляпы.

Он снял со своей головы шляпу и протянул ее папе. Оба господина молча обменялись шляпами.

Смотритель маяка вернулся домой.

Он застегнул парусиновый пиджак и подтянул брюки. Потом снова сел за стол и спросил, нет ли еще кофе.

Мама ринулась к плите.

Они сидели за столом, но разговор не клеился. Смотритель маяка ел торт, а семья с робостью смотрела на него.

— Я тут кое-что нарисовала, — робко заметила мама.

— Вижу, — ответил Смотритель маяка. — Континентальный пейзаж. Приятно для разнообразия. И хорошо нарисовано. А что будет на другой половине стены?

— Я хотела нарисовать карту острова и отметить все отмели, а может, и указать глубину, мой муж очень хорошо меряет глубину моря.

Смотритель маяка одобрительно кивнул. Папа обрадовался, но по-прежнему не промолвил ни словечка.

Блестящие глаза малышки Мю смотрели то на одного, то на другого. Все это ее ужасно забавляло. Похоже было, что она вот-вот ляпнет что-нибудь не к месту. Но она промолчала.

Две свечи догорели, и стеарин стек на торт. За окнами было темно, шторм продолжал бушевать над островом. Но в комнате маяка царили мир и покой, какие редко бывали у них на праздниках.

В голове у Муми-тролля мелькнула мысль о Морре, но сейчас она не испугала его. Они смогут встретиться позднее, в любое время. Спешить не обязательно. Он понимал — Морра не боится, что он ее обманет.

Наконец папа решил высказаться.

— Послушай-ка, — обратился он к Смотрителю маяка. — У меня есть ящик виски, он стоит на твоём мысу. Как ты думаешь, скоро ветер утихнет?

— Ха! — ответил Смотритель маяка. — Ведь ты знаешь, когда зюйд-вест разыграется, он может дуть неделями. Пусть лучше ящик там стоит, ничего с ним не сделается.

— Я собираюсь выйти поглядеть, что там с погодой, — сказал папа, набивая трубку. — Как ты думаешь, лодка в надёжном месте?

— Вполне. Нынче новолуние, и вода вряд ли будет прибывать, — ответил Смотритель маяка.

Третья свеча догорела, и теперь только огонь в плите бросал на пол светлое пятно.

— Я выстирала простыни, — сообщила мама. — Хотя они были довольно чистые. Ваша кровать стоит на прежнем месте.

— Спасибо, спасибо, — сказал Смотритель маяка и поднялся из-за стола, — да только я, пожалуй, буду спать в эту ночь наверху.

Они пожелали друг другу спокойной ночи.

— Пойдем на мыс? — спросил папа.

Муми-тролль кивнул.

Когда папа и Муми-тролль вышли на маячный холм, небо на юго-востоке осветил узкий лунный серп. Наступило новолуние, свет новой луны засиял в темном небе поздней осени. Они вышли на вересковую пустошь.

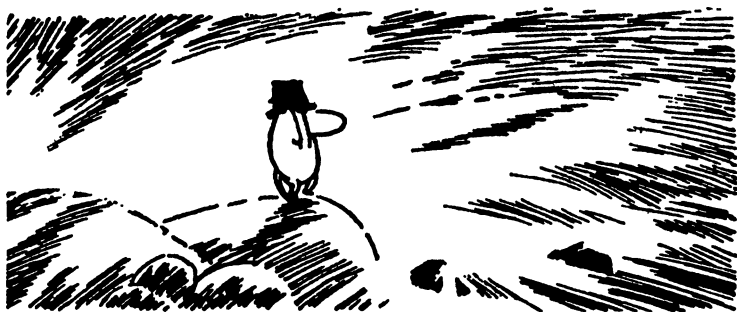
— Послушай, папа, — сказал Муми-тролль. — У меня кое-какие дела на песчаной отмели. Я должен встретиться кое с кем из знакомых.

— Хорошо, — ответил папа. — Увидимся завтра утром. Пока!

— Пока! — повторил Муми-тролль.

Папа пошел дальше — к мысу. О ящике виски он мало беспокоился. Одним мысом больше, одним меньше, ведь их много на этом острове!

Он подошел к берегу и остановился у полосы прибоя. Перед ним лежало его море, одна за другой набегали волны, шипящие и

горделивые, спокойные и неукротимые. Папа решил забыть про все свои размышления и сомнения и просто жить и наслаждаться жизнью от кончика хвоста до ушей.

Когда он оглянулся посмотреть на свой остров, то увидел полосу яркого света, шарившую наугад по морю. Свет достигал пустынного горизонта и мерно возвращался назад вместе с волнами.

Маяк снова горел.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Семейство в стеклянном шаре

7

ВТОРАЯ ГЛАВА

Маяк

26

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Западный ветер

73

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Норд-ост

100

ПЯТАЯ ГЛАВА

Туман

131

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Луна на исходе

158

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Зюйд-вест

177

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Смотритель маяка

211

Литературно-художественное издание

Туве Янссон

ПАПА И МОРЕ

Ответственная за выпуск *Наталия Соколовская*

Редактор *Людмила Лебедева*

Художественный редактор *Вадим Пожидаев*

Технический редактор *Татьяна Тихомирова*

Корректоры *Татьяна Андрианова, Елена Сокольская*

Верстка *Алексея Положенцева*

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать 22.12.98.

Формат издания 84×108^{1/32}. Гарнитура Академическая. Печать высокая.

Тираж 8000 экз. Усл. печ. л. 12,6. Изд. № 679. Заказ № 250.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»

Государственного комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

Всё о муми-троллях

ТУВЕ
ЯНССОН

ПАПА
И МОРЕ

Маленькие тролли
и большое наводнение

Комета прилетает

Шляпа Волшебника

Менюары мамы Муми-тролля

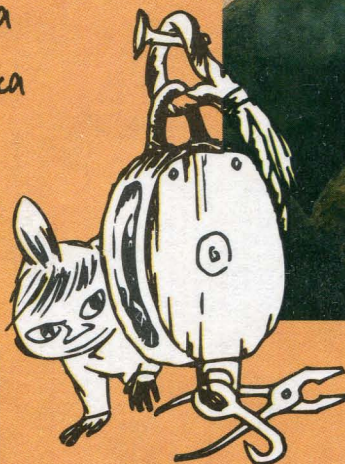
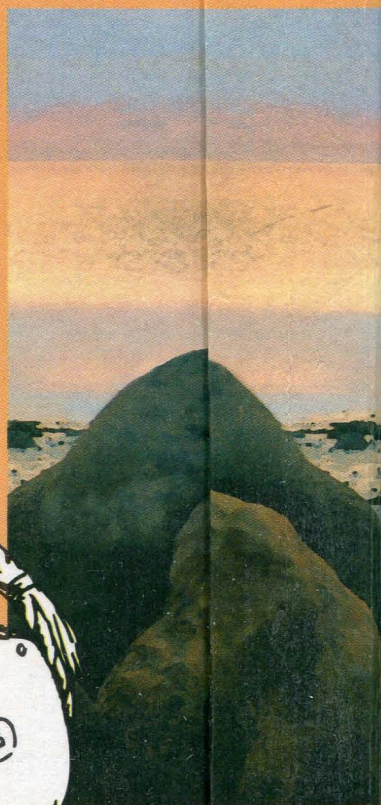
Опасное лето

Волшебная зима

Дитя-невидимка

Папа и море

В конце ноября

ISBN 5-7684-0679-4

9 785768 406790